ИЗПОВѢДЬ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА
АББАТУ МОРИ, и проч. и проч.

посвященная

ГЕНЕРАЛУ КЛЕБЕРУ

ГЕНЕРАЛОМЪ САРРАЗЯНОМЪ,

бывшимъ начальникомъ штаба генерала Бернадотта; въ Нѣмецкой и Италіянской арміяхъ.

Tantalus a labris sitiens fugentia captat
Flumina. Quid rides? Mutato nomine, de te
Fabula narratur. . . . , ...

Горац. сат. кн. I.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ - 1813.
Въ типографіи Ивана Глазунова
и его иждивеніемъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу, представлены были въ цензурный комитетъ: одинъ екземпляръ сей книги, для цензурнаго комитета, другій для департамента министра просвѣщенія, два екземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ академіи наукъ. Санктпетербургъ, Марта 10 дня. 1813 года.

Цензоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ,

Иванъ Тимковской.

БЕСѢДА ГЕНЕРАЛА АЛЕКСАНДРА БЕРТЬЕ
съ аббатомъ Мори.

Бертье. Справедливо говорятъ, г. аббатъ, что есть приятности, принадлежащія каждому состоянію. Какъ искусно проповѣдываете вы то, чего не изполняете! Я васъ знаю, и хотя вамъ уже *добрыхъ* 64 года; но вы, подобно Бонапарту, думаете молодѣть отъ молодыхъ красавицъ, стекающихся въ вашъ домъ по разпутству, которое прикрываютъ видомъ набожности. Насъ трудно обмануть, по тому что мы не уступимъ и хитрѣйшему лицемѣру. Перестаньте притворяться, будте чистосердечны, не возмущайте пустымъ страхомъ того малаго числа лѣтъ, которое остается намъ жить. Я слышалъ все, что вы говорили Бонапарту, и только что пожималъ плечами отъ жалости. Онъ забылъ нѣкоторыя изъ своихъ шалостей. Я могу вамъ разсказать о немъ все, потому что мы съ нимъ какъ рыба съ водой, то есть неразлучны до самой смерти, которая, надѣюсь, еще не скоро посѣтитъ насъ. Хорошо, что приходъ императрицы прервалъ васъ, а то вы

дошли бы и Богъ знаетъ до чего. И теперь еще не могу я опомниться отъ удивленія слыша всю вашу бесѣду. Какъ же прекрасно играете вы комедію? Что значитъ заключеніе ваше? Что значитъ ето предложеніе возвратить Бурбонамъ Французскій престолъ и заключить себя въ сѣверной Италіи? Неужъ ли вы думаете что я уступлю Нефшательское свое владѣніе также легко, какъ папа свой престолъ? Вы хотите также, чтобы я отказался отъ титула своего принца Ваграмскаго и чина вице-коннетабля! Вы не хорошо меня знаете. Бонапарте можетъ дѣлать что ему угодно. Если онъ согласится на ваше предложеніе, то я ему покорный слуга: я соберу къ себѣ всѣхъ храбрыхъ людей, которые не захотятъ пережить потери чести и если дойдетъ до того, мы умремъ со славою защищая почести и богатство, нажитые такимъ трудомъ и пролитіемъ такого множества Французской крови. Вы лучше бы сдѣлали, еслибы краснорѣчіемъ своимъ возхвалили наши побѣды, нежели стараетесь лишить насъ всего плода оныхъ. Мнѣ ничего не стоитъ изпровергнуть все ваше *благочестивое* сданіе. Я выведу на ружу дѣла ваши во время національнаго собранія. Тогда увидятъ, что вы соображаетесь со обстоя-

тельствами и *способны* только говорить великолѣпный вздоръ. Пусть дѣла идутъ своимъ чередомъ, и если вы мнѣ дадите слово не говорить болѣе о Бурбонахъ, то обѣщаю сдѣлать васъ великимъ муфтіемъ, когда самъ буду Турецкимъ императоромъ въ Царѣ градѣ. Тогда мы будемъ столь же усердными мусульманами, какъ теперь истинными христіанами. Деньги, пригожія женщины и Французскіе повара, вотъ въ чемъ состоитъ блаженство сего міра, а новая религія наша обѣщаетъ намъ прелестный Магометовъ рай. Отдаленнѣйшее потомство съ удивленіемъ будетъ говорить о Мустафѣ Бертье и о Мори, великомъ муфтіи.

Аббатъ Мори. Ваша свѣтлость такъ веселы и любезны, что я не знаю подобнаго вамъ человѣка. Будьте увѣрены, что я не пропущу случая дѣлать вамъ все пріятное. Съ удовольствіемъ соглашаюсь быть главою религіи въ вашей имперіи. Съ прискорбіемъ вижу что кардиналъ Фешъ перебьетъ у меня папство. Я согласенъ съ Цезаремъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ. Правда, мы поустарѣли, чтобы научиться Турецкому языку, а безъ етого не льзя надѣяться понравиться на-

роду; но съ помощію Господа Вседержителя, не надобно отчаяваться въ успѣхѣ.

Бертье. Пожаласта не, говорите мнѣ ни о всемогуществѣ, ни о милосердіи, ни о всѣхъ прочихъ такого рода пустякахъ. Сила и отвага, по моему, составляютъ всѣ средства къ убѣжденію. Довольно къ статѣ употребляю я ложь и подкупъ. Смѣло увѣряю, что Бонапарте въ цѣломъ свѣтѣ не сыщетъ втораго, мнѣ подобнаго человѣка, для вспомоществованія ему въ исполненіи всѣхъ его намѣреній. Когда я буду трудиться собственно для себя, то буду слѣдовать тѣмъ же правиламъ. Не хорошо сбиваться съ дороги, проложенной *великимъ нашимъ учителемъ.*

Аббатъ Мори. Извините, ваша свѣтлость, если я осмѣлюсь попросить васъ объяснить мнѣ нѣсколько тѣ правила, о которыхъ вы говорите и которые произвели столь чудесные происшествія. Бонапарте только и говоритъ что о *многочисленности и дерзости.* Скромности величайшаго изъ героевъ приписываю я, что онъ такимъ образомъ объясняетъ неслыханныя до сихъ поръ побѣды, и я чувствительнѣйше буду обязанъ, если ваша свѣтлость дадите мнѣ близкое понятіе *о военной системѣ Бонапарта.* Если вамъ когда вздумается посвятить нѣсколько

минутъ на изученіе краснорѣчія, то я поставлю за честь показать вамъ красоты онаго.

Бертье. Я васъ избавлю отъ етого труда. Карманы мои были пусты, когда занимался я Горацiемъ, Виргилiемъ и Цицерономъ. Шестьнадцать лѣтъ тому назадъ, по пустому потѣлъ я надъ учеными сочиненiями Гибертовъ и Фекьеровъ. Боюсь, чтобы предлагаемая вами мнѣ теорія не была для меня пагубна. *Рубить и грабить*, вотъ наша риторика и мораль. Бонапарте не сказалъ вамъ о лозунгѣ, который онъ отдалъ своимъ генераламъ выступая въ походъ въ 1796 г. Онъ былъ еще сильнѣе, хотя значилъ одно и то же: *побѣждать и красть*. Онъ сдѣлалъ очень простое замѣчаніе, которое однако же было очень полезно для успѣха его дѣлъ. „Обѣщайте, сказалъ онъ своимъ генера„ламъ, повиноваться мнѣ слѣпо, а я вамъ на„передъ обѣщаю *побѣды и богатство*. Согла„сіе составляетъ силу. Чѣмъ болѣе вы меня „будете уважать, тѣмъ болѣе заставлю я „васъ уважать. Хорошо устроенному тѣ„лу надобна голова. Если вы думаете, что „между вами есть кто нибудь, который былъ „бы способнѣе моего повелѣвать вами, то „назовите мнѣ его. Я представлю правле-

„нію о утвержденіи выбора вашего и первый „буду изполнять его повелѣнія. Въ против„номъ случаѣ, повинуйтесь во всемъ мнѣ и „будьте увѣрены въ моей благодарности. „Увѣряйте вашихъ офицеровъ, что *повино„веніе въ военное время предпочитается всему, „даже храбрости.*"

Аббатъ Мори. По этому Бонапарте не сказалъ мнѣ правды, полагая *отважность*, которая есть ни что иное, какъ храбрость, за причину его успѣховъ послѣ многочисленности. Позвольте мнѣ прерывать васъ, когда объясненія ваши не будутъ согласоваться съ тѣми понятіями, которые я уже имѣю о войнѣ. Будучи ораторомъ, мнѣ очень надобно знать военное искуство, чтобы приводить его къ статѣ въ *панигирикѣ* нашего императора, припасы къ которому я уже собралъ.

Бертье. Бонапарте правъ какъ въ разсужденіи своихъ генераловъ, такъ и отца духовнаго. Король Прусскій проигралъ Колинское сраженіе отъ непослушанія генерала Манштейна, котораго самъ Фридрихъ призналъ храбрымъ человѣкомъ. Надобно быть храбрымъ, неустрашимымъ и даже иногда дерзкимъ *для выполненія разпоряженій главнокомандующаго*. Можно даже пускаться на удачу,

ежели отдѣленъ въ партизаны, рѣшась твердо успѣть или погибнуть. Надобно всегда слѣдовать етому разсчету, когда рѣшишься преступать повелѣнія своего начальника.

Аббатъ Мори. Я принужденъ былъ такъ долго учиться для достиженія того совершенства, до котораго наконецъ дошелъ въ званіи проповѣдника, что съ трудомъ могу повѣрить, чтобы Журданъ, торговавшій холстомъ въ Лиможѣ въ 1790 г., могъ разбить Клерфета при снятіи осады съ Мобежа, и Принца Кобуржскаго на Флёрусскомъ сраженіи, чрезъ три года послѣ того, какъ бросилъ свой аршинъ и лавку и началъ командовать сто тысячною арміею.

Бертье. Ежели вы дошли до начала революціонной войны, то я въ короткихъ словахъ изтолкую вамъ постепенные успѣхи Французскихъ войскъ. Война императору Германскому объявлена была 20 Апрѣля 1792 г. Линейное войско Французское состояло тогда почти изъ 200 батальоновъ и 208 ескадроновъ. Въ немъ недоставало дисциплины, но оно хорошо было выучено. Офицеры знали свое дѣло. Артиллеристы и инженеры славились еще усердіемъ и знаніемъ. Національной гвардіи было только сто батальоновъ; дурно дѣлали что ими презирали. Мно-

гіе унтеръ-офицеры перешли въ нее изъ линейныхъ войскъ для обученія. Она очень скоро образовалась. Сперва сравнялась она съ линейными войсками храбростію, а потомъ во всемъ. Генераловъ еще не выбирали тогда изъ красныхъ шапокъ. Рошамбо, Богарне, Дюмурье, Брогліе, Лукнеръ, Ла Файеттъ, Дильонъ и многіе другіе, знали войну и по теоріи и по практикѣ. Война производилась какъ всегда. Во всѣхъ арміяхъ составлены были авангарды, кордебаталіи и резервы. Генералы и штабъ-офицеры старались поддерживать въ волонтерахъ ту неусыпность, которой никогда не покидали линейные войски. Размѣщеніемъ только въ старые полки успѣли дать имъ ту твердость, которая происходитъ отъ опыта. Еще ни кто не говорилъ о настоящей причинѣ успѣховъ Французовъ. Она состоитъ въ отправленіи народныхъ представителей въ арміи, въ которыхъ они были всемогущими. Если они производили въ чины людей глупыхъ, за то выводили изъ ничтожества такихъ, которые выигрывали сраженія. Забываешь Шарбоньеровъ, Лешелевъ, Россиньоноловъ и пр., видя Клеберовъ, Моро, Пишегрю, Марсо и пр., которые дѣйствительно составили въ арміяхъ генералштабъ

по отбытіи дворянъ, которыхъ отставляли смотря по дарованіямъ. Журданъ хорошій солдатъ и честный человѣкъ; но не вѣрьте, чтобы онъ былъ генералъ: Ватиньйское сраженіе выигралъ Карно, а Флерусское Султъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ Марсо командовалъ правымъ флангомъ Самбро-Маасской арміи; Журданъ былъ въ центрѣ сидя въ шарѣ, а Клеберъ начальствовалъ надъ лѣвымъ флангомъ. Больё атаковалъ Марсо на разсвѣтѣ; въ полдень весь правый флангъ былъ разстроенъ; центръ началъ отступать прямо на Лефеврову дивизію, въ которой Султъ былъ начальникомъ генералъ штаба. Французская конница была опрокинута. Лефевръ хотѣлъ слѣдовать отступательному движенію трехъ прочихъ дивизій центра; Султъ заклиналъ его держаться на своей позиціи со всѣми своими войсками, изъ которыхъ Марсо просилъ прислать къ нему отрядъ, но и въ етомъ Султъ заставилъ отказать ему. На Французовъ напали болѣе съ храбростію, нежели съ умомъ. Они выиграли оборонительное сраженіе; удержались въ своей позиціи и принцъ Кобуржскій пользуясь ночью отступилъ, не бывъ преслѣдованъ. Правый флангъ, разбитый Больё, не могъ собраться въ цѣлыя сутки. Когда вы про-

чтете безпристрастную исторію военныхъ произшествій, тогда только можете настоящимъ образомъ цѣнить славу такого множества людей, которую они почти всѣ похитили.

Аббатъ Мори. По этому, вы также воюете, какъ и Фридрихъ. Вы ничего не выдумали вновь такого, чѣмъ превзошли бы бывшихъ до васъ людей въ искуствѣ убивать другъ друга. Какъ я всегда привыкъ судить о причинахъ по ихъ дѣйствіямъ, то прошу васъ сказать мнѣ, отъ чего Бонапарте покорилъ всю твердую землю, между тѣмъ какъ Прусскій король, хотя и противился всѣмъ державамъ, но наконецъ принужденъ былъ заключить миръ, а другія націи остались въ грозномъ положеніи; отъ чего Пруссія, Австрія трепещутъ при одномъ имени своего завоевателя?

Бертье. Двѣ причины объявлены вамъ *сыномъ вашимъ духовнымъ*: многочисленность и отважность. Величайшее дарованіе Бонапарта не военное искуство; а вся тайна его состоитъ въ познаніи сердца человѣческаго. Онъ часто говоритъ съ послѣдними офицерами; часовъ по шести иногда дѣлаетъ смотръ полку; разпрашиваетъ обо всемъ полковниковъ, батальонныхъ командировъ и

капитановъ. Если кто обращаетъ на себя его вниманіе съ доброй или дурной стороны, то одинъ изъ его адъютантовъ записываетъ его замѣчанія, а вечеромъ приносятъ къ нему всѣ такія записки. Не на полѣ сраженія надобно видѣть Бонапарта, а онъ единственъ въ кабинетѣ, гдѣ разсуждаетъ о политическихъ дѣлахъ Европы и о управленіи Франціею. Онъ управляетъ золотомъ, етимъ ключемъ къ сердцамъ, съ удивительнымъ искусствомъ. Если какій нибудь капитанъ чѣмъ отличится, онъ тотчасъ берется за свои записки. Если ето свѣдущій офицеръ, то производитъ его въ батальонные командиры;-а если мѣсто ето не по его способностямъ, то даетъ ему сто луидоровъ. При первомъ дѣлѣ, человѣкъ етотъ, который только что храбръ, съ жадностію ищетъ случая показаться *отважнымъ*. Правда, отъ етого погибаетъ много людей, но мы на ето не смотримъ. Конскрипція все замѣняетъ. Кричатъ, жалуются, говорятъ что Франція тратитъ народъ для продолженія войны; но все ето вздоръ. Нѣтъ деревни, гдѣ бы не плясали по возкресеньямъ, какъ и при короляхъ. Впрочемъ, Италія, Рейнскій союзъ и Австрія дѣлаетъ все, что мы ни прикажемъ. До женитьбы импера-

тора на ерцгерцогинѣ, мы были какъ пташки на вѣткѣ, а теперь, если Французы пошевелятся, то Бонапарте предводительствуя побѣдителями подъ Еслингомъ, заставитъ бунтовщиковъ дорого заплатить за побѣды ихъ при Маренго.

Аббатъ Мори. Ета выходка, упреждающая произшествія, предполагаетъ возможность возмущенія. Я никакъ сего не хочу и отъ искреннаго сердца желаю спокойствія народамъ. Мнѣ очень хотѣлось бы знать порядокъ властей, заставляющихъ дѣйствовать армію, принаровляя оный къ кампаніи 1805 г. противъ Австріи.

Бертье. Въ ето время армія состояла изъ семи корпусовъ, составленныхъ изъ линейной пѣхоты, пѣхоты и конницы легкой, изъ 24 полковъ драгунскихъ, двухъ дивизій тяжелой пѣхоты и изъ императорской гвардіи. Вотъ списокъ, въ которомъ вы увидите все ето и съ именами генераловъ. Хотя вѣдомость ета сдѣлана была 1 Маія 1806 г., но она почти одинакова, какъ для Аустерлицкаго сраженія, даннаго 2 Декабря 1805, такъ и для Енскаго, бывшаго 14 Октября 1806. Я избираю ето время для показанія вамъ состоянія большой арміи, по тому что тогда я командовалъ оною по отъѣздѣ Бонапарта въ

Парижъ. Главная квартира моя была въ Минхенѣ.

Первый корпусъ. — Маршалъ Бернадотъ.

Первая дивизія, генералъ Риво — 8я и 54я линейныя бригады.

Вторая дивизія, генералъ Друэ — 27я легкая. 94я и 95я линейныя.

Легкая конница — генералъ Келлерманъ, 2й, 3й и 4й гусарскіе полки, и 5й конноегерскій.

Вторый корпусъ. — Генералъ Мармонъ.

Первая дивизія, генералъ Буде, — 18я легкая, 11я и 35я линейныя.

Вторая дивизія, генералъ Груши, — 84я и 92я линейныя.

Легкая конница, генералъ Лакостъ, — 6й гусарскій и 8й конноегерскій.

Голландцы, генералъ Дюмонсо.

Третій корпусъ — Маршалъ Давуц.

Первая дивизія, генералъ Моранъ, — 13я легкая, 17я, 30я, 51я и 61я линейныя.

Вторая дивизія, генералъ Фріанъ, — 15я легкая, 33я, 48я, 108 и 111я линейныя.

Третья дивизія, генералъ Гюдень, — 12я, 21я, 25я и 85я линейныя.

Легкая конница, генералъ Віаланъ, — 7й гусарскій, 1й, 2й и 12й конноегерскій.

Четвертый корпусъ — Маршалъ Сультъ.

Первая дивизія, генералъ Сентъ-Илеръ, — 10я легкая, 14я, 36я, 43я и 55я линейныя.

Вторая дивизія, генералъ Вандаммъ — 24я легкая, 4я, 28я 46я и 47я линейныя.

Третья дивизія, генералъ Легранъ, — 26я легкая, 3я, 18я и 75я линейныя.

Легкая конница, генералъ Маргаронъ — 8й гусарскій, 11й и 26й конноегерскій.

Пятый Корпусъ — Маршалъ Ланнъ.

Первая дивизія, генералъ Газанъ — 4я и 21я легкія, 58я, 100я и 103я линейныя.

Вторая дивизія, генералъ Сюше — 17я легкая, 34я, 40я, 64я и 88я линейныя.

Легкая конница, генералъ Ласалль, — 9й и 10й гусарскіе, 13й и 21й конноегерскіе.

Шестый корпусъ — Маршалъ Ней.

Первая дивизія, генералъ Дюпонъ, — 9я легкая, 32я и 96я линейныя.

Вторая дивизія, генералъ Маршанъ, — 6я легкая, 39я, 69я и 76я линейныя.

Третья дивизія, генералъ Малеръ, — 25я легкая, 27я, 50я и 59я линейныя.

Легкая конница, генералъ Дюпре, — 1й гусарскій, и 10й конноегерскій.

Седмый корпусъ — Маршалъ Ожеро.

Первая дивизія, генералъ Дежарденъ — 16я легкая, 44я и 105я линейныя.

Вторая дивизія, генералъ Сарразенъ — 7я легкая, 24я и 63я линейныя.

Легкая конница, генералъ Ожеро — 7й конноегерскій.

Корпусъ, составленный изъ гренадировъ и вольтижёровъ, подъ начальствомъ генерала Удинота.

24 драгунскихъ полка подъ начальствомъ генераловъ Клейна, Валтера, Бекера и Бомона.

Два полка карабинерныхъ и восемь кирасирскихъ подъ начальствомъ генераловъ д'Опульта и Нансути. Надъ всею етою конницею главную команду имѣлъ генералъ Мюратъ, *великій дюкъ Бержскій.*

Въ Аустерлицкомъ сраженіи, маршалъ Бессьеръ командовалъ императорскою гвардіею.

Баварцы подъ начальствомъ генерала Вреде стояли около Богеміи противъ корпуса ерцгерцога Фердинанда.

Маршалъ Ней съ Маршандовою и Малеровою дивизіями пробирался въ Тироль. Первая его дивизія, подъ командою генерала Дюпона, отдана была маршалу Морпье съ Газановою дивизіею изъ корпуса маршала Лання. Неприятель, знавшій что наши корпусы состоятъ изъ 25 или 30 т., не знаетъ съ которой стороны защищаться увидя корпусъ, котораго онъ со всѣмъ не зналъ. Бонапарте имѣетъ великій даръ показывать, что у него много или мало войска, какъ ему надобно. Казалось удивлялись, что въ нашей арміи ни въ чѣмъ не было недостатка, хотя въ ней и не было магазиновъ. Все, для насъ нужное, находимъ мы въ землѣ, которую занимаемъ. Думаютъ также, что у нашихъ офицеровъ нѣтъ екипажа; въ етомъ обманываются: въ каждомъ баталіонѣ есть повозка для поклажи ихъ вещей. Мы не волшебники; все дѣлается, правда очень живо, но простымъ и естественнымъ порядкомъ. Что же касается до военныхъ дѣйствій, то я принимаю приказанія отъ императора, сообщаю ихъ маршаламъ, которые отдаютъ ихъ дивизіоннымъ генераламъ, а они даютъ бригаднымъ надлежащіе наставленія для исполненія разпоряженій, къ нимъ относящихся. Полковники получаютъ отъ бригадныхъ гене-

раловъ приказанія въ разсужденіи ихъ полковъ, коихъ всѣми движеніями управляютъ они и подъ личною своею отвѣтственностію. Вы знаете, что смѣшно и опасно бы было заставлять дѣлать движенія, превышающіе силы человѣческія. Переходы наши быстры, если требуютъ того обстоятельства. Что бы люди не отставали, полковники имѣютъ власть брать подводы подъ усталыхъ или занемогшихъ въ переходъ. Очень было бы неосторожно посылать вольтижеровъ за *нѣсколько часовъ* впередъ колоннъ; отдѣленные сіи отряды подверглись бы отъ того опасности. Если какій корпусъ разбилъ непріятеля, то преслѣдуетъ его сильный авангардъ, который самъ поддерживается дивизіею и почти всегда всѣмъ корпусомъ. Маршалъ Мортье при Дирштейнскомъ сраженіи получилъ добрый урокъ, котораго не забудетъ во всю свою жизнь, отъ того, что не пошелъ со всѣмъ своимъ войскомъ. — Маккъ очень хорошо игралъ свою ролю: можно сказать, что благосклонность сего генерала покрыла славою Французское оружіе. — Въ Аустерлицкомъ сраженіи, Австро-русская армія состояла изъ 70 т. человѣкъ, въ томъ числѣ 12 т. конницы, а у Бонапарта подъ ружьемъ было 112 т. и въ томъ

числѣ 18 т. кавалеріи. Мортье пересказалъ ему о неустрашимости Русскихъ; по чему и прибѣгъ онъ къ *многочисленности, одному изъ великихъ полководцевъ Италіянской арміи.* Не смотря однакоже и на ету предосторожность, онъ не былъ покоенъ; на канунѣ сраженія сказалъ онъ мнѣ: *Русское войско есть первое въ свѣтѣ. Я надѣюсь выиграть сраженіе, по тому что я третью сильнѣе ихъ; но прежде нежели доидетъ до штыковъ, скажите маршаламъ, чтобы артиллерія производила сильный огонь.* Одинъ маневръ рѣшилъ сраженіе въ нашу пользу: маршалъ Сультъ занялъ Праценскія высоты и разстроилъ непріятельскій центръ. Великій Князь Константинъ дѣлалъ чудеса съ Императорскою гвардіею: онъ прикрывалъ отступленіе обоихъ крылъ. Непріятель потерялъ 6000 убитыми, 10 т. ранеными и 12 т. плѣнными; а съ нашей стороны потеря была въ 10 т., изъ коихъ 3000 убитыми и 7000 ранеными.

Аббатъ Мори. Помнится, что ваша свѣтлость поставили въ 30 бюллетенѣ, подъ статьею Аустерлицъ, отъ 12 фримера 14 года, 3 Декабря 1805, что у васъ убитыхъ было только 800, а раненыхъ 1600 человѣкъ. Я слышалъ, будто въ рапорты свои вы вносите только десятую часть убитыми, и

пятую ранеными. Я думаю, что вы сказали мнѣ правду. Мнѣ очень хотѣлось бы знать причину, которая заставила васъ нарушить ваше правило въ етомъ случаѣ.

Бертье. Мнѣ досталось за ету ошибку моего секретаря. Бонапарте называлъ меня и вѣтренницею и пустымъ человѣкомъ. Сперва я молчалъ, потомъ обѣщалъ дѣлать лучше, и туча прошла. И вы не уйдете отъ етого. Я часто отъ него слыхалъ, что онъ *оказываетъ честь* бѣшенствомъ своимъ только тѣмъ людямъ, которые пользуются его благосклонностію. Знайте, что когда поднимется буря, то надобно смиряться и молиться. Вы скоро сдѣлаетесь однимъ изъ величайшихъ святыхъ нашего земнаго рая. Парижане называютъ насъ *обезьянами*; мы имъ позволяемъ болтать, лишь бы только хорошо платили они подати. Сначала каламбуры ихъ, которые считали мы отголосками общественнаго мнѣнія; насъ трогали; но послѣ увидѣли, что ето вздоръ. Народъ Французскій, когда начнешь его ласкать, забывается до того что

Бросается на плечи къ королю. . :

Ему надобенъ государь дѣятельный, который заставлялъ бы его убивать и держалъ отъ себя въ почтительномъ отдаленіи. Мы очень

коротко знаемъ етихъ изпорченныхъ дѣтей. Увѣряю васъ, что они въ хорошихъ рукахъ.

Аббатъ Мори. Вы ничего не сказали мнѣ о конной вашей артиллеріи, которую считаютъ первѣйшею въ Европѣ. Правда ли, что когда лошади падаютъ, то вмѣсто ихъ запрягаютъ людей? Тогда ету артиллерію надобно бы называть иначе.

Бертье. Подъ артиллеріею всегда бываютъ лошади. Когда упряжечныя падаютъ, то заменяютъ ихъ крестьянскими, которыхъ безъ всякаго приказанія берутъ въ первой деревнѣ. На горахъ иногда подмогаютъ люди, но никогда въ умъ не приходило замѣнять лошадей солдатами. Во время похода, начальникъ генералштаба каждой дивизіи назначаетъ деревни, лежащія по большой дорогѣ, для квартиръ артиллеріи и обоза, которые завязли бы въ грязь или снѣгъ. Для прикрытія оныхъ оставляютъ сильный отрядъ пѣхоты. Прежде нежели назначутъ квартиры для войскъ, хорошо узнаютъ селенія, по которымъ должно ихъ разставить. Если неприятель близко, то войски не разбиваются; въ иный сарай ставятъ человѣкъ по сту; а если опасности нѣтъ, квартиры отводятся просторныя и солдаты живутъ въ нихъ, какъ бояре. Въ 1806 г. получилъ я

рапортъ, что около Вейльбурга на Ланѣ, одинъ капралъ, съ своимъ капральствомъ стоялъ въ очень хорошей деревнѣ; какъ онъ былъ въ ней главнымъ начальникомъ, то староста и пасторъ каждое утро приходили къ нему навѣдываться о его здоровьи. Кромѣ очень хорошаго стола, давали ему по полукронѣ. Деньги сіи только что переходили чрезъ руки капрала, который долженъ былъ отдавать ихъ своему полковнику, котораго полкъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ, занималъ 70 городовъ, мѣстечекъ или деревень, снабжавшихъ его всѣмъ смотря по состоянію. На сіи деньги одѣвали солдатъ и чинили ружья и проч. Обыватели кормили солдатъ. Генералы не отводятъ квартиръ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ съ условіемъ, чтобы они содержали ихъ столъ. Нѣмцы такъ привыкли ко всѣмъ такимъ поборамъ, что какъ скоро какій отрядъ приходитъ въ селеніе, то жители сами собою разлагаютъ его безъ малѣйшаго затрудненія. Система сія не новая, и въ семилѣтнюю войну всѣ войски принуждены были принять ее. Для солдата лучше, если онъ провіантъ свой находитъ въ своей квартирѣ, нежели послѣ длиннаго перехода идти въ назначенное для раздачи мѣсто за дурнымъ хлѣбомъ и кускомъ гнила-

го мяса. Поставщики горой стоятъ за магазины, потому что они могутъ красть, а я считаю что они отмѣнно вредны для службы и выгодъ земли, выключая если вы принуждены оставаться передъ глазами неприятеля, чтобы наблюдать за нимъ, грозить ему нападеніемъ, или дѣйствительно напасть на него. Разсужденіе объ етомъ принадлежитъ къ военному искуству. Подробности о всемъ, относящемся до войскъ въ походѣ, найдете вы во множествѣ военныхъ писателяхъ, которые всѣ или по крайней мѣрѣ многіе, гораздо болѣе славятся, нежели имѣютъ достоинства.

Аббатъ Мори. Сдѣлайте одолженіе, ваша свѣтлость, скажите мнѣ, какое сочиненіе о военномъ искуствѣ считаете вы лучшимъ. Я очень желаю знать основанія всѣхъ етихъ великихъ движеній, которыхъ слѣдствія опрокидываютъ вверхъ дномъ вселенную.

Бертье. Мнѣ кажется, г. аббатъ, что вы немножко рѣхнулись. Какъ! въ ваши лѣта и въ вашемъ званіи вы хотите учиться воевать? Не вздумали ли вы подражать тѣмъ славнымъ прелатамъ, которые предводительствовали крестоносцами? Но со всѣмъ вашимъ краснорѣчіемъ вамъ не удастся уговорить Бонапарта къ завоеванію обѣ-

тованной земли. У Акры насъ встрѣтили такъ, что на всегда отбили охоту къ такимъ подвигамъ. Мы ни какъ не могли сладить съ етимъ свирѣпымъ Джезаръ пашею; пожертвовавъ самымъ отборнымъ войскомъ, Бонапарте принужденъ былъ бѣжать. Если вы передъ нимъ проговоритесь какъ нибудь о Акрѣ, то попадетесь подъ гнѣвъ на полгода. Вѣрно для того только хотите вы узнать *искуство убивать другъ друга*, чтобы въ проповѣдяхъ вашихъ оживить всѣхъ тѣхъ храбрыхъ людей, которыхъ мы перебили. Къ счастію что такія возкресенія не опасны.— Мы завалены военными книгами. Перемѣня названія операцій, думаемъ мы что искуство ето улучшилось, а наука отмѣнно усовершилась. Вы можете взять Фекьера; записки его въ етомъ родѣ полнѣе всѣхъ. Есть нѣкоторыя хорошія вещи въ бредняхъ маршала Сакса. Сочиненія Фоларда, Пюйсегюра, Сантакруза, Гиберта, Жомини, Тюрпина де Криссе, Гассенди, Сессака Лакюе, Гримоара, Фуассака, Клерака, Годи, Бумара, Вобана, Нуазета, Сень-Поля и многихъ другихъ, есть не иное что какъ не полные сборники, и слишкомъ огромны, чтобы проповѣдникъ или офицеръ могли читать ихъ съ пользою. У насъ нѣтъ еще творенія, которое можно бы

было по справедливости назвать *военнымъ искуствомъ*. У насъ есть отличное сочиненіе, *уставъ о пѣхотныхъ маневрахъ* 1го *Августа* 1701 *г.* Человѣкъ, который написалъ бы такое же сочиненіе, собравъ и объясня въ такой же книжкѣ замѣчанія, относящіеся до дѣйствій арміи въ полѣ, человѣкъ етотъ, говорю я, заслужилъ бы неоспоримо благодарность всѣхъ военныхъ людей. Ему надобно внѣсти въ нее все то, что должно знать офицеру о пѣхотѣ, конницѣ, артиллеріи и фортификаціи. Изложивъ общіе правила о смотрахъ, лагеряхъ, квартирахъ, маршахъ, сраженіяхъ, ретирадахъ, осадахъ и прочихъ второстепенныхъ дѣйствіяхъ, онъ долженъ описать свойства и обязанности каждаго чиновника начиная съ главнокомандующаго до подпоручика, чтобы заслужить довѣренность подчиненныхъ и благоволеніе правительства. Очень не мудрено, что пугаются четырехъ или пяти томовъ, наполненныхъ разсужденіями, безполезными для умнаго человѣка, который тотчасъ понимаетъ истинну предлагаемаго правила, и излишними для обыкновеннаго, который никогда почти ихъ не читаетъ. Я не люблю, что Фекьеръ, написавшій четыре тома, отсылаетъ меня къ сочиненію Сенъ-Реми, чтобы узнать теорію

подкоповъ. Онъ даетъ общіе понятія, которыми нельзя пользоваться ни при нападеніяхъ, ни при оборонахъ, потому что ни слова не говоритъ о средствахъ исполненія. Въ желаемомъ мною сочиненіи довольно бы было нѣсколькихъ страницъ чтобы показать теорію и практику етой подземельной войны, которой важности ни кто еще не умѣлъ разсмотрѣть. Данцигъ держался только пятьдесятъ дней. Крѣпость ета была хорошо снабжена всѣмъ, гарнизонъ въ ней былъ многочисленный и составленный изъ отборнаго войска. Она могла бы противиться до 1го Юля. Если бы Калькрейтъ выполнилъ всю свою обязанность, то осаднаго войска не льзя бы было употребить для дѣйствій большой Французской арміи, и Бонапарте былъ бы на голову побитъ въ Гейльсбергѣ. Однакоже Пруссаки очень хорошіе инженеры. Замѣтьте, что въ угожденіе генералу Калькрейту, въ заглавіи Данцижской капитуляціи поставили, что *послѣ продолжительнаго сопротивленія, послѣ пятидесяти одного дня открытой траншеи, важнѣйшіе обстоятельства принудили договариваться о сдачѣ крѣпости* и пр. Прочитавъ ети странные слова и сравнивъ ихъ съ 77 бюлетенемъ, въ которомъ сказано, что *въ Данцигѣ нашли*

800 пушекъ, множество магазиновъ съ разными снарядами, слишкомъ 500 т. центнеровъ хлѣба . . . что Гагелсбергъ можно бы было взять приступомъ безъ большой потери, но что самая крѣпость была еще со всѣмъ цѣла; что широкій ровъ, наполненный текучею водою, представлялъ довольно затрудненій, чтобы осажденные могли продолжать оборону; прочитавъ все ето, вы скажете, что Данцигскій губернаторъ не выполнилъ своей обязанности. Однако же Калькрейтъ храбрый человѣкъ; но въ немъ недоставало нужныхъ познаній для *выдержанія* осады. Если бы онъ употребилъ контръ-мины, то могъ бы защищаться сто дней вмѣсто пятидесяти. Происшествія были для насъ удачны только по *искуству,* съ которымъ Бонапарте *располагалъ* ими.

Аббатъ Мори. Я не могъ самъ судить о защитѣ Данцига генераломъ Калькрейтомъ; но слышалъ отъ хорошихъ офицеровъ, что крѣпость ета защищалась отмѣнно худо, а особливо сдана тогда, когда могла бы держаться еще слишкомъ мѣсяцъ. Сочиненіе, о которомъ вы говорите, понравилось бы всѣмъ. Я спрашивалъ многихъ отличныхъ офицеровъ, которые отвѣчали мнѣ, что изъ всѣхъ наукъ, легче всѣхъ военное искуство.

Къ етому прежде всего требуется *храбрость*, свойство, которымъ природа меня не одарила вѣрно по тому, что предопредѣлила меня быть священникомъ. Въ первые дни революціи, отъ которой посѣдѣли у меня волосы, прежде всего напалъ на меня страхъ. Я носилъ пистолеты, чтобы пугать ими подобныхъ же мнѣ трусовъ. Признаюсь, что ни какъ не осмѣлился бы стрѣлять изъ нихъ боясь чтобы ихъ не розорвало, и потому что *церковь ненавидитъ кровопролитія.* Настоящая же причина та, что я большій руки трусъ. Мнѣ нѣтъ нужды быть храбрымъ въ званіи кардинала. Я одаренъ нужною сану моему добродѣтелью, то есть, выслушивать покаяніе прекраснѣйшихъ женщинъ, не ощущая ни малѣйшаго изкушенія вводить ихъ еще болѣе въ грѣхъ. Одни вы только можете написать сочиненіе, которое считаете такъ нужнымъ. Вы имѣете обширныя познанія о пѣхотѣ, конницѣ, артиллеріи и фортификаціи и о большой тактикѣ. Я съ своей стороны буду вамъ отмѣнно за него обязанъ. Мнѣ хотѣлось бы къ статѣ приводить техническіе слова. Недавно одинъ инженеръ шутилъ надъ реляціею вашею о Египетскомъ походѣ. Онъ охуждалъ всѣ дѣйствія при осадѣ Акры считая ихъ

противными правиламъ искусства, и очень смѣялся надъ словами, сказанными вами на 72 страницѣ, что *продолжая дѣлать проломъ, взорвали на воздухъ часть контрескарпа*; прибавя что скорѣе можно счесть васъ *воспитанникомъ Версальскимъ*, нежели Мезьерской школы. Какъ въ этомъ обществѣ не было другаго инженера, то его попросили объяснить слова его, и онъ сказалъ намъ, что подорвали ескарпъ, а не *контрескарпъ*, который можно подорвать только минёрами или сапёрами.

Бертье. Онъ правъ. Отъ вѣтренности я очень часто ошибаюсь. Тѣ только люди, которые ни какой пользы не приносятъ обществу, называются *непреложными.* Не смотря на усердное желаніе мое услужить военнымъ людямъ Франціи и Европы, признаюсь что прочіе мои упражненія не позволятъ мнѣ заняться такимъ дѣломъ которое, если хорошо его сдѣлать, потребуетъ по меньшей мѣрѣ годъ прилежнѣйшаго упражненія и разысканій отмѣнно сложныхъ. Надобно будетъ умѣть отбросить все излишнее, и ничего не упустить изъ нужнаго; словомъ взять четыреста страницъ изъ сорока тысячь. У меня не достаетъ терпѣнія, и, не смотря на все мое желаніе, услужить вамъ, я отказы-

ваюсь. Мнѣ пятьдесять три года; я уже кончилъ свое дѣло; сдѣлался владѣтельнымъ принцомъ, богатымъ и *сильнымъ*. Я хочу наслаждаться жизнію; послѣ меня *гори все огнемъ*. Думаю что Бонапарте приметъ ваше предложеніе; поговорите ему, онъ большій охотникъ трудиться; тутъ же дѣло идетъ о славѣ, потомствѣ, безсмертіи. Ети три слова, *въ которыхъ для меня нѣтъ смысла*, заставляютъ его пускаться на все. Что до васъ касается, г. аббатъ, то мнѣ кажется что вы отмѣнно добрый человѣкъ: вы говорите все, что у васъ на сердцѣ; вы не любите военнаго огня, а любите грѣться у камина. Но я не вѣрю, чтобы вы ничего не чувствовали стоя подлѣ молодой красотки, потому, что ето противно законамъ природы. Въ етомъ случаѣ вы настоящій *фарисей*: румяное лице ваше измѣняетъ вамъ. Вы знаете, что *невлюбленный человѣкъ есть мертвый*, и все, что вы ни будите мнѣ говорить въ ваше удовольствіе, лишь только болѣе убѣдитъ меня, что вы мастерски умѣете скрывать ваши забавы, за которыя однакоже нимало не намѣренъ васъ хулить, потому что и вы такій же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе.

Аббатъ Мори. Пожаласта оставте всѣ ети шутки, а позвольте попросить вашу свѣтлость, объяснить мнѣ нѣсколько кампа-

нію 1809. г. Лучшіе ваши войски были въ Гиспаніи. Берега требовали защиты для охраненія гаваней и морскихъ заведеній. Всѣ любящіе Бонапарта трепетали узнавъ что онъ на голову разбитъ подъ Еслингомъ. Всякій разъ когда я это вздумаю, меня беретъ дрожь. Увѣряютъ, что императоръ и вы подвержены были величайшимъ опасностямъ, и что безъ императорской гвардіи, принуждены бы вы были или дать убить себя или отдаться въ полонъ. Говорятъ, что ночью съ 21 и 22 Мая, Ерцгерцогъ Карлъ могъ стать между вашимъ предмостіемъ и деревнею Еслингомъ. Съ удивленіемъ, но и съ величайшимъ удовольствіемъ узнали во Франціи, что вамъ удалось съ двадцатью тысячами человѣкъ, разбитыхъ и унылыхъ, удержать слишкомъ шестьдесятъ тысячь Австрійцевъ, которыхъ духъ умножился еще болѣе одержанною ими побѣдою принудя васъ отступить до Асперна и Еслинга.

Бертье. Вы очень о многомъ вдругъ спрашиваете, г. Кардиналъ. Вы походите на Бонапарта, который часто съ быстротою молніи говоритъ все, что ему въ голову придетъ, а я принужденъ не забывать ничего, если не захочу быть браненымъ. Хотя я и привыкъ лгать въ той мѣрѣ, какую

назначаетъ мнѣ *государь и учитель мой во лжѣ, какъ и въ войнѣ*, однако же разскажу вамъ все, какъ было въ самомъ дѣлѣ, съ условіемъ однакоже, чтобы вы никогда и ни кому объ етомъ не говорили. Если Бонапарте узнаетъ то, что я вамъ открою, то за нескромность свою заплачу я по меньшей мѣрѣ обоими ушами. Смотритеже; вы въ сотеро заплатите мнѣ за всѣ неудовольствія, которые причините мнѣ своимъ болтаньемъ.

Аббатъ Мори. Довѣренность, которою вы меня удостоиваете, заставитъ меня всегда сообразаться съ малѣйшими вашими желаніями. Благосклонность ваша налагаетъ на меня признательность и непреодолимое молчаніе. Извините что я безпокою васъ, мнѣ хочется узнать настоящую истину, чтобы въ проповѣдяхъ своихъ не сказать такого, чего не одобрили бы современники и потомство.

Бертье. Вы бредите, какъ въ горячкѣ, аббатъ. Вы обѣщаете мнѣ непреодолимое молчаніе, а слова мои хотите внести въ свои проповѣди! Вотъ тайна со всѣмъ неизвѣстнаго рода. Сохрани васъ Богъ, ежели вы когда хотя заикнетесь о томъ, что я вамъ говорить буду; а ежели вы вздумаете еще писать объ етомъ, то со мною не раздѣлае-

тіесь. — Мы еще были въ Гиспаніи, когда Бонапарте получилъ извѣстіе, что Австрійскій домъ готовится къ войнѣ. Мы не хотѣли отправляться въ Парижъ до тѣхъ поръ, пока Сультъ не принудитъ Англичанъ опять убираться на ихъ корабли. Мы не пошли въ Коронью съ арміею, потому что замедлѣли бы возвращеніемъ своимъ съ войскомъ и потому что безъ сильнаго прикрытія было опасно. Уходъ нашъ изъ Валладолида выдуманъ былъ Бонапартомъ. Слѣпое счастіе насъ и тутъ не оставило: конный отрядъ изъ пятидесяти человѣкъ не засталъ насъ только однимъ часомъ. Пріѣхавъ въ Байонну, велѣлъ онъ мнѣ послать повелѣніе многимъ полкамъ идти въ Германію. Возвращеніе наше въ Парижъ *не водрузя орловъ своихъ на Лиссабонскихъ валахъ*, какъ обѣщалъ то императоръ, подало случай къ сочиненію пѣсенъ; но мы дозволили пѣть и отправляли все, что только можно было. Третьи баталь-оны многихъ полковъ стояли внутри государства и на берегахъ. Мы пропустили слухъ, что они отправляются въ Гиспанію вмѣсто гвардіи, между тѣмъ какъ они шли къ Рейну; намъ хотѣлось выиграть время, въ чемъ и успѣли. Мѣсяцемъ ранѣе ерцгерцогъ не нашелъ бы сильнаго сопротивленія вступ-

пилъ только 9 Апрѣля. У Австрійцевъ было 400 т. человѣкъ, а у насъ только 250 т. съ Поляками, Саксонцами и Рейнцами. Недостатокъ етого не позволилъ намъ слѣдовать правилу, что *лучше самому аттаковать, нежели позволить себя аттаковать.* Мы знали, что у Австрійцевъ страсть *обходить неприятеля;* по чему и рѣшились возпользоваться симъ ложнымъ правиломъ, *собравъ на одинъ пунктъ гораздо болѣе войска, нежели было у ерцгерцога.* Вернадотъ, у котораго подъ начальствомъ были Саксонцы, показывалъ видъ, какъ будто хотѣлъ пробиться въ Богемію, и етою хитростію привели мы въ бездѣйствіе цѣлый Белльгардовъ корпусъ, состоявшій изъ отборнаго Австрійскаго войска. Въ превозходныхъ силахъ напали мы на корпусы ерцгерцога Лудовика и генерала Гиллера. Ерцгерцогъ Карлъ, дозволившій побить ихъ, самъ былъ аттакованъ черезъ два дни послѣ и принужденъ ретироваться въ Богемію. Послѣ разныхъ потерь, сдѣланныхъ неприятелемъ, и дурныхъ его распоряженій, могли мы надѣяться на успѣхъ аттаковавъ его не смотря на его соединеніе. Черезъ Дунай перешли мы безъ затрудненія. Какъ мы привыкли видѣть Австрійцевъ бѣгающими отъ насъ съ 1796 г., то удивленіе наше было не-

изъяснимо, когда увидѣли, что они шли на насъ и въ большемъ порядкѣ. Драка продолжалась до ночи съ такимъ ожесточеніемъ, которое походило на бѣшенство. Мы нашли людей по себѣ. Мосты наши были сорваны, не отъ разлитія Дуная, какъ сказано въ бюллетенѣ, но пловучими мѣльницами, управляемыми подъ начальствомъ Австрійскихъ офицеровъ. Бонапарте, привыкнувъ играть отчаянно, хотѣлъ вознаградить *многочисленность отважностію; ему хотѣлось, какъ говорилъ онъ, пушками разбить туманъ, покрывавшій его солнце.* 22 Мая на разсвѣтѣ, ударили мы на непріятельскія колонны. Ерцгерцогъ принялъ насъ спокойно, отбилъ насъ и гнался за нами по пятамъ до нашей линіи, которой правый флангъ былъ у Есслинга, а лѣвый у Асперна. Насъ пригнали къ Дунаю; солдаты падали отъ усталости. Около 9,000 убитыхъ и 22 т. раненыхъ могутъ дать вамъ понятіе о етомъ кровопролитномъ Есслинжскомъ сраженіи, продолжавшемся два дни. 22 числа, съ двенадцати часовъ утра до шести вечера, Бонапарте былъ ни живъ ни мертвъ. Онъ стоялъ за деревомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ предмостія лишь только зачатаго, и думалъ, что непріятель сдѣлаетъ сильную атаку на Есслингъ и принудитъ бро-

сить ружье всѣхъ, бывшихъ на лѣвомъ берегѣ Дуная. Его окружало множество раненыхъ, мученія которыхъ *раздирали его сердце.* Увидѣвъ, что принцъ Карлъ пересталъ стрѣлять, онъ сказалъ мнѣ съ веселымъ лицемъ: *мы спаслись, впередъ никогда не буду аттаковать иначе, какъ массами; Карлъ задалъ мнѣ добрый урокъ, который однакоже возвращу я ему съ лихвою.* По обыкновенію, я казался что съ нимъ соглашаюсь, не смотря что увѣренъ былъ въ невозможности побѣдить силою. Увидя, что онъ нѣсколько успокоился, я заговорилъ о перемѣнѣ, сдѣланной Австрійскою арміею, которая вся была въ ея выгоду; завелъ рѣчь о Гиспаніи, Тиролѣ, експедиціи приготовляемой въ Англіи, разговорился о Французской вѣрности, и заключилъ мнѣніемъ, что Австрія желаетъ мира, что дѣло маркиза Шателера доставляетъ случай узнать мысли императора Франца, что надобно сдѣлать ему выгодные предложенія, и что послѣ сраженія, которое *дадутъ* намъ выиграть на лѣвомъ берегѣ Дуная, мы сдѣлаемся самыми лучшими друзьями. Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ думалъ объ етомъ въ день сраженія, когда его принудили отступить; что не токмо желаетъ онъ помириться съ Францомъ, но ему хочется сдѣлаться

*

его зятемъ; по чему и позволилъ мнѣ пользоваться обстоятельствами, чтобы какъ нибудь выполнить его намѣренія. Мы отправили депутатовъ въ Волкерсдорфъ къ императору Австрійскому; онъ соглашался на все, кромѣ *условнаго* сраженія: будучи отцемъ своихъ подданныхъ, онъ ни какъ не хотѣлъ отдавать на убой отборное свое войско для удовлетворенія самолюбія своего неприятеля и полученія отъ Англичанъ денегъ, обѣщанныхъ въ подмогу. Бонапарте, котораго разсчеты столь же благоразумны, хотя и не такъ отзываются отеческою любовію, не хотѣлъ приступать къ переговорамъ не омывъ прежде *стыда, которымъ покрылся подъ Есслингомъ;* и въ угожденіе ему, надобно было пролить столькоже крови, сколько 21 и 22 Мая. Чтобы дать вамъ понятіе о побоищѣ, бывшемъ 6 Юля, разскажу вамъ только одинъ случай. Макдональдъ атаковалъ центръ Австрійской арміи въ двенадцать часовъ дня; въ два часа по полудни у него убито и ранено 14 т. человѣкъ изъ 18 т., бывшихъ у него при началѣ атаки. Лѣвый флангъ нашъ обратился въ бѣгство; онъ былъ подъ начальствомъ Массены. Даву принудилъ отступить неприятеля на нѣкоторое пространство, *потому что не хотѣли приблизить* резервовъ,

долженствовавшихъ поддерживать етотъ Австрійскій флангъ, которымъ командовалъ Розенбергъ. Надлежало выполнить условіе, а въ противномъ случаѣ Лотарингскій домъ лишался престола: мы перешли бы за Дунай, и съ помощію конскрипціи, черезъ годъ или черезъ два, Бонапарте изполнилъ бы свои угрозы. Изъ угожденія къ самолюбію ерцгерцога Карла, отрядили сильные деташементы въ Богемію, а ерцгерцогъ Іоаннъ *долженъ былъ простоять два дни въ Пресбургѣ.* Онъ пришелъ черезъ четыре часа послѣ того, какъ ерцгерцогъ Карлъ началъ отступать. Все шло какъ нельзя лучше. Перемиріе подписано къ величайшему удовольствію обоихъ государей; показывали только видъ что дрались, чтобы обмануть Англинскихъ агентовъ и скорѣе получить отъ нихъ обѣщанныя деньги. Ваграмское сраженіе стоило 50 т. человѣкъ обѣимъ сторонамъ. Мы потеряли болѣе неприятеля отъ ошибки, случившейся при ночной атакѣ деревни Ваграмъ; колонны наши приняли одна другую за неприятельскія и много перебили. Австрійцы дрались несравненно лучше Французовъ 5 го и 6 го Юля. Безъ условія мы пропали бы совершенно, и не смотря на все Бонапартово счастіе, у котораго въ глазахъ всегда хорошо, я думаю что съ ве-

ликимъ трудомъ добрались бы мы до Рейна. Будучи вѣрнѣйшимъ исполнителемъ малѣйшихъ желаній своего брата, ерцгерцогъ Карлъ не противился нашему переходу, хотя онъ и дѣлался только за милю отъ лѣваго фланга его арміи. Ему надлежало, для вида, отрядить нѣсколько колоннъ къ намъ на встрѣчу; но онъ благосклонность свою простеръ до того, что позволилъ намъ сдѣлать деплойяду не *почтивъ* ни однимъ выстрѣломъ. Я горѣлъ отъ стыда, а Бонапарте безпокоился; онъ справедливо боялся, чтобы не открылась истинна; тогда потерялъ бы онъ славу отмстить за Есслинжское сраженіе, за которою онъ такъ гонялся. До сихъ поръ, аббатъ, вы вѣрно думали, что ни кого нѣтъ хитрѣе васъ; вы очень обманывались и будте увѣрены, что мы можемъ поспорить съ вами въ *старшинствѣ*.

Аббатъ Мори. Я уступаю вамъ его. Вы неоцѣненные герои съ своими штыками и хитрые дипломаты съ переговорами. Не смотря что публика, по злости своей, называетъ насъ коварнѣйшими людьми, однакоже мы не стоимъ вашего пальца. Бонапарте играетъ императорскую свою ролю на обширномъ театрѣ своей славы точно такъ, какъ будтобы по прямой линіи происходилъ отъ Кар-

да великаго, а вашу свѣтлость ни съ кѣмъ лучше не могу я сравнить, какъ съ Сюлліемъ, етимъ достойнымъ любимцемъ великаго Генриха. Побѣды ваши можно уподобить Геркулесовымъ подвигамъ. Наслаждайтесь мирно плодомъ дѣлъ вашихъ. Принеся чувствительнѣйшую благодарность за сдѣланное вами мнѣ одолженіе, мнѣ очень хотѣлось бы еще узнать мысли ваши о ерцгерцогѣ Карлѣ. Онъ кажется не безъ дарованія; онъ сражался въ Фландріи въ 1793 г., побилъ Журдана въ 1796 г и въ етотъ же годъ принудилъ Моро перейти опять за Рейнъ. Вы *поколотили* его въ Италіи въ 1797 г. на Тальяменто и въ Каринтіи. Онъ разбилъ Массену въ 1805 г. при Кальдеро. Бывъ прогнанъ подъ Екмюлемъ, онъ одержалъ побѣду при Есслингѣ, и соглашается считаться побитымъ подъ Ваграмомъ изъ угожденія своему брату. Ета смѣсь неудачи и успѣховъ останавляетъ общественное мнѣніе на счетъ такого военачальника, который, послѣ Бонапарта, отличался болѣе всѣхъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ.

Бертье. Двоюродный братецъ мой Карлъ очень хорошій военный человѣкъ. Онъ исполненъ чести. Все сдѣланное имъ подъ Ваграмомъ, подтверждаетъ только мнѣніе о добромъ его сердцѣ. Славою своею пожертво-

валъ онъ спокойствію своего отечества и счастію семейства. Онъ могъ легко выиграть побѣду, потому что мы не въ состояніи были выставить противъ него столь же сильной арміи. Онъ увѣрялъ въ етомъ императора Франца, который однакоже упорно стоялъ въ намѣреніи свемъ заключить миръ, сказавъ: *Вспомните Екмюль. Васъ разбили тогда, когда войско было, такъ сказать, почти невредимо. Подъ Есслингомъ, съ 60 т. вы не могли принудить Французовъ положить ружья. Мнѣ хочется кончить; я уже очень усталъ. Если вы не согласитесь выполнить моего намѣренія, я все заключу миръ уступя Богемію и всю старую Польшу.* Карлъ, у котораго недостаетъ твердости, повиновался Францу. Говорили, будто онъ етаго дѣла со всѣмъ не зналъ, и будто начальникъ его генералштаба разполагалъ всѣмъ по данному отъ императора тайному предписанію. Хотябы слуху етому сначала многіе повѣрили; но бракъ Маріи Луизы съ Наполеономъ долженъ убѣдить невѣрнѣйшихъ. Двоюродный мой братецъ славный военачальникъ. Бонапарте считаетъ его однимъ изъ первѣйшихъ второстепенныхъ генераловъ. Успѣхами своими въ 1796 г. обязанъ онъ несогласію, бывшему между Журданомъ и Моро. Мнѣ разсказывали, что послѣ одной неудачи

сказалъ онъ за столомъ, "что удивляется „тремъ вещамъ: во первыхъ, что Лиможскій „лавочникъ и Морлесскій адвокатъ предво„дительствуютъ каждый стами тысячами „человѣкъ; во вторыхъ, что они завидуютъ „другъ другу какъ будто старинные Францу„скіе принцы крови; и въ третьихъ, что „*такіе уроды* бьютъ Австрійскихъ генера„ловъ." Разбивъ Журдана, онъ не умѣлъ воспользоваться своимъ счастіемъ. Онъ выигралъ Вюрцбуржское сраженіе, и не преслѣдовалъ Французской арміи, которая была въ совершенномъ безпорядкѣ. Казалось, что онъ боялся Рейнской арміи и позволилъ Моро спокойно перейти чрезъ эту рѣку. Осада Келя показала его храбрость, которая равнялась съ отвагою; но ему въ этомъ нужды не было: сто сраженій доказали что онъ не трусъ. Таковы-то Австрійцы. Онъ обѣщалъ прогнать Французовъ на лѣвый берегъ Рейна. Онъ непремѣнно хотѣлъ докончить осаду Келя между тѣмъ какъ присутствіе его въ Италіи было бы несравненно полезнѣе. Наконецъ, онъ туда прибылъ прежде прихода войскъ своихъ. Ему не дали время соединить ихъ; на него напали, побили и принудили подписать миръ. Успѣхи его въ Швабіи противъ Журдана въ 1799 г., можно приписать превосход-

ству его арміи и невѣжеству его противника. Занятіе Швейцаріи дорого ему досталось отъ упорства Массены. Ему упрекали за движеніе его на нижнемъ Рейнѣ, которое было причиною разбитія Австрорусской арміи на Лимате. Это правда: онъ сдѣлалъ большую ошибку. Швейцарія представляла важнѣйшую позицію начиная отъ Голландіи до Тосканы. Это слабая сторона Франціи. Успѣхи, одержанные въ Италіи должны бы были заставить принца Карла принудить Массену со всѣмъ очистить Швейцарію. Зависть его къ Суворову замѣнила дирекціи сто тысячную армію. Изъ исторіи вы увидите, въ какомъ критическомъ положеніи была тогда Франція и отъ внутреннихъ смятеній и отъ разстройства ея войскъ. Союзники не умѣли пользоваться сими обстоятельствами, которыхъ лучше не было съ 1792 г. для возвращенія Бурбонамъ престола ихъ прародителей. Въ Италіи, въ 1805 г. принцъ Карлъ противился Массенѣ, побилъ его у Калдеро и отступилъ къ Вѣнѣ, когда Маккъ открылъ намь всѣ дороги къ сей столицѣ. Движеніе свое началъ онъ очень поздно, и выполнилъ очень медлѣнно. Ежелибы онъ былъ въ Вѣнѣ, то разпорядилсябы лучше, а содѣйствіе арміи его въ Моравіи перемѣнило бы

ходъ дѣлъ. У него была отборная пѣхота и конница. Генералъ Еллахичь увѣрялъ, что у него было 60 батальоновъ Венгерцевъ. Притворный Пресбуржскій миръ дозволивъ намъ наказать Пруссію за ея гордость, ерцгерцогъ Карлъ занялся обученіемъ пѣхоты. Онъ принялъ Французскія маневры, понявъ, что непріятеля должно бить собственнымъ его оружіемъ. Я слышалъ отъ Бонапарта, что ежелибы онъ былъ ерцгерцогомъ Карломъ, то прогналъ бы Французовъ на лѣвый берегъ Рейна 1 го Мая 1809 г. Австріи надлежало послать только 20 т. человѣкъ въ Польшу, и 30 т. въ Италію, а у ерцгерцога оставалось бы слишкомъ 300 т. человѣкъ противъ 150 т. Французовъ и Рейнцевъ. На Богемскихъ границахъ должно бы было оставить только легкіе войски; пусть Бернадотъ взялъ бы Прагу, но за то большую Бонапартову армію прогнали бы до Страсбурга. Когда выигралибы рѣшительное сраженіе, тогда можно бы было еще успѣть послать Белльгардовъ или Колловратовъ корпусъ отрѣзать завоевателей сей провинціи, которые принуждены бы были отступать на Дрезденъ форсированнымъ маршемъ. Такимъ образомъ, еслибы ерцгерцогъ не раздроблялъ войскъ своихъ, то побилъ бы насъ подъ Екмюлемъ, какъ

то сдѣлалъ подъ Есслингомъ. Природа не одарила его тѣмъ высокимъ умомъ, который основываетъ и разрушаетъ государства, но онъ преопытный человѣкъ въ войнѣ. Онъ аттакуетъ дружно, искуснѣе нападаетъ нежели защищается; въ етомъ онъ походитъ на Французовъ. Большую часть военныхъ его ошибокъ приписываютъ окружающимъ его; также иногда мѣшали ему повелѣнія гофкригсрата. Я знаю, что Бонапарте считаетъ его только между второстепенными генералами, говоря, что *онъ недѣлаетъ твердаго плана дѣйствіямъ, а ежели и сдѣлаетъ, то не умѣетъ заманить въ него непріятеля искуствомъ и отважностію своихъ движеній.* Соглашаясь въ етомъ, думаю я однакоже, что ерцгерцогъ Карлъ есть первый полководецъ послѣ Сульта и Бонапарта.

Аббатъ Мори. Ваша свѣтлость вѣрно по скромности себя забываете. Я не столько похожъ на Сципіона, какъ вы на Аннибала, который помѣстилъ себя послѣ Александра и Пирра. Публика приписываетъ вамъ чудеса, произведенные императоромъ, считая его васъ Менторомъ. Васъ называютъ первымъ полководцемъ нынѣшняго вѣка, и подъ симъ названіемъ позвольте изъявить

вамъ чистосердечнѣйшее мое почтеніе и удивленіе.

Бертье. Вы обременяете меня и знаніемъ своимъ исторіи и насмѣшками. Знайте, г. аббатъ, что я только изъ числа тѣхъ генераловъ, о которыхъ не говорятъ. Я хорошій начальникъ генералъ штаба. У меня очень хорошая память, поворотливый языкъ и я неутомимъ! Императоръ гоняетъ меня, какъ почтовую лошадь. Я никогда на него не жалуюсь, онъ мнѣ хорошо платитъ и я всегда веселъ. Вы ошибаетесь, если думаете, что я не читывалъ Тита Ливія. Ежели вы слыхали о умершихъ и здравствующихъ генералахъ, которые отличались въ революціонную войну, то первое мѣсто принадлежитъ Клеберу, а второе Моро. Смерть одного и ссылка другаго избавили насъ отъ двухъ совмѣстниковъ отмѣнно опасныхъ. Богъ знаетъ чѣмъ бы мы теперь были, если бы *отуречившійся* Французскій генералъ не велѣлъ убить перваго! Ежели вы хотѣли попробовать моей учености, то скажите пожалоста какое сходство находите вы между собою и Сципіономъ Африканскимъ, которому Аннибалъ отвѣчалъ сказанные вами слова? У васъ страсть выказывать ученость и вы всегда будете не кстатѣ приводить ее, какъ скоро

выдете изъ того круга, который по егоисму считаете за совершенство ума и сердца...

Аббатъ Мори. Я очень люблю правду. Я точно то думаю, что сказалъ вашей свѣтлости. Не уже ли вы считаете меня способнымъ смѣяться надъ другомъ и любимцемъ нашего государя? Вы слишкомъ справедливы, чтобы судить обо мнѣ такъ строго. Ежели бы теперь мнѣ было двадцать лѣтъ, то я сей же часъ попросился бы къ вамъ въ адъютанты или въ генералъ-штабъ. Меня увѣряли, что мѣста ети отмѣнно приятны. Занимающіе ихъ не принуждены бивакировать какъ полковые офицеры; они неподвержены брюзгливости батальонныхъ и полковыхъ начальниковъ; имъ извѣстны движенія арміи, по всюду принимаютъ ихъ отлично, они обучаются большой войнѣ, и навѣрное находятъ хорошій столъ въ главной квартирѣ и не забываются при производствахъ. Меня увѣряли, что адъютанты маршала Ожеро, въ кампанію 1806 г. въ Германіи, получили отъ своего генерала тысячи по двѣ луидоровъ каждый, между тѣмъ какъ онъ не давалъ ни копѣйки генераламъ, которые управляли всѣми аттаками на корпусъ Елдахича въ Форальбергѣ близь Линдавы и Брегенца. Ето я знаю отъ одного приятеля, тамъ же бывшаго. Я

не дивлюсь болѣе, ежели молодые знатные люди при короляхъ добивались съ такимъ жаромъ мѣстъ, которые доставляли имъ славу, деньги и удовольствія. У меня есть племянникъ, молодецъ хоть куда; военная служба ему нравится; я смѣю препоручить его въ милость вашей свѣтлости и просить о помѣщеніи его въ генералъ-штабъ.

Бертье. Я удивляюсь тому, что вы говорили объ Ожеро, зная его скаредность; это бездонная кадка; чѣмъ болѣе онъ грабитъ, тѣмъ болѣе хочетъ драть. Видно онъ нахваталъ довольно въ Швабіи, что такъ чиво поступилъ съ своими адьютантами. Позвольте мнѣ усумниться въ истиннѣ етого. Что касается до поступка его съ подчиненными ему генералами, тутъ дивиться не чѣму. Онъ хотѣлъ доказать имъ, что сообразается съ приказаніями императора, который строго запретилъ своимъ маршаламъ и всякому военному человѣку сбирать контрибуцію собственно для себя. Я опредѣлилъ нарочныхъ къ сему людей въ каждую завоеванную провинцію. Ожеро искусно увернулся отъ повелѣнія императора заставя сдѣлать себѣ подарки подъ предлогомъ избавленія отъ постоя. Кампанія принесла ему около ста тысячь скю. Вотъ что узнали мы чрезъ

своихъ шпіоновъ. Маршалъ Ней сдѣлалъ со всѣмъ не то. Онъ принудилъ Тирольское правительство заплатить себѣ 500 т. франковъ. Лишь только узналъ ето императоръ, то приказалъ генералъ-казначею взять съ него вексель по объявленію въ такую же сумму, по которому деньги тотчасъ взысканы. Мнѣ приказали предувѣдомить Нея, чтобы онъ изполнилъ Бонапартово повелѣніе или тотчасъ оставилъ армію. Разсужденіе императора мнѣ кажется справедливо. *Онъ признается, что онъ атаманъ воровъ, что онъ воруетъ для всѣхъ и постарается ни кого не обидѣть на дѣлежѣ.* Какъ система ета принята всѣми вообще, то доходы арміи ужасны. Люди такого разбора, каковъ Ожеро, не скоро отстанутъ отъ привычки. Послѣдняя кампанія въ Австріи довольно была прибыточна; очень трудно искоренить злоупотребленія, доставляющіе деньги. Что касается до адъютантовъ или офицеровъ генералъ-штаба, то должность ихъ описали вамъ только съ хорошей стороны. Полковый офицеръ отправивъ свою очередь на караулъ, остается свободнымъ и можетъ располагать временемъ, какъ ему угодно; а офицеръ генералъ-штаба есть настоящій невольникъ: если онъ не нуженъ на аванпостахъ, то употре-

бляютъ его въ канцеляріи на отправленіе приказовъ; ежели надобно за чѣмъ либо важнымъ послать наскоро или препорученіе это можетъ подвергнуть опасности, то всегда предпочитаютъ адъютанта или офицера генералъ-штаба конному ординарцу или фельдъегерю, которыхъ посылаютъ только въ обыкновенныхъ случаяхъ. Какъ скоро завидятъ непріятеля, то только и слышишь, чтобы адъютанты и офицеры генералъ-штаба садились на лошадей, скакали на аванпосты, и узнавали ложная ли это тревога или настоящее нападеніе. Они скачутъ что есть духу, разсматриваютъ съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не ошибиться въ донесеніи, по которому генералъ долженъ принимать дальнѣйшія мѣры. Если тиральёровъ заставляютъ отступить, и если офицеръ командующій ими, человѣкъ вялый или не разторопный, то посылаютъ управлять ими офицера генералъ-штаба. Если непріятельскому отряду удастся ворваться въ интервалъ двухъ дивизій, то посылаютъ адъютанта или офицера генералъ-штаба на хорошей лошади какъ нибудь пробраться и передать словесное приказаніе что дѣлать. Для сего рода службы потребна дѣятельность, разторопность и отважность необыкновенныя. У насъ мало

хорошихъ офицеровъ генералъ-штаба; потому что не слишкомъ много стараются обучать ихъ. Надобно непремѣнно, чтобы молодые люди, опредѣляющіе себя на службу въ генералъ-штабъ, были столько учены, чтобы можно было ихъ принять инженерными, артиллерійскими, конными или пѣхотными офицерами. Я не согласенъ съ Бумаромъ, который желаетъ, чтобы инженеры были офицерами генералъ-штаба. Разсчетъ его не вѣренъ. Ему надлежало бы сказать, что всѣ офицеры генералъ-штаба должны быть инженерами по своимъ знаніямъ. Фортификація отмѣнно помогаетъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Военный человѣкъ, знающій эту науку, съ перваго взгляда видитъ выгоды, какія можно получить отъ позиціи. Въ случаѣ нападенія, можно смѣтить слабую позицію неприятеля; недостатки занимаемаго мѣста можно поправить ретраншаментами и пользоваться тѣмъ, чего не видитъ обыкновенный человѣкъ, который старается только, чтобы близка была вода да лѣсъ. Вы увидите въ предпамѣреваемомъ сочиненіи *о военномъ искуствѣ*, какъ важна и трудна должность офицера генералъ-штаба. Я боюсь, чтобы племянникъ вашъ не походилъ на васъ въ склонности къ ученію Епикурову; по чему и

не совѣтую отпускать его подъ Марсовы знамена. Еслибы я не былъ принцемъ, то сдѣлался бы кардиналомъ. Ежели я доживу до 70 лѣтъ, то буду уже калекою и неспособнымъ воевать, а вы напротивъ, чѣмъ болѣе старѣетесь, тѣмъ болѣе дѣлаетесь предметомъ общаго уваженія. Насъ зовутъ дураками, вралями, между тѣмъ какъ васъ почитаютъ точно какъ будто вы уже святые. Ежели хотите вы оказать настоящую услугу вашему племяннику, надѣньте на него черную рясу и постарайтесь скорѣе украсить его кардинальскою шапкою. Онъ вамъ во сто разъ будетъ болѣе обязанъ, нежели тогда, когда бы вамъ удалось сдѣлать его начальникомъ самой лучшей арміи въ Европѣ. — Инженеры должны быть отдѣляемы отъ генералъ-штаба. Ежели польза службы не заставитъ жить согласно генералъ-штабъ съ инженернымъ корпусомъ, то власть главнокомандующаго принудитъ ихъ къ тому. Но у насъ это очень рѣдко случалось. Инженерные офицеры пользуются въ арміи уваженіемъ, которое они вообще заслуживаютъ своими познаніями, трудолюбіемъ и хорошимъ возпитаніемъ. Причины эти почти всегда заставляютъ генераловъ объявлять имъ одинъ разъ на всегда, что бы они счи-

тали себя въ числѣ генералъ-штаба какъ въ разсужденіи стола, такъ и общества.

Аббатъ Мори. Въ етомъ случаѣ, прошу васъ помѣстить племянника моего въ инженеры. Онъ похожъ на меня: любитъ хорошій столъ, приятное общество и полезныя науки. Я вижу что ваши инженеры не скачутъ на аванпосты, какъ офицеры генералъ штаба. Они занимаются ретраншаментами, построеніемъ мостовъ, снятіемъ позицій, и етотъ трудъ, который не подвергаетъ жизнь ихъ опасности, очень для него будетъ хорошъ, также какъ и для меня, потому что сохраненіе его отмѣнно для меня важно. Ваши инженеры вѣрно доживаютъ до старости, ибо не принуждены водить войскъ на сраженіе, между тѣмъ какъ вашихъ адьютантовъ и офицеровъ ганералъ-штаба бьютъ какъ мухъ и ни за что ни про что. Какъ императору кажется не скучно съ императрицею, а для меня очень приятно слушать ваши замѣчанія, то сдѣлайте одолженіе скажите мнѣ, что вы думаете о Гиспанской войнѣ?

Бертье. Прежде всего надобно мнѣ вывести васъ изъ заблужденія о мнимомъ безсмертіи инженеровъ. Видно вы не знаете что они составляютъ душу осадъ, какъ въ разсужденіи нападенія, такъ и обороны крѣпо-

спей. Ни какъ не льзя сравнить опасности, которымъ подвергаются офицеры генералъ-штаба въ кровопролитнѣйшее сраженіе, съ опасностями инженеровъ во время осады, гдѣ они должны не токмо назначать всѣ работы, но и оставаться съ работниками для показанія имъ дѣла. Они безпрестанно подвержены выстрѣламъ съ валовъ и покрытаго пути и часто принуждены бываютъ драться, чтобы прогнать вылазку, высылаемую для разоренія ихъ работы. Не говоря о вѣкѣ Лудовика XIV, прочитайте реляцію мою объ осадѣ Акры; вы увидите, что мы тамъ потеряли инженеровъ отличнѣйшихъ, и будете благодарить Бога, что племянникъ вашъ при васъ, оставя охотникамъ службу въ генералъ-штабѣ, которая отмѣнно трудна, хотя и отлична, также и по инженерной части, которая столько почтенна, можетъ быть болѣе еще полезна и навѣрное болѣе опасна для всякаго, кому жизнь дороже славы. — Какъ скоро узналъ я намѣреніе императора возвести брата своего Іосифа на престолъ Карла IV, далъ тотчасъ о томъ знать Таллейрану, котораго оно столько удивило, какъ и привело въ безпокойство. Онъ опровергалъ его причинами, которыя послѣ доказаны самымъ дѣломъ. Какъ искусный придвор-

ный человѣкъ, сначала казалось онъ одобрялъ намѣреніе; оно, по мнѣнію его, могло выполниться, *но гораздо позже.* Онъ предсказалъ войну съ Австріею за годъ прежде. Императоръ отошелъ отъ него сказавъ: *кажется вы забыли Ульмъ и Аустерлицъ. Еслибы Австрія хотѣла воевать, то напала бы на меня послѣ Ейлавскаго сраженія.* Таллейранъ, котораго хладнокровія ни чѣмъ возмутить не льзя, далъ пройти бурѣ, и когда Бонапарте, отдающій справедливость отличнымъ дарованіямъ сего дипломата, подошелъ опять нѣсколько успокоившись, Таллейранъ сказалъ ему: *что онъ считалъ за долгъ донести ему о своемъ мнѣніи, въ подтвержденіе котораго проситъ онъ его величество вспомнить о Маренго и Гогенлинденѣ.* Послѣднее слово, напомнившее о побѣдѣ, одержанной Моро, не понравилось Бонапарту. Таллейранъ, какъ очень хитрый человѣкъ, на вѣрное сказалъ его съ двоякимъ намѣреніемъ, чтобы поддержать свое мнѣніе и уколоть императора въ отмщеніе за вышесказанные слова. Съ сихъ поръ принимаютъ его холодно. Вы знаете насильственные поступки съ Гиспанскимъ королевскимъ домомъ. Еслибы Бонапарте не рѣшилъ, что Бурбоны перестали царствовать,

што думаю далъ бы брату своему Карлу какое нибудь королевство въ Италіи, или Римъ или Тоскану. Я совѣтовалъ дать ему Ломбардское. Онъ не могъ бы не принять его по обстоятельствамъ. Мы отняли бы его назадъ, какъ скоро Гиспанію подвергли бы Іосифу. Мы ни какъ не воображали найти тамъ столь упорное сопротивленіе. Бонапарте, покорившій почти всю Европу, считалъ сказками присылаемые къ нему донесенія, о твердости Кастильцевъ, привязанности ихъ къ своему королю, и душевную ихъ ненависть къ Французамъ. Когда Дюпонъ сдался, Іосифъ принужденъ былъ выдти изъ Мадрита, а Французская армія отступить къ рѣкѣ Ебро, тогда мы страннымъ образомъ удивились и неудачи сіи приписали глупости и трусости Французскихъ генераловъ, въ то время какъ увѣрены были, что во всемъ точно слѣдовали планамъ Мюрата, который самъ ихъ получилъ изъ Байонны, и что дрались храбро до тѣхъ поръ, пока по неволѣ принуждены были соображаться съ обстоятельствами. Не смотря на то, что Морла сдалъ намъ Мадридъ, Бонапарте легко могъ увѣриться, что сдѣлалъ большую ошибку въ политикѣ; онъ видѣлъ собственными своими глазами, что долженъ былъ драться

не съ Вандейскими мужиками или Италіянскими инсургентами. Онъ нашелъ въ Гиспанскихъ патріотахъ изувѣрную дерзость Мамелюковъ и кровожадкую хитрость степныхъ Арабовъ. Ежели не удавалось имъ отравить Француза въ кушаньѣ, то они прокрадывались въ его комнату, гдѣ онъ спалъ спокойно, и зарѣзавъ зарывали въ погребѣ или садѣ. Мы отъ етого потеряли гораздо болѣе людей, нежели отъ непріятельскаго оружія. Монахи имѣютъ отмѣнную власть: съ крестомъ въ одной рукѣ, съ саблею въ другой, и полковничьими еполетами на монашеской рясѣ, они ведутъ Гиспанцевъ на сраженіе. Мы очень знаемъ, что въ Гиспаніи давольно народа, чтобы прогнать насъ до самыхъ границъ, а особливо съ помощію Англичанъ; но мы постарались вселить къ послѣднимъ величайшую недовѣренность, и возпользовались возвращеніемъ експедиціи генерала Мура въ Англію, чтобы увѣрить Гиспанцевъ, что Англичане не могутъ оказать имъ ни малѣйшей настоящей услуги, между тѣмъ какъ Французовъ выдавали за *природныхъ ихъ друзей.* Но гласъ нашъ раздавался въ пустынѣ. Португальцы то же думаютъ. Когда Массена, взявъ Альмейду, пойдетъ на Лиссабонъ, тогда туча вооору-

женныхъ граждань, будетъ томить его войско; а если захочетъ онъ удержать свободное сообщеніе съ Франціею, то принужденъ будетъ оставить сильные отряды, которые обезсилятъ его армію и на долго остановятъ занятіе столицы сего королевства. Англинскій генералъ долженъ будетъ уступить превозходству регулярныхъ войскъ и пойдетъ маневрировать въ крѣпкія позиціи на лѣвомъ берегѣ Тага. Я боюсь даже, чтобы онъ не сталъ наступать, если получитъ достаточное подкрѣпленіе; тогда Французская армія должна будетъ отступить къ сикурсу, который пошлютъ къ ней въ случаѣ нужды. За многое надобно хулить Бонапарта. Ежели бы онъ отдалъ Сульту начальство надъ Португальскою арміею, то теперь мы были бы въ Лиссабонѣ и принудили Англичанъ отплыть или въ Андалузію или въ Англію. Не льзя быть храбрѣе Массены; онъ нападаетъ съ безпримѣрнымъ упорствомъ и защищается храбро: онъ дерется какъ баранъ, головою; у него одно съ Бонапартомъ правило, воевать многочисленностію. Сультъ не уступаетъ Массенѣ ни въ храбрости, ни въ упорности; но къ етому присоединяетъ хитрость лисицы; и малѣйшая невыгода непріятельскаго положенія не уходитъ отъ его

взора; онъ славно перешелъ чрезъ Сіерру Морену. Мы побоялись дать етому генералу новый случай затьмить военную нашу славу, которую льстимся имѣть въ высочайшей степени. Мы еще не забыли, что онъ по видимому безъ отвращенія привыкъ къ титулу *величества, которымъ почтили его въ Опорто*, когда вошелъ онъ въ Португалію послѣ Короньйскаго сраженія. При етомъ то случаѣ Бонапарте сказалъ Сикару, старшему Сультову адъютанту: „Мнѣ сказывали, „что начальникъ вашъ позволилъ называть себя въ Опорто королемъ. Скажите „ему отъ меня, что ежели впередъ осмѣлится онъ отступать отъ исполненія моей воли, то я его опять сомну въ грязь, изъ которой онъ вышелъ только по случаю и „злодѣяніямъ революціи, *которой болѣе нѣтъ*." На етотъ строгій выговоръ Сультъ отвѣчалъ покорными словами, которые слишкомъ были низки, чтобы убѣдиться въ ихъ истинѣ. Онъ принужденъ скрывать на сердце гнѣвъ свой, потому что нечего дѣлать: мы приставили къ нему *неподкупимыхъ*, Виктора, Мортье и Себастіани. Я думаю, давно уже онъ поднялъ бы бунтъ, ежелибы были у него офицеры, могущіе пристать къ честолюбивымъ его намѣреніямъ. Онъ меня

не проведетъ притворнымъ своимъ усердіемъ и строгими мѣрами своими противъ Гишпанскихъ патріотовъ. Я желалъ бы обмануться, но увѣренъ, что ежели будетъ съ нами какое безвремянье, то вѣрно придетъ оно съ южной стороны. Я, какъ Цезарь, который не боялся Антонія отъ того что онъ былъ толстъ и жиренъ, а опасался Брута и Кассія, которые были сухощавы, блѣдны и задумчивы также какъ Сультъ. Говорили, что ежели Гиспанцы будутъ сильно дѣйствовать въ Каталоніи, то принудятъ Массену ретироваться; но подъ этимъ вѣрно разумѣли Макдональда или по меньшей мѣрѣ Сюшета, который начальствуетъ въ Аррагонскомъ королевствѣ. Дѣйствія въ Каталоніи никакой не могутъ имѣть силы надъ дѣйствіями Португальской арміи. Диверсіи въ Галиціи, въ Леонскомъ королевствѣ и въ Естрамадурѣ должны обратить на себя все вниманіе Гиспанскихъ генераловъ. Мы очень счастливы, что они несогласны между собою. Они не знаютъ нашей слабости и своей силы. Я ожидалъ *самъ въ себѣ* повелѣніе Бонапартово рѣзать всѣхъ кресстьянъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ; это все равно, ежели бы онъ сказалъ имъ: *рѣжте всѣхъ моихъ солдатъ, которые попадутся къ вамъ въ полонъ.*

Строгость ета произвела уже важные неудобства. Я не смѣю сказать ему етого, а вамъ можно завести объ етомъ рѣчь во время бесѣды. Ета война кончится только тогда, когда перебьютъ всѣхъ жителей. Мы теперь столько же имѣемъ власти въ Гиспаніи, сколько и въ Январѣ 1809 г., когда изъ нее вышли. Андалузія не была у насъ въ рукахъ, но за то мы занимали Галицію, изъ которой принуждены были выдти; даже сообщеніе наше съ Мадридомъ не можетъ производится иначе, какъ посредствомъ сильныхъ отрядовъ. На конвои наши почти всегда нападаютъ и часто бьютъ ихъ партіи, разсѣянныя по всей Гиспаніи. Тоже кажется будетъ и въ Португаліи, когда Англичане отступятъ къ Лиссабону, и наша армія потерпитъ несравненно болѣе отъ етой войны разбойниковъ, нежели когда надлежало бы ей сражаться съ регулярнымъ войскомъ.

Аббатъ Мори. Послѣ етого, я не намѣренъ опредѣлять племянника своего ни въ генералъ-штабъ, ни въ инженеры. Церковная служба будетъ для него пріятнѣе. Я знаю что Таллейранъ уменъ, но онъ очень золъ, и я радъ, что Бонапарте отдалилъ его отъ себя. Чего добраго ждать отъ человѣка, который бывъ епископомъ оставилъ санъ свой и по-

шелъ опять въ міръ? Очень хорошо, что Бонапарте не послѣдовалъ его совѣту. Еслибы онъ напалъ на Австрію со всею своею старою арміею, то истребилъ бы Лотарингскій домъ, и орлы его теперь можетъ быть стояли бы въ Вѣнѣ и Царѣ градѣ. Слово *позже* очень достойно клятвопреступника; за чѣмъ не сказать *никогда*, когда дѣло шло о справедливомъ поступкѣ съ государемъ, который свято наблюдалъ свои договоры? Сколько я люблю славный столъ вашего Таллейрана, столько ненавижу его макіавелисмъ. Что касается до Сульта, то въ разсужденіи его я согласенъ съ императоромъ. Я думаю что онъ очень остерегается и обмануть его трудно. Сердце у меня обливается кровію, когда я вздумаю о всѣхъ смертоубивствахъ, производимыхъ въ Гиспаніи и Португаліи. Будте увѣрены, что не токмо поговорю я объ етомъ съ Бонапартомъ, но и буду неотступно просить его о возвращеніи законныхъ ихъ государей. Къ чему приказывать, чтобы не убивали болѣе крестьянъ? Я не думаю, чтобы надобно было давать объ етомъ знать солдатамъ. Такихъ дѣлъ не надобно дѣлать въ половину. Изъ Гиспаніи и Португаліи надобно вывести войска для блага человѣчества, славы императора и *спасенія его души*. Вы такъ

коротко говорили о сраженіяхъ, что я не могу составить себѣ надлежащаго о нихъ понятія. Сдѣлайте одолженіе разскажите мнѣ ихъ подробнѣе. Я занимаюсь похвальнымъ словомъ Клеберу. Мнѣ хочется говорить о военныхъ дѣлахъ его, какъ знатоку. Онъ проигралъ первое свое сраженіе въ Торфу противъ Вандейскихъ ройялистовъ; блестящіе подвиги его кончились побѣдою, одержанною имъ въ Египтѣ надъ великимъ визиремъ, котораго армія р збита была на голову осмью тысячами Французами подъ начальствомъ славнаго побѣдителя Геліополиса. Отличные офицеры увѣряли меня, что Торфуское сраженіе его и ретирада съ шестью тысячами человѣкъ противъ тридцати тысячь побѣдоносныхъ Вандейцевъ, приносятъ столькоже чести его храбрости и дарованіямъ, сколько побѣда его надъ великимъ визиремъ.

Бертье. Г. аббатъ, вы дѣлаетесь не отступнымъ. Я никогда не бывалъ профессоромъ тактики. Прочтите сочинителей, о которыхъ я вамъ говорилъ; въ нихъ найдете вы довольно подробностей для ста похвальныхъ словъ. — Когда Бонапарте узналъ, что хотятъ съ нимъ воевать, то всегда бывалъ доволенъ, выключая 1809 г. Послы его всегда подробно извѣщали его о силѣ непріятель-

сной, о свойствѣ генераловъ, о военныхъ ихъ планахъ и пр. Деньгами почти всегда отверзаемъ мы уста, которые такъ нужно смыкать въ военное время. Мы стараемся собирать войско половиною или по меньшей мѣрѣ третьею частію болѣе непріятельскаго, объявляя, что оно менѣе, для того чтобы вселить надежду въ своего противника и умножить славу своихъ успѣховъ. До выступленія въ походъ осматриваемъ мы каждый полкъ рачительно въ разсужденіи оружія, одежды и пр. Обувь покажется вамъ вещью пустою, однакоже она отмѣнно важна. Мы требуемъ, чтобы у каждаго солдата было двѣ пары башмаковъ въ снабзакѣ и одна на ногахъ; предосторожности етой обязаны мы порядкомъ, съ которымъ производятся наши переходы. Когда императору покажется, что башмаки не хорошо сшиты, то крѣпко бранитъ полковниковъ. Какъ провіантъ доставляется крестьянами, у которыхъ стоятъ солдаты, то послѣднихъ избавляютъ труда ходить за нимъ. Мы сочли за ненужное слушаться Меласа и Макка. Первый хотѣлъ воевать на Ронѣ и Варѣ, а послѣдній на Иллерѣ и верхнемъ Дунаѣ. Мы зашли къ нимъ въ тылъ. Въ етомъ манёврѣ послѣдовали мы военному правилу: *принудить непріятеля дѣ-*

лать то, чего онъ не хотѣлъ; и *мы обошли правый его флангъ обезпеча свой тылъ и фланги.* Меласъ не смѣшался, Маккъ *казалось* совсѣмъ сбился съ пути. Маренжское сраженіе было проиграно до трехъ часовъ, по тому что Австрійцы были стольже сильны, какъ и мы, и потому что генералы наши были только головорѣзы. Когда пришелъ Дезе, то съ перваго взгляда увидѣлъ Меласову ошибку, который слишкомъ разтянулъ свои фланги. Онъ возпользовался ею и Австрійцы были опрокинуты. Мюратъ, Викторъ, Ланнъ, Шамбарлакъ, Гарданнъ и пр. всѣ бѣгали какъ безумные, да и у меня самаго было въ глазахъ зелено. Солдаты наши были еще не хорошо выучены; мы еще недавно возвратились изъ Египта; ихъ смяли на первомъ шагѣ и многіе побѣжали. Генералы бранились какъ бѣшеные; они били солдатъ стараясь собрать ихъ, но это прибавляло имъ только болѣе рыси, чтобы скорѣе уйти отъ пуль непріятельскихъ и фухтелей своихъ генераловъ. Консульская гвардія дралась хорошо, также и конница, бывшая подъ начальствомъ Келлермана. Непріятельскій резервъ, составленный изъ гренадировъ, не сдѣлалъ должнаго. Я не говорю вамъ объ аттакахъ косвеннымъ порядкомъ; маневръ этотъ имѣетъ свои выгоды

и невыгоды; я не согласенъ съ мнѣніемъ великаго Фридриха и многочисленныхъ его обожателей. Въ Лейтенскомъ сраженіи 1757 г. показалъ онъ болѣе дерзости, нежели науки, и вѣрно погибъ бы, ежелибы противъ него былъ такій же хорошій генералъ, какъ Даунъ, который за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ разбилъ его на голову подъ Коллиномъ. Бываютъ обстоятельства, гдѣ порядокъ етотъ можетъ быть очень полезнымъ. Мы никогда не употребляли исключительно паралельнаго порядка, а просто нападали на неприятеля по всему пространству его фрунта; всегда ставили резервъ свой позади лѣваго, праваго фланга или центра, смотря по выгодамъ, доставляемымъ мѣстомъ или разпоряженіемъ неприятеля. Мы привыкли подкрѣплять правый или лѣвый свой флангъ лѣсами, болотами или редутами; иногда пользуемся селеніемъ, чтобы защитить центръ или фланги; а когда не можемъ достать себѣ такихъ выгодъ, то подкрѣпляемъ правый флангъ пушками, а лѣвый штыками. Бонапарте очень любитъ, *ежели позволяетъ мѣсто*, разбивать центръ неприятельской линіи: на ету дирекцію ставитъ онъ отборные свои войски; движенія Сультовы подъ Енoю;

и Макдональдово подъ Ваграмомъ, очень хорошо ему удались. Но не то со всѣмъ было подъ Ейлавою: одно только отчаяніе Гопульта и храбрыхъ его кирасировъ спасло насъ отъ пораженія, слѣдствія котораго были бы ужасны. Я предсказывалъ Бонапарту, что Даву придетъ очень поздно по причинѣ дурныхъ дорогъ. Онъ чуть не погубилъ своей арміи отъ того, что хотѣлъ соединить порядокъ паралельный съ косвеннымъ. Мы всегда попадаемся въ дураки, когда вздумаемъ умничать. Часто пользовались мы низменными мѣстами и лѣсами, чтобы скрыть отъ неприятеля мѣсто своихъ пѣхотныхъ и конныхъ резервовъ. Никогда не нападали мы прежде нежели хорошо узнаемъ позицію неприятельскую, и выводимъ резервы свои только тогда, когда думаемъ, что движеніе это будетъ рѣшительнымъ по ошибкамъ, сдѣланнымъ нашими противниками. Очень рѣдко строимъ мы войски свои въ ордеръ де баталіи, а свертываемъ ихъ въ густыя колонны по батальонамъ или полкамъ. Если боимся конной атаки, то развертываемъ только часть массъ, оставляя одну на каждомъ флангѣ, а иногда одну въ центрѣ, смотря по мѣстоположенію. Каждый дивизіонный генералъ можетъ маневрировать какъ ему угодно, ежели только

маршалъ его не приказалъ иначе. Офицеры генеральштаба развозятъ приказанія по дивизіоннымъ генераламъ, которые отдаютъ ихъ бригаднымъ, а сіи полковникамъ, и принимаютъ отъ генераловъ подробности, которые они желаютъ доставить маршалу и начальнику главнаго генеральштаба, *но перемѣнять ничего не могутъ.* Надъ войсками поставлены власти; они не повинуются приказанію, полученному не отъ своего начальника; тогда каждый офицеръ приказывалъ бы по своему, и эта куча начальниковъ уподобила бы армію безначальщинѣ, между тѣмъ какъ по установленному ходу, все дѣлается съ величайшимъ порядкомъ. Мы маневрируемъ довольно хорошо. Австрійская пѣхота не уступаетъ нашей; а что касается до конницы, то мы очень много заняли отъ Русскихъ, у которыхъ первая конница въ Европѣ; подъ Екмюлемъ показали мы, что занимаемъ второе послѣ ихъ мѣсто. Артиллеристы сихъ трехъ державъ храбрые и знающіе люди; я ставлю ихъ на ровнѣ; и кажется сужу безпристрастно. Говорятъ, что революція ввела въ большое употребленіе легкую пѣхоту, тиральёровъ и еклерёровъ; но это зависитъ отъ начальниковъ. Мы кинули старинный обычай, по которому такое и такое

оружіе давали преимущественно такой и такой службѣ. Полки линейной пѣхоты и легкой пѣхоты различаются между собою только названіемъ и одеждою, а вооруженіе и служба совершенно одинаковы, выключая только того, что легкая пѣхота становится на правомъ флангѣ линейныхъ войскъ; она первая подвергается огню, за то первая бываетъ при раздачахъ, *ежели онѣ дѣлаются.* Если при линейномъ полкѣ или тяжелой конницѣ не случится легкой пѣхоты или конницы, то они сами высылаютъ тиральеровъ и еклереровъ. Если принудятъ непріятельскую армію ретироваться, то заставляютъ преслѣдовать ее сперва всею конницею, подкрѣпляемою корпусами пѣхоты. Ежели все сдѣлано, что должно, и ночь темна, то войскамъ даютъ раздыхъ. Каждый солдатъ имѣетъ на себѣ запаса по крайней мѣрѣ дни на два. Если не изъ чего было раздать его на канунѣ сраженія, то приказываютъ корпуснымъ начальникамъ собрать его съ крестьянъ, подъ наказаніемъ военнаго взысканія. До начала сраженія раздаютъ солдатамъ вино или водку. На другій день побѣды всѣ колонны приводятся въ движеніе на самомъ разсвѣтѣ, и непріятелю недаютъ время опомниться. Я долженъ былъ говорить съ вами коротко о сра-

женіяхъ, по тому что подробности объ оныхъ будутъ тарабарскою граматою для невоенныхъ людей. Достаньте реляціи Австрійскаго генерала Штуттергейма: онѣ почти вѣрны; слогъ въ нихъ простъ и точно такій, какій требуется для описанія военнаго произшествія, въ которомъ высокопарные слова и риторическія фигуры лишь только приводятъ свѣдущаго читателя въ нетерпѣніе противъ сочинителя, который старается преклонить къ своему мнѣнію рѣшительнымъ тономъ и краснорѣчіемъ, совершенно противными свойству военнаго историка. Вы можете быть напомните мнѣ, что я собственно себѣ дѣлаю приговоръ и что ничего нѣтъ надутѣе нашихъ бюллетеней; но скажу вамъ, чтоето шарлатанство нужно намъ для електризованія войскъ и направленія общественнаго мнѣнія. Если когда напишу я военную исторію, то вы отдадите мнѣ справедливость. У меня не будетъ той приятности и силы, которыми отличаетесь вы въ своихъ сочиненіяхъ; но за то я постараюсь быть полезнымъ и приятнымъ повѣствуя о произшествіяхъ съ истинною, точностію и ясностію. Съ величайшимъ удовольствіемъ прочту я похвальное слово ваше Клеберу. Человѣкъ етотъ достоинъ вашего пера. По

взятіи Александріи я слышалъ отъ Бонапарта, что *въ сраженіи Клеберъ походитъ на бога Марса.* Въ Торфу онъ долженъ былъ сражаться съ двумя очень хорошими офицерами, Шарреттомъ и Боншампомъ, у которыхъ было 30 т. Вандейцевъ, а у Клебера только шесть тысячь. Но онъ спорилъ съ ними о побѣдѣ съ такою же храбростію, какъ и искуствомъ, и уступилъ только многочисленности. Бывъ раненъ, Клеберъ не оставлялъ начальства; онъ управлялъ ретирадою и отступилъ со славою. День етотъ умножаетъ еще достоинство Клеберово тѣмъ, что онъ въ первый только разъ показывается въ немъ генераломъ, что неповиновеніе войскъ было ужасно, что неудача тогда значила тоже, что и измѣна, и что ройялисты были въ пятеро сильнѣе, предводительствуемы хорошими генералами и возпламеняемы монахами для возстановленія престола и церкви. Въ Геліополѣ у Клебера были хорошіе войски и хорошіе генералы. Армія великаго визиря, хотя была въ десятеро сильнѣе, не могла однакоже выдержать удара Французовъ; иррегулярные ети войски побѣжали послѣ небольшаго сопротивленія. Изъ етого вы можете видѣть, что превозходство силы хорошо бываетъ только тогда, когда войски также выучены

и наблюдають такую же дисциплину, какъ и неприятельскія. Смотрите, чтобы говоря о Клеберѣ, не поставить его выше Бонапарта. Кардинальская ваша шапка и риза не защитятъ васъ отъ толчковъ, которые скоро почувствуете, если останетесь въ нашемъ генералъ-штатѣ, къ которому съ нынѣшняго дня я васъ причисляю. Если вы хотите подслужиться *нашему учителю*, поставте Клебера тотчасъ послѣ его въ военномъ дѣлѣ, и скажите, что очень желательно бы было, что бы безпокойный его нравъ не принудилъ директорію устранить сего великаго полководца отставя его за нѣсколько времяни до Египетской експедиціи, что Бонапарте умѣлъ отдать справедливость Клеберу, сдѣлавъ его первымъ послѣ генераломъ и назнача въ преемники при отъѣздѣ изъ Египта. Проклинайте почаще Туровъ и Англичанъ, чтобы болѣе и болѣе отклонять всѣхъ отъ мысли, что мы велѣли его убить; говорите о сожалѣніи Бонапарта, осмѣльтесь даже сказать что онъ прослезился, *хотя отъ роду не плакалъ*. Если не удастся намъ увѣрить современниковъ, то потомство, которое будетъ читать ваши творенія, повѣритъ скорѣе вамъ, нежели нашимъ неприятелямъ, и хотя въ библіи написано, что *всякій человѣкъ есть*

ложь, однакоже съ трудомъ повѣрятъ, чтобы *кардиналъ Мори могъ лгать языкомъ и перомъ.* Я забылъ сказать вамъ, что осаду Маестрихта считаютъ мастерскимъ дѣломъ Клебера. Траншеи, батереи, редуты, начиненные и подрываемые подкопы, бомбы, каленые ядры и городъ сотъ, объятый пламенемъ, доставятъ вамъ содержаніе для великолѣпнѣйшей картины.

Аббатъ Мори. Благосклонность вашей свѣтлости приводитъ меня въ смущеніе. Не знаю чему мнѣ болѣе удивляться въ Бонапартѣ? Тому ли, что онъ такъ тщательно осматриваетъ свои войски и занимается ихъ обувью, или когда приказываетъ производить тѣ великія движенія, которые истребляютъ войски его враговъ и испровергаютъ ихъ престолы. Да, я вижу, что ваша военная система совершенно таже, которой слѣдовали всѣ хорошіе полководцы, какъ древніе такъ и новые. Вы очень занимаетесь своими войсками, вы знаете что намѣренъ дѣлать вашъ неприятель, иногда удается вамъ его подкупить, что очень похвально, а особливо ежели етимъ спасаете жизнь нѣсколькимъ тысячамъ солдатъ; во время дѣла, вы не щадите себя, сосредоточиваетесь, и хотя я не военный человѣкъ, однакоже мнѣ кажется, что не льзя быть

побѣждену въ такой позиціи, когда дерешься съ равными силами, и увѣренъ въ побѣдѣ, какъ скоро неприятель ослабляетъ свою линію протягивая ее на свои фланги, какъ то случилось подъ Маренго. Если обстоятельства принуждаютъ васъ, то вы выводите пѣхотные и конные свои резервы и принуждаете фортуну увѣнчевать себя. Сила, хитрость и храбрость, вотъ *вся ваша тайна*. Точно то же дѣлали Александръ и Конде, Цезарь и Тюренннь, Аннибалъ и Фридрихъ. Насмѣшники говорятъ, что неприятели всегда смотрѣли на васъ въ микроскопъ, и что вы казались имъ великанами въ то время, какъ были одинакого съ ними роста и дѣйствовали только слѣдуя здравому разсудку. Они думали покорить васъ поступая вопреки сего же здраваго разсудка, и сколько ихъ ошибкамъ, столькоже и дарованіямъ вашимъ приписываю я ваши неслыханныя побѣды, нечаянные ваши мирные договоры *и ваши союзы, еще и того удивительнѣйшіе*. Я возпользуюсь замѣчаніемъ вашимъ въ разсужденіи похвальнаго слова Клеберу, и чувствительнѣйше за то благодарю васъ. Умершіе не могутъ для насъ быть ни въ чемъ полезными, а въ благосклонности императора я имѣю нужду. Я постараюсь дать ему первое мѣсто, а Клебера сдѣ-

лаю луною, которая сіяніе свое получаетъ отъ блестящаго солнца. Читая записку вашу о корпусахъ, составлявшихъ большую армію въ 1805 г., я замѣтилъ на концѣ Булонскій лагерь въ 1809 г. Позвольте мнѣ взглянуть на него. Для каждаго добраго Француза пріятно возстановленіе морскаго мира. Публика думаетъ, что флотилія эта, о которой такъ много говорили, ожидаетъ только приказанія отвезть въ Англію армію, которая принудитъ короля Георга подвергнуться закону Наполеонову. Свѣдущіе въ морскомъ дѣлѣ люди утверждаютъ, что это совершенно невозможно. Вы обяжете меня, если скажете о томъ свое мнѣніе, которое будетъ и моимъ. Извините, что я васъ такъ много безпокою.

Бертье. Не надобно быть морскимъ офицеромъ, чтобы судить, что высадку въ Англію нельзя сдѣлать съ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока флоты наши не будутъ повелѣвать на моряхъ. Мы велимъ печатать въ журналахъ хвастливые замѣчанія, которые пугаютъ Французовъ и Англичанъ. По нашему, Шельдская ескадра воспользуется бурею, чтобы обмануть непріятельскіе крейсеры и перевезть армію въ Шотландію. Мы объявляемъ, что флоты Русскій, Шведскій и Датскій

будутъ содѣйствовать ему, а ескадры Рошфортская, Орьянская и Брестская пойдутъ къ Ирландіи. Увѣряемъ, что Гантомъ отправится помогать експедиціи въ Сицилію. Кто хорошо насъ знаетъ, тотъ смѣется надъ нашимъ хвастовствомъ. Морскія експедиціи отмѣнно для насъ неудачны; онѣ могутъ служить епохами истребленія морской нашей силы и сухопутнаго войска. Всѣ попытки на Ирландію, Леклеркова експедиція къ Сенъ-Домингъ, истребленіе Лессейговой ескадры, когда приказано было ему сикурсировать генерала Феррана въ Санто-Доминго, пораженія нанесенные намъ при Абукирѣ и Трафальгарѣ, все доказываетъ, что долго еще не можемъ мы отличаться на морѣ. Для меня жалки и презрительны тѣ глупые выдумщики, которые въ угожденіе Бонапарту, безпрестанно подаютъ ему записки, по которымъ флотъ его, состоящій изъ ста двадцати линейныхъ кораблей, то есть, всѣхъ державъ твердой земли, включая тутъ же и Турокъ, долженъ дать сраженіе въ Ламаншскомъ каналѣ и прикрывать перевозъ ста тысячной арміи. Положимъ, что побѣда будетъ наша и что мы счастливо сдѣлаемъ высадку, *чему однакоже я до тѣхъ поръ не повѣрю, пока не увижу на самомъ дѣлѣ;* но что сдѣлаютъ

наши сто тысячь человѣкъ въ такой землѣ, жители которой будутъ всѣми силами помогать линейному войску, въ двое нашего сильнѣйшему и стольже храброму? Гиспанія доказываетъ намъ сколь трудно завоевать народъ, привязанный къ своему государю и отечеству. Если можно сдѣлать какую експедицію въ Англію, то пунктъ соединенія оной должна быть Шельда; отъ устья сея рѣки до устья Темзы переѣздъ не великъ; Флессингенская рейда представляетъ большія выгоды, какихъ не найдешь ни гдѣ по всему берегу, даже и въ Брестѣ, для соединенія и отправленія многочисленныхъ транспортовъ, которые потребны для такой експедиціи. *Все, что ни сдѣлалъ императоръ въ Булонѣ, будетъ стольже полезно какъ и дерновые укрѣпленія, которые онъ для забавы дѣлалъ въ саду бывъ еще въ Бріенской школѣ.* Человѣкъ, знающій настоящую цѣну вещамъ, видитъ только *очень дорогія игрушки* въ етомъ лѣсѣ мачтъ и барокъ, уже сгнившихъ, въ етомъ множествѣ укрѣпленій и въ етой кучѣ редутовъ и батерей. Я осматривалъ ихъ 25 Мая 1809 г. сопровождая императора въ его путешествіи, по чему и знаю все ето очень хорошо, и утверждаю, что Бонапарте истратилъ на Булонь сто миліоновъ, которые

остались бы у него въ карманѣ, если бы счелъ недостойными себя тѣ хвастовства, которые дѣлаютъ насъ посмѣшищемъ Европы. Вы удивляетесь видя, что мѣсто, сдѣлавшееся столь важнымъ отъ нашего дурачества, охранялось въ Сентябрѣ мѣсяцѣ только четырью тысячами человѣками національной гвардіи. Одной гренадирской Англинской роты довольно бы было разстроить ихъ, и можно быть увѣрену, что побѣжавъ одинъ разъ, они остановились бы только въ своихъ селеніяхъ. Вы видите также, что въ Юнѣ, Юлѣ и Августѣ, въ обоихъ лагеряхъ были только 6я и 7я запасныя полубригады, составленныя изъ рекрутъ, и которые разбѣжались бы отъ небольшаго отряда хорошихъ войскъ; ибо каждая изъ сихъ двухъ полубригадъ состояли изъ 1500 или 1600 человѣкъ, никогда невидѣвшихъ огня, и едва умѣвшихъ заряжать ружья. Мы очень знали, что въ Англіи готовилась сильная высадка, и всегда считали, что она назначена для дѣйствія на Ельбѣ. Такая диверсія въ Маѣ или по меньшей мѣрѣ въ Юнѣ, подняла бы всю Германію. Счастье спасло насъ заставя Англичанъ погнаться за десятью кораблями, которые рано или поздо не ушли бы отъ нихъ. Если имъ хотѣлось поскорѣе завладѣть етою ескадрою, то вре-

мя тогда не то было. Надобно бы было подождать, чтобы флотъ былъ разснащенъ, и въ Флессингенскомъ каналѣ высадить 20 т. человѣкъ сухопутнаго войска, лечь съ флотомъ на якорь между Флессингеномъ и Бресненсомъ, бомбардировать и канонировать городъ, который сдалсябъ дни черезъ четыре. Это сдѣлать бы въ то время, когда мы были въ Гиспаніи въ Декабрѣ 1808 или Январѣ 1809 г., и имъ удалось бы это тѣмъ лучше, что генералъ Сарразенъ тогда начальствовалъ надъ островомъ Кадзандомъ, въ которомъ, также какъ и въ островѣ Валхеренѣ, не было ни какого провіанта, а питались кое какъ. Корабли принуждены были разснастить до входа ихъ въ Флессингенскій каналъ, за неимѣніемъ же въ сей крѣпости магазиновъ принуждены были военные снаряды отправить въ Брюжь и Гандъ. Къ счастію нашему, неприятель этого не зналъ. Въ Англинскихъ агентахъ мы не видимъ болѣе прежней дѣятельности. Я почти думаю, что министры приняли благое намѣреніе употреблять на защиту береговъ деньги, отпускаемыя имъ на шпіоновъ, что несравненно лучше, нежели раздавать ихъ прошлецамъ, которыхъ глупыя интриги и безполезныя услуги по справедливости навлекаютъ на нихъ не-

нависть Французовъ и презрѣніе Англичанъ. Еслибы послѣдніе получали хорошіе свѣдѣнія, то взялибы Гавръ въ Юлѣ 1809 г. и пошли бы на Парижъ. Тюллерійскій дворецъ не сталибы защищать съ такимъ упорствомъ, какъ крѣпость Бацъ. Я столькоже былъ доволенъ, какъ и дивился тому, что Англичане, долженствовавшіе атаковать четыре пункта, бросились на тотъ, который представлялъ болѣе затрудненій и менѣе выгодъ. Правда, они надѣялись тутъ завладѣть флотомъ, и эта постоянная цѣль истреблять морскую нашу силу, считая ни во что гораздо большія выгоды, которыя можно было получить отъ дѣятельнаго содѣйствія ихъ союзниковъ твердыя земли, гораздо была полезнѣе намъ, нежели Англичанамъ. Послѣ всего этого, вы видите можетъ ли разсудительный человѣкъ предпринять высадку въ Англію. Вы видите, что народъ, обладающій морями, высаживаетъ 40 т. человѣкъ отборнаго войска, подкрѣпляемаго 30 т. храбрыхъ матросовъ, и не можетъ пройти двадцати миль по владѣнію государства, котораго глава со всѣмъ своимъ линейнымъ войскомъ былъ за двѣсти миль отъ своихъ границъ. Вы знаете Францію, въ которой число недовольныхъ въ четверо болѣе приверженныхъ къ новой династіи; вы знаете любовь Англичанъ къ своему отече-

ству, которые тотчас прекратять всѣ свои споры, какъ скоро надобно будетъ отражать насъ; и не смотря на все ето, вы могли повѣрить высадкѣ въ Англію! Пусть мониторъ и Англинскія газеты наполняются оною, чтобы занимать праздныхъ и любопытныхъ людей; пусть говорять, что Миссіесси выдетъ изъ Шельды лѣтомъ, между тѣмъ какъ онъ стоитъ на якорѣ у Осткалота между Рамевенсомъ и Флессингеномъ, боясь, что бы его самаго не атаковали по причинѣ неопытности его офицеровъ и страха, вселяемаго въ матросовъ Англинскою ескадрою; пусть пугаютъ атакою сего же самаго Миссіесси, когда флотъ его поставленъ такъ, что можетъ зимовать въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ безопасенъ отъ льдовъ и порывовъ вѣтра: всѣ ети сказки производятъ свое дѣйствіе. Онѣ препятствуютъ Англичанамъ подкрѣплять генерала Веллингтона. Если бы у него было 60 т. человѣкъ Англинскихъ войскъ 1го Юля, то онъ принудилъ бы снять осаду Сіудадъ-Родриго. Разбивъ Массену, онъ угрожалъ бы Мадриду, Сульть принужденный оставить Андалузію, чтобы помочь столичному городу, былъ бы побитъ прежде, нежели бы могъ притти къ нему, и счелъ бы себя очень счастливымъ,

еслибы удалось ему выдти изъ Андалузіи, какъ за годъ до того удалось емуже выбраться изъ Португаліи. Какъ ни выхваляютъ 40 т. Португальцевъ, которые съ Англичанами; но пусть спросятъ лорда Веллингтона: онъ скажетъ, что черезъ двѣ кампаніи они могутъ сдѣлаться хорошими солдатами, а до того времени, не льзя имъ ввѣрить ничего важнаго. Достоинство Англинскаго генерала возвышается еще болѣе тѣмъ, что онъ съ 30 т. человѣкъ противится 60 т. Надобно, чтобы онъ находилъ большія выгоды въ мѣстоположеніяхъ и имѣлъ полную довѣренность на свои войски. Не смотря на его усилія и дарованія, онъ принужденъ будетъ уступить превозходству силы, и я думаю, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы завладѣемъ Португаліею, потому что не льзя полагать, чтобы Британское правительство рѣшилось послать туда довольно войска для отраженія Массены, когда само имѣетъ въ нихъ нужду для охраненія береговъ и содержанія порядка въ трехъ королевствахъ. Положимъ, что по выходѣ Англичанъ изъ Лиссабона и Кадикса, мы завладѣемъ Гиспаніею и Португаліею; но война все будетъ продолжаться противъ жителей, отъ отчаянія которыхъ сдѣлается она еще кровопролитнѣе. Увѣряютъ, что отбытіе

лорда Веллингтона принудитъ начальниковъ признать короля Іосифа; но етому я не вѣрю; а если бы ето и случилось, то народъ, воспламеняемый монахами, не приметъ ни какого предложенія о мирѣ, и мы принуждены будемъ цѣлые десять лѣтъ содержать тамъ армію изъ 200 т. человѣкъ.

Аббатъ Мори. Теперь я покоенъ; ибо, долго боялся, чтобы не отправили отборные Французскіе войски *въ Лондонъ предписывать мирныя статьи.* Радъ очень, что мы остаемся безопасными. Если Бонапарте пойдетъ въ Англію, то всѣ державы твердыя земли поднимутся на Францію. Ихъ такъ много оскорбляли! Я учился политикѣ въ путешествіяхъ, къ которымъ принудила меня революція, и съ прискорбіемъ видѣлъ что всюду, гдѣ проходила Французская армія, оставляла она по себѣ ужасные слѣды грабительства и насилія. Отъ васъ всѣ прятались боясь раздражить васъ. Я все знаю и считаю справедливымъ то омерзѣніе, которое иностранцы оказываютъ ко всему Французскому. Ежели вы слышали все, что я говорилъ императору, то надѣюсь, что вы согласны съ моимъ мнѣніемъ. Вы признаетесь, что три четверти Франціи васъ ненавидятъ, и увѣрены, что они возпользуются первымъ

случаемъ ниспровергнуть Бонапартову династію. Вы можете получить въ собственность богатые и обширные владѣнія, которыхъ дѣти ваши признаются законными наслѣдниками. Извините слова, которыми я буду выражаться для того только, чтобы сильнѣе объяснить мысль свою. Что сказали бы вы о счастливомъ разбойникѣ, которому удалось бы во время возмущенія завладѣть всею тою частію Парижа, которая лежитъ по лѣвой сторонѣ Сены? Соумышленникамъ своимъ раздѣлилъ онъ захваченные имъ богатства; онъ имѣетъ столько власти надъ своею шайкою, чтобы держать въ страхѣ жителей и заставлять ихъ слѣпо себѣ повиноваться. Окружные города и селенія схватились за оружіе для избавленія Парижанъ отъ ига сего пришлеца; но онъ предупредя ихъ напалъ на нихъ, сжегъ ихъ селенія, опустошилъ поля, принудилъ пристать къ себѣ и штыками заставилъ давать себѣ людей и деньги. Ему удалось предписать законы Версаліи, Етампу, Орлеану и Шартру. Меръ послѣдняго города принужденъ былъ выдать за него дочь свою, чтобы избавить себя и согражданъ своихъ отъ конечнаго разоренія. Раздражась сопротивленіемъ Парижанъ праваго берега признать его, онъ запрещаетъ

всѣмъ, состоящимъ подъ его властію, имѣть какое либо сношеніе съ его неприятелями. Отъ сей ложной мѣры выходитъ то, что торговля со всѣмъ останавляется, что не льзя болѣе платить податей, и неудовольствіе и нищета возрастаютъ до высочайшея степени. Неприятели разбойника такъ хорошо взяли свои мѣры, что владѣютъ Сеною, и ему не льзя перейти ее, чтобы принудить ихъ къ миру. Ему предлагаютъ признать его и наслѣдниковъ его законными владѣтелями Версаліи съ ея округою, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ вышелъ изъ занятой имъ части Парижа, гдѣ жители его ненавидятъ за ужасы, произведенные имъ сколько по обстоятельствамъ, столько и по собственному его нраву; но въ Версаліи его любятъ, потому что ему удалось оказать нѣкоторыя услуги. Въ его положеніи, онъ долженъ бояться каждую минуту, что бы не убилъ его кто нибудь изъ многочисленныхъ жертвъ его. Какъ скоро не будетъ етой головы, то все исполинское тѣло, которымъ она управляетъ, разрушится. Соумышленники его будутъ драться за его наслѣдство, дѣтей его перебьютъ, а жена съ величайшею опасностію можетъ уйти въ отеческій домъ свой. Еслибы можно было ему занять доро-

ки, ведущія къ предмѣстію св. Антонія съ стороны Шарантона и высоты Монмартрскія, то онъ могъ бы надѣяться покорить голодомъ болото, Тюллери, Палеройяль, которые теперь въ изобиліи получаютъ припасы изъ Нормандіи, Пикардіи, Фландріи, и пр. Изъ журналовъ онъ видитъ, что многіе купцы банкрутятся, и надѣется что жалобы ихъ принудятъ къ мирнымъ предложеніямъ и къ согласію на свободное плаваніе по Сенѣ не подвергаясь осмотрамъ. Парижскій меръ, который справедливо боится *такого близкаго сосѣда*, обѣщаетъ ему миръ и дружбу, если только онъ согласится взять Версалію и отдать кому принадлежитъ то, чѣмъ онъ завладѣлъ въ Парижѣ, и совершенное забвеніе прошедшаго тѣмъ, которые къ нему пристали. Прошлецъ, размысливъ хорошенько, рѣшается принять предлагаемые условія. Онъ получаетъ славу возвратить спокойствіе и блаженство многимъ миліонамъ жителей. Самъ онъ, при послѣднемъ часѣ своимъ, благодаритъ себя за такую умѣренность. Послѣ себя оставляетъ онъ дѣтямъ престолъ, въ сохраненіи котораго поручились всѣ его сосѣди, и имя его доходитъ до позднѣйшаго потомства *съ заслуженнымъ названіемъ великаго полководца и справедливаго человѣка.* Ваша свѣтлость любите охоту.

Васъ надобно сдѣлать княземъ Маренжскимъ: титулъ етотъ по справедливости принадлежитъ вамъ. Вы были главнокомандующимъ надъ резервною арміею, когда разбитъ былъ Меласъ. Теперишніе княжества ваши не приличны вашей славѣ, потому что вы никогда недрались подъ Нефшателемъ, и отправляли только должность *ординарца* подъ Ваграмомъ. У васъ въ окружности Александріи есть лѣса, наполненные дичиною; въ нихъ очень много краснаго звѣря. Земля, которую можетъ занять Наполеонъ, настоящій рай. Есть прекраснѣйшіе города, которые поставятъ себѣ за честь сдѣлаться *дворами королей* Мюрата, Іосифа, Іеронима, Лудовика и пр. У васъ небудетъ болѣе многочисленной свиты и вы принуждены будете жить по економнѣе; вы приближитесь къ той простотѣ, которая составляла блаженство молодыхъ лѣтъ вашихъ, и вы всѣ будете вмѣстѣ. Радостныя слезы оросятъ лице ваше, когда услышите изо всѣхъ мѣстъ раздающіеся голоса пѣсни: *гдѣ можетъ быть лучше, какъ дома!*

Бертье. Перестаньте пожаласта, г. аббатъ; вы шутите уже слишкомъ. Пусть дѣла идутъ, какъ идутъ, до тѣхъ поръ какъ можно. Я люблю только себя. Дѣти мои будутъ дѣлать тоже, что ихъ отецъ, который вѣрно

очень хорошо умѣлъ играть роль пройдохи, по тому что изъ бѣднаго подпоручика дошелъ до степени владѣтельнаго князя; однакоже не изъ числа тѣхъ смѣшныхъ князей, которые сидя въ своихъ Нѣмецкихъ башняхъ трясутся какъ зайцы въ логовищахъ, боясь чтобы *государь ихъ, когда завертится у него голова*, не велѣлъ выгнать ихъ изъ наслѣдственныхъ ихъ владѣній и сравнять съ прочими; но князь, который сильнѣе иныхъ королей, по тому что всѣ ети люди, при случаѣ, мнѣ кланялись, чтобы я замолвилъ за нихъ словечко. Ето заставляетъ меня по справедливости считать себя первымъ послѣ Наполеона, а вы хотите, чтобы я заточилъ себя съ етими глупыми *монсиньорами* и приторными Итальянскими красавицами? Я никогда не выѣду изъ Парижа, хотя бы меня въ немъ колесовали. Гдѣ найдешь такіе приятные столы, такіе домы, столь-же богато, какъ и со вкусомъ украшенные, такіе возхитительные спектакли, такихъ нимфъ, обворожающихъ своимъ умомъ, прелестями и красотою, и такіе лѣса, каковы Сень-Жерменскіе, Компіенскіе, Рамбульетскіе, Фонтенеблоскіе, въ которыхъ и теперь еще столькоже дичи, сколько было и при Бурбонахъ? Прошу не дѣлать вашихъ сравне-

ній, которые вамъ надлежалобы прикрыть замысловатою аллегоріею басни, на подобіе неподражаемаго Лафонтена. Вы насъ сравняли съ разбойниками, прошлецами вмѣсто того, чтобы говорить о львѣ, лисицѣ, медвѣдѣ, *даже ослѣ*, если до того дошло. Вотъ что называется *озолотить пилюлю*, чтобы заставить больнаго принять ее. Вы насъ совсѣмъ не щадите, говорите на прямки. И обыкновенный человѣкъ пойметъ, что оба берега Сены суть морскіе берега Франціи и Англіи, а двѣ части Парижа намекаютъ о обоихъ сихъ государствахъ. Легко угадать можно, что Версалія есть королевство Италіянское, Шартръ Австрія, Етампъ Пруссія, а Нормандія, Пикардія, Фландрія и пр. относятся къ Азіи, Африкѣ, и Америкѣ и пр., съ которыми Англія можетъ свободно производить торговлю. Что же касается до Сены, то сравненіе ваше неудачно. Какая разница между етого ручья и океаномъ! Право осмотра очень хорошо придумано, и я думаю, что выполняя его строго король Георгъ поступаетъ очень благоразумно. Съ желаніемъ *вашего разбойника усыпить Парижскаго мера*, чтобы когда нибудь ночью напасть на него, ничего не льзя сравнить, кромѣ усерднаго нашего желанія завладѣть несметнымъ богат-

ствомъ Англіи, успѣвъ напередъ увѣрить ее въ *искреннемъ нашемъ къ ней дружествѣ* Бонапарте возхищается отъ радости каждый разъ, когда читаетъ въ Лондонскихъ газетахъ списокъ банкрутамъ. Онъ никогда не дозволилъ бы дѣлать такихъ объявленіи; но теперь кажется могъ бы это сдѣлать безъ вреда. Купцы наши года уже съ два почти всѣ обанкрутились; но никто объ етомъ не узналъ ни словечка, а на противъ монитѣръ великолѣпно розписалъ *блаженное состояніе* внутренней нашей торговли и увѣрилъ что примутся надежные мѣры для учрежденія отмѣнно выгодной сухопутной торговли съ Индіею. Мы очень увѣрены въ сумазбродствѣ етого проекта и въ невозможности выполненія онаго, но поддерживаемъ его всѣми силами, чтобы умножить безпокойство Англичанъ и принудить ихъ посылать войски въето самое важное ихъ владѣніе. Я еще другую пользу вывожу изъ страннаго вашего сравненія. Подобно Бонапарту думалъ я, что недопуская Англичанъ производить торговлю на твердой землѣ, мы принудимъ ихъ къ миру; но теперь признаюсь въ своей ошибкѣ. Не токмо обѣ части Парижа достаточны одна для другой, но лежащая на лѣвомъ берегу Сены потеряетъ много не имѣя сообщенія съ боль-

шимъ Парижемъ. Англія терпитъ менѣе нашего. Какій вредъ можетъ быть для нее отъ того, что она не производитъ съ нами торговли, когда товары свои можетъ сбывать въ другихъ трехъ частяхъ свѣта? Не у нее ли въ рукахъ Перуанскіе и Мексиканскіе рудники, всѣ колоніи и богатства Индостана? Если земля ея не производитъ хлѣба въ довольномъ количествѣ, то не можетъ ли она вымѣнивать его на свои товары въ Сициліи, Тунисѣ, Алжирѣ, Марокѣ и Американскихъ соединенныхъ областяхъ? Корабельныя верфи ея не запасены ли на тридцать лѣтъ? Флоты наши, лишь только покажутся въ океанѣ, развѣ не пойдутъ, по безполезномъ сопротивленіи, украшать Портсмутскую и Ярмутскую рейды? Императоръ думаетъ, что мы можемъ сравниться съ морскою Англинскою силою, если позволятъ ему вымѣнять 30 т. матросовъ, которые теперь въ плѣну; а какъ у насъ только 12 т. человѣкъ Англичанъ, изъ которыхъ шесть тысячь удерживаемъ мы противъ всѣхъ народныхъ правъ, по тому что они не солдаты, то онъ хочетъ, чтобы Англинское правительство приняло на обмѣнъ Гиспанцевъ и Португальцевъ, которыхъ у насъ около 90 т. солдатъ или офицеровъ. На требованіе его не соглаша-

ются. Англичане въ Гиспаніи и Португаліи дѣйствуютъ какъ вспомогательные; попавшеся въ плѣнъ на етомъ особенномъ театрѣ войны, должны быть размѣнены по условію, сдѣланному для сего единственно, и справедливость требуетъ, чтобы Англичане, взятые защищая Гиспанцевъ, были размѣнены прежде, нежели послѣдние потребуютъ собственныхъ своихъ плѣнныхъ; но ето не можетъ относиться до Французовъ и Англичанъ, взятыхъ въ другихъ мѣстахъ. Я замѣтилъ Бонапарту, что предложеніе его было противно политикѣ, по тому что давало существованіе Гиспанской арміи, которую онъ объявилъ за шайку разбойниковъ; и равнялъ ее съ собственною своею арміею желая дѣлать вымѣнъ человѣка въ человѣка и чинъ въ чинъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что ето вздоръ, а настоящее дѣло состояло въ томъ, чтобы достать 30 т. матросовъ для составленія екипажей на своихъ корабляхъ; что для него очень легко имѣть матросовъ Генуезскихъ, Венеціянскихъ, Голландскихъ, Прусскихъ и пр., но что онъ ставитъ ихъ ни во что, ибо знаетъ отъ своихъ адмираловъ, что не льзя полагаться на чужестранные екипажи, которые въ сраженіи на вѣрное сдадутся. Все ето, любезный другъ, заставляетъ меня у-

сердно желать мира, не для того однако же, чтобы отправился я погребсти себя за Алпы, но чтобы остаться при томъ, что теперь у меня. Я не думаю, чтобы Англичане были столь же взыскательны, какъ вы. Я увѣренъ, что они возвратятъ намъ наши колоніи, если мы согласимся на право осмотра, которое они должны требовать для собственной своей безопасности, и позволимъ имъ производить торговлю на твердой землѣ. Одинъ Англинский ученый человѣкъ очень хорошо замѣтилъ, что *торговля выгодна для всѣхъ народовъ, получающихъ вещи, за которыми должны бы они просидѣть два дни, въ обмѣнъ на такія, за которыми просидѣли только день.* Конечно, столь полезную для свѣта торговлю можно прекратить насиліемъ, конфискаціею, и даже огнемъ; но стремленіе воды прорветъ плотину, и народы утомясь драться въ удовольствіе нѣсколькихъ честолюбивыхъ людей, расторгнутъ свои узы и соединятся для наказанія виновниковъ ихъ несчастія и чтобы жить спокойно съ законными своими государями. Я очень боюсь, чтобы мы не сдѣлались жертвою своего упорства, и это заставляетъ меня каждый день просить Бонапарта что нибудь уступить для сохраненія Французскаго престо-

ла, условіе, *безъ котораго мы ни къ чему не приступимъ.* Для Англичанъ довольно, если мы согласимся на право осмотра и возвратимъ независимость всему тому, что лежитъ за Рейномъ, Юліянскими Альпами и Савою до границъ Турецкихъ. Ето не много побольe того *уголка, который вы по милости своей отводите намъ по обоимъ берегамъ рѣки По.* Мы ни мало не расположены принять такихъ мѣстъ, въ которыхъ когда нибудь вздумается какому предприимчивому папѣ *перейти Рубиконъ* и принудить насъ *цаловать свои туфли.* Оставте для себя и подобныхъ вамъ ваши раздѣлы и будте впередъ осторожнѣе въ сравненіяхъ, которые вамъ вздумается дѣлать на нашъ счетъ. Я не скажу императору того, что отъ васъ слышалъ, а не то вы погибните на вѣрное и займете мѣсто Туссеня Лувертюра въ замкѣ Жу и кончите дни свои также какъ и онъ. Съ какимъ жаромъ выхваляли вы жителей Сень-Доминга! Я не люблю, что Бонапарте не отстаетъ отъ намѣренія своего возстановить тамъ рабство, но не хвалю и васъ за то, что вы совѣтуете отказаться отъ сей колоніи, богатѣйшей во всей Америкѣ. Торговля есть душа державъ; безъ колоній нѣтъ торговли, а безъ торговли нѣтъ флота. Дѣ-

ло ето я не слишкомъ хорошо знаю, но меня увѣряли, что хорошіе матросы образуются на купеческихъ корабляхъ. Слѣдственно, колоніи нужны для Франціи. Чтобы завоевать ихъ, надобно употребить *кротость и праводушіе*, а если примутся за силу, то докончатъ ихъ истребленіе. По моему, Бонапарте долженъ управленіе оными поручить людямъ искуснымъ, умнымъ и человѣколюбивымъ. Онъ очень хорошо сдѣлаетъ, если генерала Христофа пожалуетъ намѣстникомъ Сень-Доминга, и если удастся ему уговорить его на ето, то окажетъ величайшую услугу всѣмъ нашимъ приморскимъ городамъ. Я согласенъ съ вами въ разсужденіи ужасныхъ поступковъ Французовъ въ Сень-Домингѣ. Мнѣ сказывали, что бросали въ воду Негровъ и Мулатовъ связавъ ихъ по парно, что часто жгли ихъ живыхъ и варварство доводили до того, что травили ихъ до смерти собаками, присылаемыми изъ Гаваны. Удивительнѣе всего то, что Бонапарте не наказалъ смертію людей, производившихъ сіи жестокости и возвратившихся во Францію. И такъ, обѣщайте мнѣ, г. аббатъ, не говорить впередъ ни слова объ отъѣздѣ нашемъ изъ Франціи въ Италію.

Аббатъ Мори. Я вижу, ваша свѣтлость, что не всякая истина приятна. Санъ мой налагаетъ на меня обязанность возвращать въ стадо заблудшихся овецъ, а невинная хитрость, употребленная мною въ сравненіи васъ съ разбойниками и прошлецами, заслуживаетъ ваше снисхожденіе. Мнѣ показалось что оскорблю васъ заставя играть васъ подлое лице скотовъ. Прошу васъ покорнѣйше не говорить объ етомъ ни кому, ошибка моя была невольная. Я имѣлъ въ виду только обращеніе ваше на путь истинный и совершенное ваше блаженство, которому вы никогда не можете быть причастны въ теперешнемъ положеніи. Умилосердитесь надо мною. Я ни мало не расположенъ принимать мученическаго вѣнца, и ужасное подземелье, въ которомъ Туссенъ кончилъ жизнь свою отравою, кажется мнѣ въ тысячу разъ ужаснѣе страшнаго мученія, претерпѣннаго св. Лаврентіемъ. Лучше всего наполнять вамъ свои темницы якобинцами, ужаснѣйшими вашими врагами. Я изъ вѣрныхъ рукъ знаю, что они ищутъ вашей пагубы, что они соединены съ приверженными къ Бурбонамъ, и что согласятся лучше повиноваться *Турку, нежели Корсиканцу.* Сожалѣю, что не могу согласиться съ вами въ разсужденіи Англи-

чанъ. Правда, они заключили Амьенскій миръ; но немедлѣнно прервали его, ибо очень легко могли видѣть, что спранная и властолюбивая политика ваша играла ихъ независимостію. Вы хотѣли пользоваться всѣми выгодами морской торговли, а у нихъ отнимали всѣ способы торговать съ Францією и другими державами твердой земли. Чтобы сдѣлать мануфактуры свои первыми, вы приказывали производить внутренніе распоряженія, которые не лучше теперешней блокады. Я желалъ бы обмануться, но боюсь, чтобы императоръ когда нибудь не разкаялся въ томъ что не возстановилъ равновѣсія Европы. Я знаю человѣческое сердце. Похищеніе ваше врѣзано неизгладимыми чертами въ сердцахъ всѣхъ государей и всѣхъ честныхъ людей на твердой землѣ. Похвалами превозносятъ васъ по неволѣ, по тому что боятся кровопролитій революціи, пока она управляться будетъ етимъ чрезвычайнымъ человѣкомъ, который славою своею обязанъ болѣе хитрости и вѣрности своего ума, нежели обширности и отважности генія. Какъ скоро его не будетъ, то его будутъ проклинать какъ бичь рода человѣческаго. Позвольте повторить вамъ то, что сказалъ я Бонапарту, и чего можетъ быть вы не разслышали; воз-

тите себѣ въ удѣлъ Италіянское королевство, если не хотите чтобы по смерти вашей васъ отрыли и повѣсили, какъ Кромвеля.

Вертье. И въ самомъ дѣлѣ я не слышалъ этого *приговора*. Надобно думать, что власть отца духовнаго очень велика, что съ вами не случилось ничего непріятнаго за оскорбленіе императора. По смерти нашей пусть изъ насъ дѣлаютъ что угодно; *пусть насъ вѣшаютъ, пусть четвертуютъ*, какое намъ до того дѣло, лишь бы при жизни насъ слушались. Мы знаемъ настоящую цѣну лицемѣрнымъ ласкамъ нашихъ братій и родственниковъ. До смерти своей, *если продлитъ Богъ жизнь нашу еще лѣтъ пятьнадцать*, мы приведемъ ихъ въ несостояніе безпокоить нашихъ преемниковъ. Они перестанутъ владѣть, а тѣ, у которыхъ не будетъ столько ума, чтобы уѣхать за море, переѣдутъ въ наши бастиліи, гдѣ отведемъ мы имъ покои, не столько великолѣпно убранные, сколько прочно построенные. Мы любимъ всѣ дѣла додѣлывать, и когда все кончимъ, то увѣренъ, что вы перемѣните голосъ. Вы считаете что у Бонапарта только хитрый и вѣрный умъ, и признаетесь, такъ сказать, противъ воли,

что у него обширный и отважный гений, который, по вашему мнѣнію, не столько управляетъ его дѣлами, сколько его умъ. Очень видно, что мнѣніе это заняли вы въ обществахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, въ которыхъ каждый день цѣнятъ дарованія императора. Одни говорятъ, что онъ не умѣетъ говорить по Французски, другіе утверждаютъ, что онъ не знаетъ правописанія, а есть и такіе, которые дерзость свою простираютъ до того, что увѣряютъ будто онъ не храбръ, и успѣхи его приписываютъ его генераламъ и превосходному числу его войскъ предъ непріятельскими. Власть его надъ чужестранными дворами приписываютъ подкупу, и кричатъ противъ такого средства, которое дѣлается законнымъ по великимъ выгодамъ, доставляемымъ онымъ *благосостоянію государства.* Я познакомлю васъ коротко съ Бонапартомъ, что бы предохранить васъ и отъ несправедливости его враговъ и отъ смѣшнаго ентузіасма, ему удивляющихся. Бонапарте отмѣнно ученъ. Природа одарила его большимъ понятіемъ и памятью. Онъ великій физіогномистъ. Онъ очень правильно пишетъ на своемъ языкѣ, и говоритъ на немъ свободно. Въ немъ есть храбрость,

происходящая отъ чести или корысти, какъ вамъ угодно. Въ немъ нѣтъ Ланневой неустрашимости, который умѣлъ цѣлыя колонны гренадировъ доводить до того, что онѣ готовы были бросаться въ пропасть; природа не одарила его етимъ полуфизическимъ свойствомъ; но за то наградила рѣдкимъ даромъ умѣть выбирать людей, способныхъ выполнять обширные его замыслы. Признаюсь, что Бонапарте не заведенъ на полѣ сраженія; признаюсь, что и мнѣ самому на ономъ минуты кажутся часами, но на лицѣ нашемъ никто етого не замѣтитъ. Мы показываемся передъ войсками, а часто и среди пуль и ядръ. Тутъ пристаютъ къ намъ съ просбами удалиться. Цѣль наша выполнена. Мы отходимъ въ безопасное мѣсто, изъ котораго выходимъ опять только по самой необходимости. Послѣ дебюта своего въ Италіи, мы сдѣлали очень простую выкладку: „Мы точно такіеже люди, какъ и наши „неприятели. Воюя мы ничего не проигрываемъ, а выигрываемъ все. Бывъ побѣдителями или побѣжденными, но умерши сражаясь съ честію, мы падаемъ со славою; но „побѣдя и оставшись въ живыхъ, мы кончимъ тѣмъ, что завладѣемъ цѣлымъ міромъ.

*

„Слѣдственно, станемъ добывать деньги, что-„бы раздавать ихъ въ награжденіе, и станемъ „считать себя *царями* царей, которыхъ по-„бѣдимъ.“ Бонапарте, котораго какъ будто нарочно въ институтѣ помѣстили въ отдѣленіе *механики*, старался на пунктъ атаки собирать болѣе народа, нежели было онаго у неприятеля. Колонны препоручалъ онъ генераламъ и полковникамъ извѣданнымъ, которыхъ примѣръ дѣлалъ храбрыми самыхъ трусливѣйшихъ. Побѣда обратилась къ намъ съ улыбкою. Сардинскій король былъ первый, съ которымъ поступили мы такъ, какъ будто онъ былъ нашимъ подданнымъ. Вы знаете, что дѣлали мы съ прочими до Гиспанскаго. Великій Фридрихъ справедливо сказалъ, что *ежели бы онъ былъ королемъ Французскимъ, то безъ позволенія его ни кто въ Европѣ не смѣлъ бы сдѣлать выстрѣла изъ пушки.* Мы много сдѣлали, но я думаю, что государь етотъ сдѣлалъ бы болѣе, ежелибы у него было стольноже людей и денегъ, сколько у насъ. Давно уже завладѣлъ бы онъ Вѣною, Царемъ градомъ и пр. Я не согласенъ съ мнѣніемъ Бонапарта о королѣ Прусскомъ. Маневры, дѣланные имъ въ семилѣтнюю войну, ставятъ его на ряду съ Тюренемъ и Цезаремъ: однакоже, не говорите етого императору. Я считаю

Фридриха первымъ полководцемъ 18 вѣка. Бонапарте съ рѣдкимъ искуствомъ приготовляетъ сраженіе. Клеберъ, Моро и Фридрихъ, уступающіе ему въ етомъ, превозходятъ его въ самый день сраженія и равняются съ нимъ въ знаніи пользоваться онымъ, между тѣмъ какъ Сультъ, равняющійся съ Бонапартомъ въ предуготовительныхъ разпоряженіяхъ, и съ прочими полководцами въ день сраженія, хуже всѣхъ умѣетъ пользоваться побѣдою. Ерцгерцогъ Карлъ и лордъ Веллингтонъ походятъ на Сульта. Я вамъ доказалъ уже ето въ разсужденіи Карла, а въ истиннѣ мнѣнія моего объ Англинскомъ генералѣ увѣритесь вы разсмотря слѣдствія Вимейры, взятія Опорто и Талаверы. Массену не льзя подставить на ряду съ сими полководцами безъ того чтобы не назвали тебя несправедливымъ и льстивымъ человѣкомъ. Разсматривая ихъ со стороны политики, Бонапарте хитрѣе всѣхъ, Фридрихъ знающее всѣхъ, а Клеберъ справедливѣе всѣхъ. Прочихъ считаю я мало свѣдущими въ наукѣ правительства, ибо они совершенно военные только люди сколько по склонности, столько и по свойству. Я очень не хвалю болтовни, вранья и хвастовства Бонапартова у себя дома За чѣмъ сказывать вамъ что онъ велѣлъ отправить генерала Гоша? Довольно и

шого, ежели бы онъ сказалъ, что погубилъ одного изъ своихъ соперниковъ! Можетъ ли онъ считать, что вы етого ни кому неразскажете? За чѣмъ сказывать вамъ, что онъ согласился на женитьбу брата своего съ дѣвицею Богарне, когда могъ сдѣлаться мужемъ ея, чтобы *съ пользою подставить свое имя!* Хитрая Гортензія посвятила его въ дураки. Она, какъ и всѣ молодыя дѣвушки, желая выдти за мужъ, увѣрила его въ томъ, чего не было. Доказательство етому ясное. Она вѣнчана 3 Января 1802 года г., а перваго ребенка родила только 11 Октября 1804. Согласитесь со мною, г. аббатъ, что ети великіе люди бываютъ иногда очень *малы*. Вамъ безпрестанно твердятъ, что Бонапарте жестокъ; но ето зло необходимое. *Лучше умертвить своего врага, нежели согласиться, чтобы онъ насъ умертвилъ.* Во многихъ домахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія есть копіи съ одной ужасной каррикатуры, на которой Бонапарте, по умерщвленіи дюка Антіенскаго, представленъ держащимъ голову сего принца и окропляющимъ кровію его братьевъ своихъ Іосифа, Лудовика и зятя Мюрата, говоря имъ: *я васъ дѣлаю принцами крови.* Но развѣ ети люди презираютъ нами?

Развѣ не знаютъ они, что изъ всѣхъ злыхъ шутокъ Парижанъ въ течение десяти лѣтъ, гнусное произведение ето болѣе всѣхъ тронуло Бонапарта, и не смотря на ето не унимаются отъ насмѣшекъ надъ такимъ дѣломъ, которое предписываетъ политикою? Да трепещатъ твари ети, зараженные старинными своими королями! Терпѣніе имѣетъ свои предѣлы. Тоже ожидаетъ и якобинцевъ, которые вздумаютъ предпочитать Бурбоновъ Бонапартамъ. Надобно, чтобы люди совершенно рѣхнулись думая, что ройялисты рано или поздно не отмстятъ имъ за ужасы, произведенные ими въ революцію. Ничего нѣтъ справедливѣе, что ненависть ослѣпляетъ людей, до того, что они сами бросаются въ пропасть! Извините, г. аббатъ, что я перервалъ васъ на словахъ *повѣшенъ* и *Кромвель*. Странность етого дѣла не дозволила мнѣ дослушать васъ не сказавъ того, что у меня было на сердцѣ. Сдѣлайте одолженіе, продолжайте, я васъ буду слушать.

Аббатъ Мори. Горячность вашей свѣтлости, смутила меня немного, и я не помню болѣе что хотѣлъ сказать вамъ на прежніе ваши замѣчанія. Что касается до сказанна-

го теперь вами, я приношу вамъ за то чувствительнѣйшую благодарность. Я часто слыхалъ что Бонапарте имѣетъ поверхностные свѣденія, т. е. что онъ знаетъ отъ всего по маленьку, но совершенно ничего, даже *механики*. Также слухъ носился, что когда надобно было ему говорить съ учеными людьми, то онъ выучивалъ предмета два изъ тѣхъ, которыми занимаются пришедшіе къ нему люди, и продолжая разговоръ съ отмѣннымъ умомъ, оканчивалъ его съ блескомъ высказавъ то, что выучилъ за нѣсколько до того часовъ; это поражало ученыхъ, а слушателей приводило въ удивленіе. Хитрость эту, конечно невинную, но сбивающуюся на хвастовство, употреблялъ онъ съ ораторами, поэтами, законовѣдцами, физиками, астрономами, и даже математиками, которые, передъ нимъ, казалось были въ очарованіи, а возвратясь домой много смѣялись надъ страстію его казаться имѣющимъ въ сорокъ лѣтъ всѣ тѣ познанія, которые требуютъ цѣлой жизни многихъ ученыхъ. Это мнѣ не нравилось, и я всѣмъ членамъ института твердилъ безпрестанно, чтобы они, подобно мнѣ, не пропускали ни одного случая ученую славу его равнять съ военною. Но Бонапарте

со всѣмъ не ораторъ; вы признаетесь, что я могу судить объ етомъ. Наши академическіе якобинцы, которыхъ иногда стараюсь я обращать къ монархическимъ правиламъ, каждый по своей части говоритъ тоже, въ чемъ признался вамъ относительно краснорѣчія. Что касается до войны, я слышалъ, что онъ имѣетъ къ ней способность, а въ разсужденіи шпіонства считаютъ его *фениксомъ*. Теперь вспомнилъ я, что въ началѣ разговора нашего, вы сказали мнѣ что Бонапарте въ изповѣди своей, пропустилъ нѣкоторыя важныя подробности. Желаніе отверзть ему врата небесныя, возбудя въ немъ раскаяніе во всѣхъ грѣхахъ, обременяющихъ его душу, на вѣрное покажется вамъ достаточною причиною, узнать ихъ. Я не скажу, что слышалъ ето отъ васъ. Будте увѣрены, что я зная какъ довести его до признанія, сказавъ что слышалъ то и то въ путешествіе свое по чужимъ землямъ. Вы ничего не сказали мнѣ о поѣздкахъ его по государству и по морскимъ берегамъ. Говорятъ, что онъ хорошо умѣетъ дѣлать нужные къ сему разпоряженія. Вы всегда ему сопутствуете и никто лучше вашего не можетъ мнѣ сказать правды о дарованіи,

столь же нужномъ, сколь и почтенномъ въ государѣ, имѣющемъ оное и употребляющемъ его для блага своего государства.

Бертье. Открывая мнѣ столь обширное поприще, вы, г. аббатъ доказываете, что умѣете пользоваться признаніемъ, которое я вамъ сдѣлалъ, что *у меня языкъ на своемъ мѣстѣ.* Какъ ихъ величества считаютъ васъ *домашнимъ* человѣкомъ, то для нихъ пріятно будетъ разсказать вамъ главнѣйшія подробности о послѣднемъ ихъ путешествіи въ Апрѣлѣ и Маѣ, по Фландріи, Нидерландамъ, Зеландіи, Булоніи и Нормандіи. Императрица, которая, какъ и многія женщины, любитъ говорить, съ удовольствіемъ перескажетъ вамъ, какъ принимали ее старые и новые ея подданные. Справедливо говорятъ, что всѣ прекрасныя женщины, капризны. Марія Луиза не отстала отъ императора до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился дать креста почетнаго легіона одному меру, который на тріумфальныхъ воротахъ, сдѣланныхъ изъ зелени и поставленныхъ на большой дорогѣ изъ Монса въ Брюссель, сдѣлалъ надпись,

En épousant Marie Louise,
Napoléon n'a pas fait une sottise---

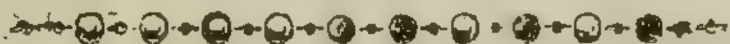
(Наполеонъ не глупо сдѣлалъ женясь на Маріи Луизѣ).

Еже ли бы этому меру дали богато вышитый шарфъ, въ которой наряжался бы онъ по праздникамъ въ своей деревнѣ, или даже бриліянтовый перстень, я посмѣялся бы этому, хотя подарокъ, какъ бы малъ ни былъ, всегда стоилъ болѣе сочиненія; но для меня гнусно было видѣть, что *мужику*, который насъ ненавидитъ, дали украшеніе, принадлежащее единственно храбрости. Тысячи храбрыхъ людей. изрѣшеченныхъ такъ сказать ранами, что бы сдѣлать изъ насъ то, что мы есть, забыты и не имѣютъ куска хлѣба. Я не смѣю говорить вамъ болѣе. У меня сердце раздирается думая, что и меня считаютъ участникомъ въ такой несправедливости. Пусть дѣлаютъ что хотятъ въ завоеванныхъ земляхъ, но не надобно забывать виновниковъ нашихъ побѣдъ и величія, людей, которые бывъ раздражены нашею неблагодарностію и пристрастіемъ, кажется будутъ имѣть справедливую причину изпровергнуть собственное свое твореніе. Очень досадно, что Бонапарте слишкомъ легко позволяетъ предупреждать себя противъ хорошихъ и вѣрныхъ офицеровъ; наконецъ онъ сдѣлается жертвою этого. Многіе достойные генералы удалены, по тому что считаются якобин-

цами или приверженными къ Бурбонамъ. Вся армія ропщетъ за преимущество въ производствахъ, дѣлаемое породѣ, виду, богатству и рекомендаціи красавицъ. Когда Бонапарту надобно помѣстить кого изъ такого разбора, то говоритъ, что какій нибудь полкъ ни куда не годится, и всячески придирается къ полковнику. Наконецъ объявляетъ его дурнымъ офицеромъ, а мнѣ дѣлаетъ за него выговоръ при всѣхъ и бранитъ, какъ будто школьника. Я знаю что дѣлать, и молчу. Онъ приказываетъ мнѣ не представлять ему впередъ такихъ *дураковъ* въ полковые начальники. Имя его записываютъ въ книжку и чрезъ нѣсколько дней отставляютъ, а мѣсто его отдаютъ *кому надобно*. Наполеонъ такъ всѣхъ насъ *застращалъ*, что мы не *смѣемъ* разинуть рта въ защищеніе самыхъ лучшихъ людей; часто даже подлость свою простираемъ до того, что въ угожденіе ему не находимъ ничего добраго въ попавшихся къ нему въ немилость. Убѣдя его обращаться по лучше съ арміею, не дурно сдѣлаете, ежели пощуняете и за разводъ брата его Іеронима. Мы очень дивимся, что Американцы остаются нечувствительными къ етому дѣлу, которое есть верхъ несправедливости

къ молодой его супругѣ, тиранства къ его брату и глубочайшаго презрѣнія къ соединеннымъ областямъ. Поговорите съ нимъ также о смертоубивствахъ, произведенныхъ при низложеніи съ престола султана Селима, объ интригахъ относительно къ Густаву Адолфу, объ отравленіи ядомъ наслѣднаго Шведскаго принца, о умерщвленіи графа Ферзена, того самаго, съ которымъ поступилъ онъ такъ презрительно въ Раштатѣ. . . .

(Императоръ и императрица входятъ въ комнату и прерываютъ бесѣду принца Бертье съ аббатомъ Мори.)

ВЫПИСКИ

изъ

біографическихъ записокъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЕРТЬЕ.

Генералъ Бертье, есть владѣтельный князь Нефшательскій и Ваграмскій, вице-коннетабль, маршалъ имперскій и начальникъ генералъ-штаба Гишпанской и Португальской арміи. Ему отъ роду пятьдесятъ три года. Ростомъ онъ пяти футовъ трехъ дюймовъ; сложенія крѣпкаго; лицемъ очень дуренъ, на видъ пріятенъ; обращенія учтиваго. Онъ съ радостію обѣщаетъ то, чего никогда не сдѣлаетъ и увѣряетъ въ истиннѣ того, что на вѣрное несправедливо. Настоящій *отчаянный.* Осанка его военная. Онъ хорошо воспитанъ. Вознамѣрясь помогать всѣми средствами возвышенію Бонапарта, онъ поступаетъ только сообразно сему.

(Служитъ въ Америкѣ, въ Версаліи въ національной гвардіи; на него доносятъ, онъ

оправдывается; его опредѣляютъ въ сѣверную армію, переводятъ въ Вандейскую, а онъ сюда въ Италіянскую въ 1796 г.)

Политическихъ и военныхъ подвиговъ Бертье не льзя описывать иначе, какъ вмѣстѣ съ Бонапартовыми. Они всегда были неразлучны и историкъ одного долженъ быть историкомъ другаго почти во всемъ. Бонапарте приказывалъ, Бертье повиновался. По переходѣ чрезъ Лодійскій мостъ, Бертье получилъ повелѣніе осмотрѣть разположеніе дивизій съ позволеніемъ изправить то, что найдетъ дурнымъ. Послѣ очень тягостнаго переѣзда по причинѣ дурныхъ дорогъ и ненастной погоды, Бертье возвратился съ донесеніемъ къ Бонапарту, который былъ тогда за столомъ вмѣстѣ съ Бернадотомъ. Бертье показывалъ на картѣ разположеніе арміи; Бонапарте, не сказавъ ему ни слова, указалъ пальцомъ на одно мѣсто, которое онъ забылъ и посмотрѣлъ на него неласково. Бертье вышелъ не говоря ни слова, сѣлъ опять на лошадь и проскакалъ еще десять миль для выполненія Бонапартова приказанія. Переписку съ директоріею, подписанную Бертье, не надобно считать за его сочиненіе. Все, что относится къ властямъ до

самыхъ дивизіонныхъ генераловъ, дѣлается Бонапартомъ. Онъ прогналъ бы Бертье, еслибы онъ осмѣлился безъ его позволенія переписываться съ правительствомъ, хотя о пустякахъ.

Въ Октябрѣ 1797 г. привезя въ Парижъ Кампо-Формійскій трактатъ, Бертье принятъ былъ директоріею съ величайшею пышностію. Бонапарте послалъ съ нимъ письмо, въ которомъ слишкомъ много выхвалялъ его, чтобы можно было вѣрить оному. Между прочими глупыми похвалами, сказано въ немъ, что *исторія займется описаніемъ заслугъ, оказанныхъ отечеству симъ храбрымъ генераломъ, и что свидѣтельство исторіи утвердится на мнѣніи всей арміи.* Бонапарте зналъ, что Бертье ни въ чемъ не могъ быть ему соперникомъ; онъ увѣренъ былъ въ усердіи его служить ему во всемъ; слѣдственно, выставлялъ только болѣе собственные свои дѣла превознося до небесъ своего посланника. Бертье получилъ подробное наставленіе что ему говорить директоріи, и безстыдство свое простеръ до того, что сказалъ слѣдующую рѣчь:

,,Граждане директоры. Будучи посланъ къ вамъ отъ Генерала Бонапарте съ оливною вѣт-

вію, пріобрѣтенною *пятью стами восемьдесятъ однимъ сраженіемъ* и пр. и пр., будучи органомъ Италіянской арміи, я увѣряю директорію, что мои военные товарищи взираютъ на сей міръ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. . . *Граждане директоры, не мнѣ говорить о генералѣ Бонапартѣ: имя его уже въ храмѣ безсмертія; славѣ и перу исторіи предлежитъ увѣковѣчить героя, котораго дарованія равняются съ республиканскими его добродѣтелями. . . .*

Директоры слишкомъ любили пить, ѣсть, спать и наживаться, чтобы понять содержаніе сей рѣчи, которой существо состояло въ слѣдующемъ: *Я вамъ привезъ міръ, плодъ Бонапартовыхъ побѣдъ. Я говорю его языкомъ, и мнѣ приказано сказать вамъ, что онъ доволенъ етимъ міромъ.*

(Дѣлается главнокомандующимъ надъ Римскою арміею; поступки его съ папою и жителями).

Въ 1798 г. Бертье сдѣланъ начальникомъ генералъ-штаба восточной арміи. Въ Африкѣ и Азіи должность его ограничивалась должностію секретаря и ординарца, которыя отправлялъ онъ въ Европѣ при Бонапарте, и въ Америкѣ при Лафайеттѣ. Онъ издалъ описаніе подвиговъ Египетской арміи, въ ко-

торомъ числа выставлены вѣрно, а произшествія описаны какъ хотѣлось Бонапарту. Въ немъ есть многія грубыя ошибки относительно выполненія операцій. Въ предисловіи выхваляются творенія Волнея и Денона.

Возвратясь во Францію съ Бонапартомъ, Бертье помогалъ ему 18 брюмера. Онъ назначенъ главнокомандующимъ надъ войскомъ, посланнымъ для обратнаго завоеванія Италіи; но онъ носилъ только его названіе. Бонапарте, одинъ только имѣвшій для того способности, одинъ и отправлялъ обязанности главнокомандующаго. Въ день Маренжскаго сраженія, Бертье очень крѣпко вымылц голову за то, что показалъ видъ унынія въ то время, когда Австрійцы принудили Французовъ ретироваться.

Бертье посланъ былъ въ Гиспанію, чтобы посѣять тамъ раздоръ, который послѣ довелъ королевство его до того плачевнаго состоянія, въ которомъ оно теперь находится. Онъ привлекъ къ себѣ пронырливыхъ людей, подкупилъ слабыхъ и ослѣпилъ дворъ обѣщаніями. Онъ не забылъ узнать хорошо мѣстоположенія, что было главною обязанностію его посольства.

Возвратясь въ Парижъ, онъ вступилъ опять въ должность начальника Бонапарто-

ва генералъ-штаба подъ названіемъ министра военныхъ дѣлъ, которое онъ носилъ уже до Маренжскаго сраженія и послѣ онаго. Всѣ военные люди проклинали его за малое стараніе, которое онъ прилагалъ о нихъ. Онъ занимался болѣе своими удовольствіями и обогащеніемъ, нежели трудною своею должностію; Бонапарте принужденъ былъ отнять у него половину дѣлъ, составивъ изъ того особенное министерство подъ названіемъ военнаго правленія, и отдавъ оное особенному человѣку. Искуство начальниковъ отдѣленій закрывало нѣкоторое время недостатки Бертье. Наскуча многими жалобами, прямо ему подаваемыми, Бонапарте сдѣлалъ Кларка министромъ военныхъ дѣлъ.

Бертье не преставалъ на опытѣ доказывать нелицемѣрную привязанность свою къ Бонапарту во всѣхъ кампаніяхъ съ самаго начала войны. Во всѣхъ бюллетеняхъ упоминается о немъ особенно и онъ всегда называется *вѣрнымъ* сопутникомъ Бонапарта. Онъ назначилъ его представлять себя въ Вѣнѣ для бракосочетанія съ ерцгерцогинею. Возвратясь получилъ онъ выговоръ за то, что продолжилъ тамъ свое пребываніе: ибо, по Бонапартову разсчету, онъ долженъ бы былъ пріѣхать въ Компіеньй шестью днями прежде.

Бертье осмѣлился замѣтить ему, что *онъ думалъ выполнить долгъ свой повинуясь императору Францу его тестю. Нѣтъ такого родства*, отвѣчалъ ему Бонапарте, *которымъ можно бы было оправдаться въ малѣйшей перемѣнѣ моихъ повелѣній. Еслибы я послалъ капрала, то онъ лучше бы мнѣ повиновался.*

Столь уничижительный выговоръ, сдѣланый при двадцати человѣкахъ, заставилъ бы думать, что Бертье попалъ въ немилость; но онъ поклонясь очень низко замолчалъ и ожидалъ новыхъ повелѣній. Бонапарте, удовлетворивъ *наружности* и разпространивъ духъ рабства примѣромъ надъ такимъ человѣкомъ, который, хотя и любимецъ его, не можетъ однакоже сказать слова въ оправданіе, ушелъ во внутренніе покои, велѣлъ позвать къ себѣ Бертье, и съ лихвою заплатилъ ему за его снизсхожденіе и за искусное представленіе данной ему роли.

Другіе анекдоты докончатъ доказательство страннаго согласія етихъ двухъ головъ. 24 Мая 1810 г., въ десять часовъ вечера Бертье получилъ отъ Бонапарта повелѣніе отправиться на другій день въ три часа утра изъ Калѣ въ Булонскій лагерь, чтобы тамъ приготовить все для раздачи войскамъ награ-

жденій по случаю бракосочетанія. Бертье отправился въ назначенный часъ; но какъ дорогою изломалась у него карета, то онъ опоздалъ и пріѣхалъ только къ семи часамъ. Бонапарте показался въ девять часовъ, и спросилъ у Бертье, все ли готово? *Никакъ нѣтъ ваше величество*, отвѣчалъ Бертье, *дорогою у меня изломалась карета.* — *У васъ все ломается*, сказалъ Бонапарте, *вы бы сѣли на форейтерскую лошадь. Возможно ли, что въ пятьнадцать лѣтъ, вы ненаучитесь еще выполнять моихъ повелѣній.* Бертье, по обыкновенію, не сказалъ ни слова. Бонапарте *нарочно* пошелъ осматривать другіе мѣста, чтобы дать Бертье время окончить свое дѣло.

Въ тотъ же день, осматривая 72й полкъ, Бонапарте бывъ недоволенъ отвѣтами полковника Лафитта, подозвалъ Бертье и съ бѣшенствомъ сказалъ ему: „за чѣмъ представляете вы мнѣ въ полковники такихъ офицеровъ, „которые не знаютъ и первыхъ началъ своего „дѣла?" Ваше величество, сказалъ Бертье опустя шляпу какъ можно ниже, генералъ Сентъ-Илеръ рекомендовалъ полковника Лафитта отмѣнно хорошимъ офицеромъ. — *Въ другій разъ*, сказалъ Бонапарте, *я вамъ приказываю не полагаться ни на чьи рекомендаціи, а узнавать самому имѣютъ ли представляемые*

кандидаты нужные свойства къ занятію столь важныхъ мѣстъ.

Бертье не имѣетъ уже того смѣлаго вида, какій имѣлъ прежде. Подобно мошеннику, что нибудь укравшему, онъ съ трепетомъ пользуется своею добычею. Одинъ батальонъ, во время ученія, держалъ ружье *на караулъ*; Бонапарте три раза приказывалъ командовать *подысь;* но какъ батальонный начальникъ не слышалъ этого, то одинъ генералъ прокомандовалъ за него очень громко. Бертье поблѣднѣлъ и съ сердцемъ сказалъ ему, *что онъ не батальонный начальникъ*. Генералъ отвѣчалъ, *что годъ уже какъ изполняетъ должность капрала отъ того, что въ Булонь прислали національную гвардію безъ екзерцирмейстера, и что онъ самъ принужденъ былъ учить ихъ ружью.* Это успокоило Бертье, который сомнѣвался въ намѣреніи сего генерала.

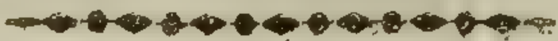
Частное его поведеніе развратно до того, что и вообразить онаго не можно. Всѣ поставщики или подрядчики въ время его министерства обложены были податью, которая поглощала большую часть ихъ барыша. Нѣтъ жестокости, которой не подвергъ бы онъ полкъ непокорливый или наполненный якобинцами или пропущающій запрещенные товары; также поступаетъ онъ и съ генерала-

али, которые не понравятся или которыхъ боятся. Бертье говоритъ скоро и умѣетъ отвѣчать къ стапѣ, а особливо находить достаточную причину къ извиненію самой вопіющей несправедливости.

5 Октября 1806 г., одинъ генералъ пять часовъ дожидался у кабинета Бонапартова. Бертье узналъ это, пришелъ къ нему и сказавъ что императоръ не можетъ принять его, просилъ отправиться тотчасъ въ Майнцъ къ генералу Мортье, который формируя осьмый корпусъ имѣетъ нужду въ генералахъ. По пріѣздѣ туда, Мортье сказалъ этому генералу, что Бертье ничего о немъ не писалъ къ нему. Вотъ престранная политика въ человѣкѣ, у котораго на языкѣ *чистосердечіе* и *истина*, между тѣмъ какъ на сердцѣ ложь и обманъ!

Бертье женатъ на дочерѣ принца Вилгелма Баварскаго. Не смотря на столь лестный союзъ, увѣряютъ что онъ ведетъ себя также распутно, какъ и до женитьбы. По исполненіи Бонапартовыхъ приказаній, онъ ничего болѣе не знаетъ, кромѣ своихъ забавъ. Онъ преисполненъ всѣми пороками, выключая пьянства. Въ немъ есть умъ и теоретическіе военные познанія; но нѣтъ твердости и точности взора; за то удивительная дѣя-

тельность, въ которой онъ не уступаетъ Бонапарту. Со всѣмъ тѣмъ онъ не полководецъ. Въ военное время онъ никогда отдѣльно не командовалъ, даже полкомъ. Онъ отмѣнно умѣетъ понимать приказаніе, искусенъ въ передачѣ онаго другимъ, и не лѣнивъ въ надзорѣ за изполненіемъ онаго. Въ 1797 г. въ Италіи зашла у него ссора съ генераломъ Дельмасомъ. Онъ сказалъ объ етомъ Бонапарту, который прекратилъ ее. Говорили, что Бертье не хотѣлъ драться съ Дельмасомъ и въ оправданіе его прибавляли что Дельмасъ иногда *мѣшался въ умѣ.* Но сего не льзя было сказать о Бернадоттѣ, который имѣлъ съ Бертье подобное же Дельмасу дѣло, по случаю генерала Дюпюи, бывшаго тогда полковникомъ и коммендантомъ въ Миланѣ, котораго Бернадоттъ велѣлъ арестовать. Бертье вздумалъ упрекнуть Бернадотту въ мнимой его вспыльчивости. Послѣдній вызвалъ на дуель жителя Версаліи, который однакоже побоялся принять его предложеніе. Бертье есть ни что иное, какъ человѣкъ безъ религіи и нравственности, трусъ съ сотоварищами, но храбръ и хитръ какъ разбойникъ.

Ч. I я. — № 29.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ.

Inhumana credulitas, perfidia plus quam punica, nihil veri, nihil sancti, nullus deum metus, nullum jus jurandum, nulla religio.

Тит̃ Ливій, Кн. 21. 4.

Наполеонъ Бонапарте есть императоръ Французовъ и пр., отъ роду ему 41 годъ. Ростомъ онъ пяти футовъ двухъ дюймовъ. Сложенія крѣпкаго. Онъ очень потолстѣлъ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался императоромъ. Лице его дурно и неправильно; цвѣтъ лица желтоватъ. Видъ мраченъ; взоръ дикъ; голосъ обыкновенный грубый, и глухій. Держитъ себя просто, а часто очень неопрятно и гадко. Въ обращеніи холоденъ. Въ публикѣ принимаетъ видъ человѣка сердитаго, которому ничто не нравится. До похищенія престола съ коротко знакомыми людьми онъ отмѣнно бывалъ веселъ и разговорчивъ до того, что можно было считать его болтуномъ. Ученые люди, которыхъ онъ въ 1800 г. пригласилъ въ замокъ Мальмезонъ, зѣвали отъ скуки и пожимали плечами отъ жалости

слушая разсказы его о походахъ въ Италію и Египетъ. Онъ еще не воевалъ въ Германіи.

(Здѣсь описываются подробности до 13 вандемьера 4 го года или 5 Октября 1795.

Конвенту угрожаетъ опасность, Баррасъ получаетъ главное начальство надъ войскомъ. При осадѣ Тулона былъ онъ свидѣтелемъ военнаго искусства Бонапартова и усердія, съ которымъ рѣзалъ онъ Тулонцевъ въ слѣдствіе опредѣленія народныхъ представителей. Онъ назначаетъ его вторымъ по себѣ начальникомъ. Бонапарте спѣшитъ принять мѣсто, отъ котораго другіе генералы считали за долгъ отказаться. Полгода принужденъ онъ былъ обходить пѣшкомъ мѣста, на которыхъ должно было сражаться. Баррасъ оставляетъ для себя только почести начальства, а распоряженія дѣлаетъ Наполеонъ. Онъ предводительствуетъ главною аттакою въ улицѣ св. Гонорія; приказываетъ войску ударить въ штыки на людей, правда вооруженныхъ, но не могшихъ обороняться по причинѣ неустройства. Солдаты повинуются сему звѣрскому приказанію; побоище было ужасное, по тому что Парижане не могли бѣжать отъ того, что улицы были загорожены. Вмѣсто того, чтобы удерживать солдатъ, Бонапарте подаетъ имъ примѣръ со-

бою: онъ рубитъ саблею несчастныхъ людей, дрожащихъ отъ страха, побросавшихъ свое оружие и просившихъ помилованія. Капитанъ Монвуазенъ, адьютантъ его, гнушаясь свирѣпымъ поступкомъ своего генерала, съ мужествомъ упрекаетъ его въ жестокости. Бонапарте называетъ адьютанта своего малодушнымъ отъ того, что онъ старается удерживать солдатъ. Въ самый етотъ же день, Монвуазенъ оставляетъ своего генерала не желая болѣе служить съ палачемъ своихъ согражданъ. Судьба кажется нарочно опредѣлила, чтобы Бонапарте вышелъ на политическій горизонтъ среди разныхъ несчастій; ибо, выключая побіенія Парижанъ, годъ сей ознаменовался плачевнѣйшими произшествіями: Лудовикъ XVII, законный наслѣдникъ Французскаго престола, былъ отравленъ ядомъ въ Тамплѣ, король Георгъ былъ обруганъ шествуя въ парламентъ, учреждена директорія и истреблены емигранты въ Киберонѣ.

(Онъ назначенъ начальникомъ 17й военной дивизіи; поступки его въ Парижѣ; женитьба и отъѣздъ его въ Италіянскую армію).

Когда Бонапарте располагался вести наступательную войну, тогда генералъ Больё предупредилъ его напавъ на Волтои 9 Апрѣля 1796 г. Генералъ Червони вышелъ изъ се-

го мѣста ночью. Между тѣмъ, какъ Австрійцы теряли отборные свои войски передъ Монтенотскимъ редутомъ, Бонапарте напавъ на оба ихъ фланга, опрокинулъ ихъ. 13 числа Французскій генералъ хотѣлъ завладѣть Коссаріею, въ которомъ сидѣлъ генералъ Провера съ 1500 человѣкъ; но всѣ Бонапартовы усилія были тщетны. Австрійскій генералъ не принялъ *выгодныхъ* предложеній Наполеона, а остался непреклоннымъ и сражался какъ герой. Бонапарте безъ всякой пользы потерялъ множество храбрыхъ людей. Аттака ета, противная всѣмъ правиламъ военнаго искуства, показала арміи свирѣпый нравъ ея генерала и родъ войны, который былъ ему свойственъ. Бонапарте вознамѣрясь дать сраженіе 14го, увидѣлъ что вчерашняя неудача подъ Коссаріею охладила солдатъ. Онъ пошелъ по рядамъ говоря имъ, что *давно уже они терпятъ страшную нужду въ Альпійскихъ горахъ; что ежели будутъ они драться также храбро, какъ и у Монтенотте, то онъ обѣщаетъ привести ихъ побѣдителями въ тѣ прекрасныя долины, которыя они передъ собою видятъ и въ которыхъ найдутъ несмѣтное богатство, множество хлѣба и прекрасныхъ женщинъ.* Что могло быть убѣдительнѣе? Не льзя было грабить въ снѣжныхъ

етихъ горахъ, которыхъ жители совершенно разорились отъ двухъ армій, угнѣтавшихъ ихъ поперемѣнно четыре года.

Миллезимское сраженіе проиграно было Австро-Сардами. Французы дрались какъ голодные волки. Дего былъ взятъ и Провера сдалъ Коссарію, какъ скоро лишился всей надежды получить помощь. Колонна, составленная изъ трехъ тысячь Австрійцевъ взяла опять Дего напавъ на него нечаянно. Французы, занявшись грабежемъ, дорого заплатили за ту увѣренность, которую всегда вселяетъ въ нихъ успѣхъ. Бонапарте собралъ разбѣжавшихся. Генералы Викторъ и Ланнь отняли Дего. Австрійцы отступили въ порядкѣ защищая каждый шагъ, хотя и должны были драться съ силами, вчетверо ихъ превосходившими.

Генералъ Больё отступилъ къ Тортонѣ, а генералъ Колли привелъ Сардинскую армію на лѣвый берегъ Танаро. Несогласіе обоихъ сихъ генераловъ между собою отверзло Бонапарту Италію. Спросятъ, отъ чего генералъ Больё, разбившій Марсо подъ Флёрусомъ, противился здѣсь слабо? У него было 60 т. человѣкъ противъ 50 т. Кажется, что онъ атаковалъ Вольтри только для того, чтобы подать Бонапарту знакъ къ сраженію.

Генерала Аргентау отдали подъ военный судъ; не льзя было *доказать*, что онъ измѣнникъ, но увѣряютъ что его объявили *трусомъ и неспособнымъ* къ военной службѣ. Больe показалъ много неосторожности и слабости. Столь скорую и чрезвычайную перемѣну въ полководцѣ, который до того славился военными дарованіями, приписываютъ наущеніямъ одного офицера Австрійскаго генералъ-штаба подкупленнаго Бонапартомъ.

Бывъ разбитъ подъ Чевіею, Вико и Мондови, генералъ Колли, съ дозволенія короля Сардинскаго, попросилъ перемирія. Бонапарте притворился, что у него не было полномочія, что боялся прогнѣвать директорію, и что рѣшится принять на себя отвѣтственность только тогда, когда уступятъ ему крѣпости Кони и Тортону. Туринскій дворъ согласился на ето, и тогда всю Французскую армію можно было обратить противъ Австрійской.

Бонапарте, знавшій что Французы жадны до похвалъ, издалъ прокламацію въ возточномъ вкусѣ, наполненную противорѣчіями: „Теперь вы сравнялись заслугами своими съ „побѣдоносною арміею Голландскою и Рейнскою. Не имѣя ничего, вы сдѣлали все. Вы „выиграли сраженія безъ пушекъ, *переходили „рѣки безъ мостовъ*, дѣлали форсированные

„марши безъ башмаковъ и бивакировали безъ „хлѣба... Благодарю васъ, воины! но не могу „умолчать, что *вы еще ничего не сдѣлали*... Неприятели ваши попираютъ еще „прахъ побѣдителей Тарквиновъ. Вы всѣ горите желаніемъ распространить славу народа Французскаго, и уничтожить гордость „царей, умышлявшихъ возложить на васъ „оковы. Вы всѣ хотите, возвратясь въ домы „свои, сказать съ гордостію: *и я служилъ „въ побѣдоносной Италіянской арміи.* Есть „условіе, въ исполненіи котораго надобно „вамъ клясться, а именно: *уважать народы, „которыхъ вы освобождаете отъ оковъ. Я не „потерплю, чтобы разбойники осквернили ваши „лавры.*" Послѣ етого относясь къ жителямъ, Бонапарте говоритъ: „Народы Италійскіе! Французская армія пришла къ вамъ „*для расторженія оковъ вашихъ.* Народъ Французскій есть *другъ* всѣхъ народовъ. Теките „съ полною надеждою къ знаменамъ нашимъ. „Мы свято будемъ уважать вашу вѣру, *вашу „собственность* и ваши обычаи. Мы будемъ „воевать какъ великодушные неприятели, *и „оружіе свое обратимъ только противъ тирановъ, васъ порабощающихъ.*"

Наелектризовавъ свою армію пустыми словами и ослѣпивъ Италіянцевъ надеждою

на свободу *его покроя*, неутомимый и предпріимчивый Бонапарте сдѣлалъ многіе движенія, чтобы заставить думать, что онъ хочетъ перейти рѣку По около Валенціи. Между тѣмъ, какъ Больё, повѣривъ етому, дѣлалъ большіе приуготовленія для воспрепятствованія перехода чрезъ Тесинъ, Французская армія форсированнымъ маршемъ пошла на Піачендзу, гдѣ нашла нѣсколько бароковъ. 7го Мая шесть тысячь гренадировъ переправились через По. Фомбійское сраженіе выиграно неустрашимостію генерала Ланнія; Бонапарта на немъ не было.

Малодушное отступленіе короля Сардинскаго навело страхъ на прочіе Италіянскіе дворы. Интриги и угрозы Французскихъ агентовъ довели етотъ страхъ до высочайшей степени. Дюкъ Пармскій покорился первый, а всѣ прочіе, кромѣ дюка Моденскаго, который ушелъ, подверглись закону побѣдителя.

Завладѣвъ городомъ Лоди 10 Мая, Бонапарте, *знавшій напередъ*, что мостъ не былъ разобранъ и подрытъ, сдѣлалъ разпоряженіе для перехода чрезъ Адду и нападенія на Больё, который окопался на лѣвомъ берегѣ. Австрійскій генералъ могъ бы въ четверть часа разобрать мостъ или по меньшей мѣрѣ

загородить его. Не ужъ ли онъ думалъ съ 25 тысячами разбить 50 тысячь человѣкъ? Вмѣсто того, что бы окапываться, за чѣмъ не сдѣлалъ онъ между собою и непріятелемъ преградъ, сильнѣйшихъ всѣхъ его редутовъ? Какому наказанію подвергъ бы Болье комменданта крѣпости, который не поднялъ бы мостовъ, а ожидалъ непріятеля на плацъ д'армѣ, что бы съ нимъ сразиться? Коммендантъ сей хотя бы дрался какъ левъ, но Болье вѣрно приговорилъ бы его къ разстрѣлянію, какъ виновнаго въ измѣнѣ. Опытный генералъ, каковъ Болье, не долженъ былъ упускать случая пользоваться выгодою, которую доставляла ему рѣка Адда для остановленія Французской арміи. Увѣряютъ, будто онъ приказалъ разобрать мостъ; но *друзья Бонапартовы откладывали будто ето до тѣхъ поръ, пока уже невозможнымъ сдѣлалось отъ прохода непріятельскихъ колоннъ*. Болье былъ слишкомъ 70 лѣтъ. Его разпоряженія и слѣпая довѣренность къ своему генералъ-штабу были гораздо полезнѣе Французамъ для перехода чрезъ Адду, нежели 50 т. Австрійскихъ штыковъ, и мнимая отважность ихъ главнокомандующаго. Ни кто не споритъ, что бы Бонапарте не былъ хитръ и искусенъ ласкать солдатъ, обманывать жителей и привязывать къ себѣ гене-

раловъ грабежемъ, прокламаціями и похвалами. Ланнь и д'Алльманьй показали много отважности при переходѣ чрезъ Лодійскій мостъ и при нападеніи на Австрійскую армію, которая, по упорномъ сопротивленіи, ретировалась въ добромъ порядкѣ. Бонапарте разсудилъ за благо остаться съ резервнымъ корпусомъ. Удивительно какъ онъ, которому такъ было нужно недавать Больё времени опомниться, оставилъ его въ покоѣ 18 дней, въ которые онъ запасъ Мантую провіантомъ и укрѣпился за Минчіо. Слѣдуя по пятамъ за Австрійскою арміею, не упустилъ бы онъ ни одного человѣка, и чрезъ 8 дней, Мантуя, не имѣвшая ни провіанта, ни достаточнаго гарнизона, принуждена бы была отворить ему вороты. Тщеславіе Бонапартово превозмогло его обязанность. Столица Ломбардіи занята была Массеною, который въ слѣдствіе данныхъ ему наставленій принялъ съ пышностію главнокомандующаго, какъ преемника ерцгерцога Миланскаго.

Между забавами и праздниками, Бонапарте хладнокровно обдумывалъ истребленіе многихъ тысячь жителей. Онъ обманулъ ихъ своими льстивыми прокламаціями. Онъ обѣщалъ, что собственность останется непри-

косновенною; но выключая чрезмѣрныхъ контрибуцій. взысканныхъ собственно для него, все грабили и отнимали безнаказанно. Неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Бонапарте чувствовалъ, что прежде нежели онъ приблизится къ рѣкѣ Адижу, надлежало ему навести на Италіянцевъ страхъ. Онъ поѣхалъ изъ Милана въ Лоди; но едва только туда пріѣхалъ, какъ *показалъ видъ*, что узналъ о возмущеніи въ Павіи и смятеніяхъ въ Миланѣ. Разстрѣлявъ въ послѣднемъ городѣ людей, сочтенныхъ имъ преданными Австрійскому дому, онъ пошелъ на Павію. Мѣсто сто легко было взято и Бонапарте отдалъ его на разграбленіе. Онъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ приверженныхъ къ законному своему государю; многія деревни были сожжены. Послѣ такой жестокости, поводъ къ которой онъ самъ приуготовилъ тайно, Наполеонъ пошелъ къ Бресціи и приготовился напасть на Больё. Переходъ чрезъ Минчіо былъ не затруднителенъ. Австрійцы еще разъ обязаны были своимъ спасеніемъ неправильнымъ разпоряженіямъ Бонапарта. Они отступили въ Тироль не бывъ преслѣдуемы; ихъ было 20т. Если бы Французскій генералъ велѣлъ занять Трентскую дорогу, какъ это и можно ему было, то Вурмсерова экспедиція сдѣла-

лась бы двумя мѣсяцами позже или сила его была бы менѣе Бонапартовой.

Приказавъ окружить Мантую, онъ занялся своими доходами. Онъ наложилъ контрибуцію на всѣ земли, лежащія на правомъ берегѣ рѣки По. Прибывъ въ Болонію, подписалъ онъ перемиріе съ папою, который обязался заплатить 21 милліонъ ливровъ контрибуціи. Въ продолженіе сего переговора и подъ благовиднымъ предлогомъ имѣть вліяніе на Римскій дворъ движеніями войскъ, онъ завладѣлъ Ливурною и Анконою.

Между тѣмъ какъ Бонапарте копилъ себѣ деньги, Вурмсеръ нападалъ на Французовъ по правую и лѣвую сторону озера Гарды. Отряды въ Сало и Коронѣ были схвачены 29 го Юлія; а на другій день Австрійцы заняли Брешію и Верону. Половина Французской арміи была побита. Первое намѣреніе Наполеоново было то, что бы отступить за Адду. Онъ снялъ осаду Мантуи; оставилъ въ батареяхъ всю свою осадную артиллерію, состоявшую слишкомъ изъ 150 орудій; собралъ генераловъ въ Кастильонѣ и отдалъ имъ на разсмотрѣніе намѣреніе свое перейти Адду и ожидать въ сей позиціи многочисленныхъ подкрѣпленій, долженствовавшихъ придти изъ Франціи. Генералъ Массена и всѣ прочіе одобрили это

намѣреніе; одинъ только Ожеро былъ противнаго мнѣнія. Онъ пришелъ въ нѣкоторый родъ бѣшенства и сказалъ, что онъ и вся храбрая его дивизія рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Относясь же въ особенности къ Бонапарту, сказалъ ему: *Ступай, трусъ, и скажи во Франціи, что Ожеро погибъ съ честію. Я напередъ тебѣ говорю, что не отступлю.*

Бонапарте не трогаясь *убѣдительными* словами Ожеро, отвѣчалъ хладнокровно: *вы худо меня знаете, ежели считаете способнымъ сдѣлать что нибудь противное славѣ оружія. Я радъ что вы однихъ со мною мыслей. Я ни мало не намѣренъ отступать. Прежде нежели созвалъ я васъ на совѣтъ, я рѣшился побѣдить или умереть въ рядахъ непріятельскихъ.* Тутъ Ожеро, Массена, Бонапарте и прочіе генералы обнялись и клялись драться такъ, что бы непремѣнно побѣдить.

3 го Августа, аттака была общая. Вурмсеръ, одолѣвшій Массену, сбитъ былъ Ожеромъ, который завладѣлъ Кастильономъ. Упорное сраженіе продолжалось 6 дней. Отважность Французовъ и глупость или лучше старость Австрійскаго генерала, доставили преимущество Бонапарту. Вурмсеръ отступилъ въ Мантую 12 го Сентября. Онъ сдѣлалъ непростительную ошибку разбивъ свое

войско кругомъ Французскихъ дивизій. Ему надобно было сдѣлать настоящую аттаку. Если бы она ведена было на Брешію чрезъ Сало, тогда не случилось бы общаго дѣла. Лѣвое крыло Французовъ отрѣзано бы было отъ прочаго войска, которое поспѣшно подалось бы къ Аддѣ. Маневръ етотъ, произведенный съ храбростію и точностію, поправилъ бы всѣ ошибки, сдѣланные Больё. Важность Мантуи принудила Австрійскій домъ сдѣлать новые пожертвованія для вспомоществованія оной; не умѣли употребить ихъ въ пользу.

Журданъ и Моро, побитые ерцгерцогомъ Карломъ перешли за Рейнъ. Всюду говорили только о славныхъ дѣлахъ спасителя Германіи. Прибытіе его въ Италію для принятія начальства надъ Алвинціевою арміею, произвело бы величайшее дѣйствіе. Если бы ерцгерцогъ вмѣсто того что бы понапрасну терять время подъ Келемъ, начальствовалъ при сраженіи Калдерскомъ 19 го Новбря, то заставилъ бы позабыть оплошность стараго Вурмсера. Правда, что Бонапарте былъ разбитъ при Калдеро и при Арколѣ; но Алвинци отягченный 70 годами, не умѣлъ воспользоваться сею двойною побѣдою. Нѣсколько Австрійскихъ батальоновъ застави-

ли бы во всю мочь бѣжать приступавшихъ къ Арвольскому мосту. Бонапарте въ замѣшательствѣ столкнутъ былъ бѣгущими въ ровъ, гдѣ погибъ бы непремѣнно, еслибы одинъ гренадиръ не вытащилъ его. Онъ заслуживалъето за погубленіе нѣсколькихъ тысячь храбрыхъ людей, побитыхъ и перераненыхъ въ сей глупой аттакѣ; Алвинци отчаявшись пробиться до Мантуи по сей дорогѣ, отощелъ къ Вичендзѣ. Онъ получилъ новые подкрѣпленія, приказалъ напасть на неприятеля подлѣ Вероны и на нижнемъ Адижѣ. Главную часть силъ своихъ направилъ онъ на Риволи между верхнимъ Адижемъ и озеромъ Гардою. Медлѣнность движенія его дала Бонапарту время собрать на сей пунктъ многія дивизіи. Послѣ 8 ми часовъ кровопролитія, Австрійцы были разбиты. Часть войскъ, сражавшихся у Риволи получила приказаніе идти на помощь къ корпусу, осаждавшему Мантую. Провера, которому поручено было подвезти въ сію крѣпость припасы, попался въ полонъ со всею своею колонною, дравшись болѣе съ храбростію, нежели отвагою. Если бы офицеръ етотъ былъ столь же предприимчивъ, сколько храбръ и благороденъ, то не преминулъ бы войти въ Мантую.

Послѣ такихъ несчастій, произведенныхъ сколько дѣятельностію Бонапарте и храбростію его войскъ, столько посредственными дарованіями непріятельскихъ генераловъ, Вурмсеръ, оставшійся только при собственныхъ своихъ силахъ, и чувствуя недостатокъ въ припасахъ, сдался на капитуляцію 30 го Января 1797 го. Бонапарте въ пышныхъ словахъ выхвалилъ *великодушіе* свое къ сему престарѣлому генералу. Онъ много хвасталъ тѣмъ, что не считалъ его военноплѣннымъ. Въ донесеніи своемъ директоріи подробно описалъ *искусные маневры* сего фельдмаршала, которые лишили Австрію Гибралтара Италіи, чтобы придать болѣе блеска своимъ успѣхамъ.

Баррасъ приписывалъ себѣ честь Бонапартовыхъ побѣдъ. Онъ вытащилъ его изъ ничтожества 13 го вандемьера и по его просьбѣ назначенъ онъ главнокомандующимъ. Онъ продолжалъ пользоваться своею властію для выполненія намѣреній покровительствуемаго имъ человѣка. 30 т. человѣкъ отборныхъ отдѣлены были изъ Рейнскихъ армій въ изходѣ Декабря 1796 го и посланы въ Италію. Австрія боясь опасности, угрожавшей южнымъ ея областямъ, усилила Алвинціеву армію отдавъ ее, но *очень поздо*, подъ начальство ерц-

герцога Карла. Бонапарте, который получалъ вѣрные свѣденія о всемъ, что ни дѣлалось въ Австріи, разсудилъ, что до возобновленія военныхъ дѣйствій, останется у него довольно времени, что бы заставить папу разкаяться за отказъ выполнить условія Болонскаго перемирія. Онъ дошелъ съ корпусомъ войскъ до Толлентино. Миръ заключенъ былъ съ св. отцемъ, а особливо не забыли денегъ. Въ договорѣ сказано, что бы папа заплатилъ пять миліоновъ бриліянтами. Директорія усильно просила Бонапарте *принять ихъ* для него собственно. Въ ето время, у него было уже слишкомъ 50 миліоновъ, которые онъ поспѣшилъ отдать первымъ банкирамъ въ Миланѣ, Генуѣ, и Марселіи, и принимая подарокъ директоровъ, онъ смѣялся надъ ихъ глупостію.

Съ папскими бриліянтами и богатою добычею, похищенною имъ въ церкви Лоретской Божіей Матери, Наполеонъ возвращался къ своей арміи тихими шагами для приумноженія богатства, какъ услышалъ, что принцъ Карлъ намѣренъ былъ на него напасть. Онъ рѣшился предупредить его. Рейнскіе войски частію уже пришли на Адижъ; ими начальствовали генералы Бернадоттъ и Делмасъ. Австрійцы не защищали перехода чрезъ Піаву; и Тальяменто пере-

шли также безъ большаго сопротивленія: дѣйствовала только артиллерія, а пѣхота оставалась безъ дѣла. Французская конница не смѣла напасть на Австрійцевъ, которые отступили съ отмѣннымъ порядкомъ.

19го Марта 1797го, Бернадоттова дивизія заняла высоты на лѣвой сторонѣ *Медеи*, селенія стоящаго впереди Пальмы-Новы по Градисской дорогѣ. Бернадотту приказано было ожидать новыхъ повелѣній въ сей позиціи. Около 10 часовъ утра пріѣхалъ Бонапарте съ своимъ генералъ-штабомъ, состоявшемъ человѣкъ изъ 40 офицеровъ разныхъ чиновъ. Его прикрывала рота колоновожатыхъ. Въ большой галопъ проскакалъ онъ по фрунту дивизіи. Остановясь на лѣвомъ концѣ линіи, и осмотря окрестности, онъ сказалъ Бернадотту показывая ему Австрійцевъ, стоявшихъ въ ордеръ-баталіи въ долинѣ между Медеи и Градиски: *Вотъ непріятель: нападите на него, возмите или осадите Градиску, и пріѣзжайте ко мнѣ до ночи на сіи высоты, на которыхъ я буду съ генераломъ Серрюрье.* Сказавъ это, онъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ къ войскамъ, которые должны были переходить черезъ Изонцо и занять высоты между Градискою и Гориціею, о которыхъ онъ говорилъ Бернадотту. Послѣдній не при-

вынши получать *столь лаконическихъ и повелительныхъ приказаній*, былъ въ отчаяніи. *Дѣло кончено*, сказалъ онъ со слезами начальнику своего генералъ-штаба: *я вижу что мнѣ завидуютъ и хотятъ обезчестить. Мнѣ остается только прострѣлить себѣ лобъ пулею. Мнѣ не даютъ писменнаго повелѣнія, которымъ бы могъ я оправдаться. . .* Другъ его замѣтилъ ему, что *вѣрно ето привычка Бонапартова, очень отличная отъ Журдановой, который для такой атаки, далъ бы посредствомъ толмача своего Ернуфа, инструкцію на четырехъ страницахъ въ листъ, чтобы атаковать такъ точно, какъ было приказано, и что послѣ онъ подумаетъ о средствахъ уничтожить зависть своихъ противниковъ.* Въ ету минуту они услышали стрѣльбу на правомъ флангѣ, который началъ атаку. Ето была Серрюрьерова дивизія, которая дралась переходя черезъ Изонцо. Бернадоттъ пошелъ на Градиску, принудилъ неприятеля войти опять въ крѣпость, и пытавшись безъ успѣха проломить ворота, предложилъ коменданту о здачѣ. Офицеръ сей, храбрый, но несвѣдущій человѣкъ, сдался въ тотъ же день, въ который его атаковали. Онъ могъ бы защищаться еще двое сутокъ, и сдѣлалъ бы ето, ежели бы получилъ приказаніе. Бернадоттъ пришедъ на возвышенія, гдѣ его ожидали, думалъ что его

примутъ съ радостію за точное *выполненіе словеснаго приказанія*; но скоро вышелъ изъ своего заблужденія. Бонапарте принялъ его холодно и несказалъ ни слова. Бернадоттъ спѣшилъ разсказать ему подробно о своемъ походѣ и аттакѣ и кончилъ тѣмъ, что въ *опасномъ нападеніи на Градиску, онъ потерялъ убитыми и ранеными только 500 человѣкъ*. Бонапарте слушалъ его нахмуря брови, оттопыря губы, качая головою и поджавъ руки. Онъ отвѣчалъ Бернадотту, *что ему не надобно бы было терять ни одного человѣка, что надлежало только крѣпость осадить, какъ онъ ему и приказывалъ, и что гарнизонъ сдался бы немедлѣнно, по тому что не имѣлъ запасовъ.*

Слова эти были основательны. Если бы генералъ Бернадоттъ зналъ своего главнокомандующаго и пользовался его довѣренностію, то очень худо сдѣлалъ бы поведя войско свое въ крѣпостные рвы къ валамъ, на которые онъ не могъ взойти не имѣя лестницъ. Его справедливо бы упрекнули за смерть гренадировъ, убитыхъ при нападеніи на вороты изрубленныя топорами, и чрезъ которыя не льзя было пройти отъ того, что ихъ завалили тѣлегами съ навозомъ. Но онъ для Бонапарта былъ чужой. Только и словъ было, что о чудесахъ Италіянской арміи. Рейнскіе войски равнялись съ ними храбростію и пре-

возходили ихъ тѣмъ, что были выучены, и въ нихъ наблюдалась строгая дисциплина. Бернадоттъ, который былъ отмѣнно доволенъ собою и своею дивизіею, говорилъ съ Бонапартомъ гордо, какъ человѣкъ увѣренный, что повиновался чести. По зрѣломъ разсужденіи, главнокомандующій рѣшился дать благосклонное толкованіе Бернадоттову подвигу, и взятіе Градиски хвалили, какъ мастерское дѣло.

Ерцгерцога атаковали прежде прихода всѣхъ войскъ съ Рейна. Бонапарте уже побилъ или побралъ въ полонъ половину его арміи, когда написалъ къ нему изъ Клагенфурта 31 Марта 1797 г. предложеніе о мирѣ. Онъ говорилъ о знаменитой его породѣ, приближавшей его къ престолу и ставившей его превыше всѣхъ страстей, часто одушевляющихъ министровъ и правительства; онъ просилъ его заслужить названіе благодѣтеля всего человѣческаго рода и *настоящаго спасителя Германіи*. Коварное письмо свое заключилъ онъ самою безстыдною ложью, сказавъ: *что касается до меня, г. главнокомандующій, ежели предложеніе, которое имѣю честь я вамъ дѣлать, можетъ спасти жизнь хотя одному человѣку, то цивическій вѣнокъ, мною заслуженный, будетъ для меня несравненно пріятнѣе пустой славы, которую могу пріобрѣсти военными успѣхами*. Принцъ Карлъ въ отвѣ-

тѣ своемъ далъ почувствовать Бонапарту разстояніе, ихъ раздѣлявшее. Еще лучше сдѣлалъ бы онъ, ежелибы отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ.

Геройство Тирольцевъ остановилось прелиминарными пунктами, подписанными въ Леобенѣ 14 Апрѣля 1797 г. Жубертъ былъ отбитъ; Верона была въ возмущеніи; Французскихъ солдатъ рѣзали; покорность Австріи спасла Бонапарта. Извѣстіе о семъ произшествіи успокоило всѣхъ. Ожеро возвращенъ изъ Парижа, и съ радостію схватился за сей случай для удовлетворенія алчности своей къ грабительству. Несметный капиталъ Веронскаго ломбарда изчезъ проворствомъ Ожеро, который, *чтобы потушить дѣло, далъ изъ него хорошій пай Бонапарту.* Вся армія расположилась по квартирамъ въ Венеціянскихъ владѣніяхъ, которые ея кормили и давали жалованье. Городъ Венеція занятъ былъ многочисленнымъ гарнизономъ. Будучи не скупъ на хвастовство, Бонапартъ сказалъ Венеціянцамъ въ изданной къ нимъ прокламаціи: „Не уже ли вы думаете, что „перенеся Французское оружіе въ сердцѣ Гер„маніи, я небуду имѣть силы заставить у„важать Французовъ въ Италіи. Кровь сото„варищей нашихъ отмстится. Нѣтъ ни *од*„*ного* Французскаго батальона, который при-

„нявъ на себя столь великодушное порученіе, „не ощупилъ бы *во тысячу разо болѣе* храбрости и средствъ для наказанія вашего. Я „посылаю вамъ свои предложенія съ однимъ „изъ моихъ адьютантовъ: *миръ или война*". Ему кончить бы это словами: *и деньги*, которыя были настоящимъ поводомъ къ ссорѣ, заведенной съ сею республикою. Вѣрно то, что нѣсколько человѣкъ Французовъ погибло, а съ другими поступлено дурно. Два Венеціянскихъ нобля увѣряли меня, что возмущеніе это устроено было агентами Чизальпинской республики, чтобы Бонапарту дать предлогъ наложить на Венеціянцевъ поборы, неразлучные съ присутствіемъ арміи, и нобли сіи очень были увѣрены, что этотъ гнусный умыселъ *внушенъ* былъ Бонапартомъ.

Австрія признавъ прелиминарами республики Французскую, Ломбардскую, и Лигурійскую, Миланъ назначенъ былъ мѣстомъ для сношеній, которые должны были предшествовать окончательному трактату. Генералъ Мейерфелдъ и баронъ Дегельманъ, императорскіе полномочные, отправились въ Италію съ арміею и прибыли къ Бонапарту. Требованія Вѣнскаго кабинета и гордость директоріи или лучше спесь главнокомандующаго, произвели затрудненія, которые казалось долженствовали прервать согласіе. Чтобы

утвердить Австрійцевъ въ етомъ мнѣніи, Бонапарте захотѣлъ вести переговоры на аванпостахъ своей арміи. Онъ выѣхалъ изъ Милана, и перенесъ главную свою квартиру въ замокъ Пассеріано близъ Тальяменто. Полномочные расположились въ Удинѣ. Маркизъ Галло былъ присоединенъ къ Австрійскому посольству, а генералу Кларку поручили добиться какого нибудь рѣшенія. Бонапарте ожидалъ какіе выдутъ слѣдствія изъ прошеній, поданныхъ по его наущенію правительству отъ всѣхъ дивизій его арміи, о *сохраненіи* конституціи. Въ Тріестѣ задержали секретаря Русскаго посольства, который изъ Венеціи ѣхалъ въ Петербургъ. Бонапарте выдавалъ, что въ бумагахъ его нашелъ планъ о возведеніи Бурбоновъ на Французскій престолъ. Пишегрю былъ главою ройялистовъ. Отъѣздъ Ожеро и Бернадотта для произведенія дѣлъ 18 фруктидора, походъ Гоша съ частію своея арміи противъ обоихъ совѣтовъ, отравленіе ядомъ сего генерала, поѣздка генерала Дезе въ Италію, поздо пришедшее писмо Моро, который, какъ увѣряютъ, написалъ его только по усильной просбѣ Дезе, наученнаго уже во всемъ отъ Бонапарта, задержаніе Пишегрю, побѣгъ Карнота, все ето вмѣстѣ заставляло отгадывать насто-

щіе намѣренія главнокомандующаго Италіянскою арміею. Нѣсколько разъ онъ измѣнялъ себѣ въ разговорахъ съ офицерами. Привыкнувъ ему повиноваться, они уважали повелѣнія его, какъ султанскіе, и малѣйшіе желанія его выполняли съ усердіемъ, которое вселялъ онъ своимъ ласковымъ обращеніемъ и щедростію, равнявшеюся съ мотовствомъ. Разговоры его были пріятны и наставительны, каждый разъ выказывалась въ нихъ склонность его къ войнѣ и владычеству. Одинъ разъ бывъ окруженъ человѣками шестидесятью, между коими были генералы Фріанъ, Викторъ, Мирёръ и проч.; онъ объяснялъ планъ свой о возвращеніи свободы Польшѣ. Онъ дѣлилъ армію свою на пять корпусовъ, авангардъ, правый флангъ, центръ, лѣвый флангъ и резервъ, предполагая имѣть у себя подъ начальствомъ 150 т. человѣкъ, *съ которыми хотѣлъ пройти цѣлый свѣтъ*. Несчастіе, случившееся съ Бурбонами, приписывалъ онъ ихъ нерадѣнію имѣть хорошо устроенную военную школу. Я замѣтилъ, что при нихъ было двенадцать школъ и очень недурныхъ. Онъ отвѣчалъ, что *школы эти хороши были только для дѣтей, что настоящая военная школа Франціи была безпре-*

станная война, необходимая для воздержанія етой furia francese, *Французской живости, которая всегда будетъ опасна для начальниковъ правительства, неумѣющихъ дать ей настоящего направленія.* Онъ часто говорилъ о необходимости согласія въ арміи и точности выполненія приказаній главнокомандующаго, и заключилъ, что Римляне завоевали вселенную только слѣпымъ повиновеніемъ солдатъ своимъ генераламъ, называвшимся *императорами.* Онъ не зналъ еще, чѣмъ кончится 18 фруктидора и въ случаѣ неудачи Ожеро, все уже приготовилъ, чтобы идти на Парижъ съ своею арміею; и предускорилъ бы двумя годами похищеніе, сдѣланное имъ 18 брюмера. Онъ почувствовалъ силу истины, сказанной Пишегрю, что *королевское достоинство для солдата было на днѣ бутылки съ виномъ.* Узнавъ о успѣхѣ своей партіи, онъ сдѣлался еще любезнѣе: хотя бы сто человѣкъ сидѣло у него за столомъ, онъ говорилъ съ каждымъ, не смотря что обѣды продолжались долго. Полномочные и г-жа Бонапарте принуждали его, къ величайшему его неудовольствію, продолжать ихъ. До обѣда и послѣ обѣда, ежели позволяло время, онъ игралъ съ своими адьютантами бѣгая въ запуски, и изполняя, какъ простый школьникъ, все что требуется въ етой игрѣ;

иногда бился о закладъ кто скорѣе проскачетъ верхомъ на лошади. Въ карты игралъ рѣдко; одинъ разъ, когда дурная погода заставила его сидѣть дома, онъ выигралъ много денегъ у полномочныхъ, и призвавъ караульнаго офицера, сказалъ ему холодно: *возмите ети червонцы и раздайте вашимъ гренадирамъ*. Гости, которые до сего поздравляли его съ счастіемъ, не находили довольно словъ выхвалять его щедрость. Маркизъ Галло, какъ сумашедшій бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ крича: *какъ ето прекрасно! какъ удивительно!* Его останавливали чтобы узнать, чѣму онъ такъ удивляется, а онъ разсказывалъ какъ чудо то, что Бонапарте сдѣлалъ только изъ хитрости. Увѣряютъ, что деньги отданные караульнымъ солдатамъ, составляли около тысячи Венеціянскихъ чекиновъ.

(Ссора Бернадоттова съ Бонапартомъ. Разговоръ ихъ о военныхъ дѣйствіяхъ, и о дарованіяхъ генраловъ армій Самбро-Маасской и Италіянской; прочія подробности).

Послѣ переговоровъ, продолжавшихся полгода, послѣ многихъ жаркихъ споровъ и нѣкоторыхъ притворныхъ бѣшенствъ Бонапарта, мирный договоръ между Франціею и Австріею подписанъ 17 Октября 1797 г. въ одной избѣ деревни Кампо-Форміо, лежащей на

половинѣ дороги изъ Удина въ замокъ Пассеріано. Прежде нежели ввести армію во Францію. Бонапарте хотѣлъ сдѣлать ей смотръ. По осмотрѣ каждаго полка, онъ собиралъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ на средину и поставя ихъ въ кружокъ, благодарилъ ихъ и прощался до свиданія на Ламаншскихъ берегахъ. Почти одно и тоже говорилъ онъ всѣмъ корпусамъ. Вотъ конецъ его рѣчи не слишкомъ краснорѣчивой и сказанной какъ будто между разговоромъ: *храбрые воины, вы даровали миръ твердой землѣ; намъ остается еще сразиться съ однимъ только врагомъ, Англичанами. Я хочу вести васъ въ Лондонъ; тамъ найдемъ мы погреба, наполненные золотомъ и серебромъ. Послѣ етого, приведу я васъ опять во Францію съ карманами, набитыми гинеями, которыя вы проживете съ своими возлюбленными. Ура республика!* Замѣтили, что ни одинъ человѣкъ изъ Бернадоттовой дивизіи не повторилъ послѣднихъ словъ. Офицеры и солдаты отвѣчали: *ура Бонапарте! ура нашъ генералъ!! Пойдемъ въ Англію за гинеями!!* Жаръ и согласіе, съ которыми кричали ему ура, *особенно отъ республики*, очень ему понравились, и онъ принялъ это за хорошій знакъ для выполненія важныхъ предпріятій, замышленныхъ имъ съ Галло и рѣ-

шенныхъ съ Кобенцелемъ, который прибылъ въ Удинъ за нѣсколько времени до подписанія мира.

Бывъ назначенъ главнокомандующимъ Англинскою арміею, Бонапарте до прибытія къ своему назначенію, получилъ повелѣніе кончить устроеніе Чизальпинской республики. Ему приказано было также быть въ Раштадѣ, чтобы славою своею и умомъ имѣть власть надъ министрами Германской имперіи. Онъ гордо обошелся съ графомъ Ферзеномъ и не хотѣлъ допустить его къ конгрессу. Чрезъ нѣсколько дней по открытіи переговоровъ, онъ отправился въ Парижъ. Директоры и министры рвались другъ передъ другомъ давать ему великолѣпнѣйшіе праздники, на которые пріѣзжалъ онъ одѣтъ очень просто. Онъ избѣгалъ, сколько возможно, случаевъ показываться въ публикѣ; ибо увѣренъ былъ, что она еще не довольно была *приготовлена* ему повиноваться. Онъ жилъ очень уединенно въ прекрасномъ павильонѣ, построенномъ среди сада. Институтъ принялъ его въ члены. Онъ слушалъ физическія лекціи у Монжа, а химическія у Фуркруа. Въ продолженіе сей уединенной жизни, которую онъ велъ нарочно, чтобы не испугать директоровъ, онъ ласкалъ ихъ, посылалъ къ нимъ богатые по-

дарки и заставлялъ ихъ принимать всѣ свои предложенія. Всѣ приуготовленія къ Египетской експедиціи сдѣлалъ онъ на свой счетъ. Въ Апрѣлѣ 1798 г., когда онъ былъ еще въ Парижѣ, я пришелъ къ нему по просьбѣ Бернадотта сказать, что онъ недоволенъ былъ Вѣнскимъ своимъ посольствомъ; я сказалъ ему также, что Генералъ етотъ очень огорчался тѣмъ, что по разформированіи арміи, которое сдѣлалъ Бонапарте прежде выѣзда своего изъ Италіи, оставилъ онъ въ его дивизіи только три полка: *Бернадоттъ вашъ*, отвѣчалъ мнѣ Бонапарте нѣсколько сердито, *очень жалкій человѣкъ. Я не могу лучше сравнять его какъ съ капраломъ, который всѣмъ жалуется, когда возмутъ у него изъ капральства одного человѣка. Когда вы увидитесь съ нимъ, то скажите въ отвѣтъ, что я никогда не ѣдалъ за солдатскимъ столомъ.* Послѣдніе слова сказалъ онъ сердитымъ голосомъ, который очень показался мнѣ достойнымъ презрѣнія. Несправедливость и наглость его къ старинному пріятелю моему Бернадотту заставили меня отказаться отъ предложенія его идти въ Египетъ.

Г-жа Бонапарте провожала мужа своего до Тулона, и жители, которыхъ родственниковъ и друзей за четыре до того года Бона-

парте перерѣзалъ, приняли ихъ, какъ государей. Флотъ отплылъ 19 Мая 1798 г.; 8 Юня получили извѣстіе изъ Мальты, и конвой, отправившійся изъ Чивита Веккіи подъ начальствомъ генерала Дезе, соединился съ большею експедиціею; „10го сдѣлали атаку, „11го начали переговоры, 12го заняли городъ „и крѣпость;“ 19го експедиція отправилась далѣе, 30го увидѣли Александрію, а 2го Юля сдѣлали высадку въ часъ по утру. Бонапарте, который вышелъ на берегъ изъ первыхъ, тотчасъ пошелъ на Александрію, которою завладѣлъ по краткомъ сопротивленіи. Клеберъ управлялъ осадою и былъ раненъ. Городъ отданъ на разграбленіе по приказанію Бонапарта. 7го Юля армія пошла на Каиръ, въ который вошла 22го претерпѣвъ много отъ жаровъ, нападеній мамелуковъ и стрѣльбы Арабовъ.

Слѣдуя всегда системѣ своей ораторствовать, которая такъ удалась ему въ Италіи, Бонапарте не побоялся сказать жителямъ Египта, что *онъ присланъ Магометомъ для избавленія ихъ отъ тиранства беевъ, что Французы были друзья мусульманамъ, что они низвергли престолъ папскій и прогнали Мальтійскихъ кавалеровъ, смертельныхъ враговъ Алкорана.* Описавъ пышными словами счастіе,

которое онъ принесъ имъ, онъ заключилъ *угрожая ужаснѣйшею смертію всѣхъ тѣхъ, которые будутъ противиться Французамъ.*

Побѣгъ Мурата бея въ верхній Египетъ и отступленіе Ибрагима въ Сирію, оставили Французовъ сражаться только съ нѣкоторыми ордами Арабовъ, которые опасны были только для отдѣленныхъ людей. Наскуча спокойствіемъ, Бонапарте пошелъ въ Сирію съ 15 т. человѣкъ. 20 Февраля 1799, онъ завладѣлъ Ель-Аришемъ а 7 Марта Яффою, въ которой весь гарнизонъ велѣлъ изрубить, хотя и обѣщалъ съ плѣнными поступить по правиламъ войны. 19 го рекогносцировали и обложили Акру. Крѣпость сію атаковали съ такою же безразсудностію, какъ и замокъ Коссарію. Бельё и Колли не дали помощи Проверъ; Акрскій паша спасеніемъ своимъ обязанъ усердію и дарованіямъ сира Сиднея Смита. 20 Мая Бонапарте принужденъ былъ побѣжать съ стыдомъ потерявъ восемь тысячь человѣкъ какъ отъ оружія непріятельскаго такъ и отъ болѣзней. Увѣряютъ, что вступя въ пустыню, по *человѣколюбію* своему рѣшился онъ отправить ядомъ нѣсколько сотъ человѣкъ больныхъ, которыхъ не льзя было везти съ собою, и которыхъ *чувствительное сердце его* не хотѣло пре-

дать жестокости Турков. Онъ зналъ великодушіе Англичанъ. По чему не переговорилъ онъ съ адмираломъ Смитомъ? — На возвратномъ пути въ Каиръ, онъ долженъ бы стараться, чтобы колонны не перерѣзывали дороги одна у другой. Онъ шелъ окольными дорогами, съ своими вожатыми и штабомъ; генералы и солдаты, всѣ негодовали на глупый его походъ въ Сирію. На одномъ привалѣ, на которомъ Бонапарте нечаянно случился съ нѣкоторыми отъ усталости отставшими, одинъ гренадиръ хотѣлъ подойти къ нему, вѣрно съ намѣреніемъ убить его, но не былъ допущенъ до него адьютантами. Онъ закричалъ сколько было у него силы, что *Бонапарте удовольствуется только тогда, когда перерѣжутъ всю армію, и что онъ усталъ уже служить такому, какъ онъ, разбойнику.* Онъ застрѣлился изъ своего ружья въ пятидесяти шагахъ отъ Бонапарта. Говорили что нѣсколько разъ хотѣли отъ него избавиться и сдѣлать главнокомандующимъ Клебера, котораго всѣ любили.

Возвратясь въ Каиръ 14 Юля, Наполеонъ приготовился *дезертировать*, считая себя въ опасности отъ неудовольствія арміи, которую удерживали только благоразуміе и твердость другихъ генераловъ. Турецкая вы-

садка въ Абукиръ удивительно ему помогла. Онъ разбилъ ихъ 25 Юля, на которое дѣло употребилъ только приверженныхъ къ себѣ генераловъ, Ланна, Ланюсса, Мюрата и пр. Онъ отправился изъ Александріи 23 Августа, зашелъ въ гавань въ Айяччіо, и 8 Октября вышелъ на берегъ близъ Фрежю.

(Мнѣніе Французовъ о Бонапартовомъ походѣ въ Египетъ и возвращеніи его во Францію. Сравненіе его *звѣзды съ кольцемъ Гигесовымъ*).

16го Октября пріѣхавъ въ Парижъ, Наполеонъ былъ пренятъ отъ всѣхъ съ удивленіемъ. Республиканцевъ это встревожило; онъ спѣшилъ успокоить ихъ всякими ласками и обманывалъ ихъ до 7 Ноября. Онъ все приготовилъ съ *вожатыми* обоихъ совѣтовъ. 9 и 10го числа директорія низвержена и консульство отдано Бонапарту, Сіейсу и Рожеру Дюко. Бонапарте подверженъ былъ величайшимъ опасностямъ и показалъ мало твердости духа. Онъ надѣялся на Бернадотта, не открывая еще ему настоящаго своего намѣренія; но когда Бернадоттъ узналъ его, то съ бѣшенствомъ вынувъ шпагу кричалъ Бонапарту, чтобъ онъ защищался. Послѣдній изпугавшись тотчасъ отворилъ дверь въ комнату, въ которой были генера-

лы и офицеры. На другій день въ совѣтѣ пяти сотъ, многіе депутаты бросились на него, иные съ намѣреніемъ задушить, а другіе зарѣзать, онъ вышелъ изъ залы побледнѣвъ какъ полотно и не имѣя силъ говорить. Лефевръ, чтобы вывести его изъ безпамятства, сказалъ довольно умно: *ежели мы уже начали, то надобно кончить или погибнуть, а иначе завтра мы будемъ на висѣлицѣ.* Луціанъ говорилъ рѣчь гренадирамъ; Журданъ, Ожеро и Бернадотъ, по обѣщанію своему не пріѣхали на помощь совѣтовъ и Бонапарту удалось все. Несмотря на совершенную побѣду, одержанную имъ надъ якобинцами, онъ счелъ за нужное не гордиться оною, а началъ переговоры съ знатнѣйшими изъ нихъ. Ожеро первый передался къ нему, ежели только не былъ Бонапартовымъ шпіономъ, въ чемъ по обстоятельствамъ сильно подозрѣвать его можно; на конецъ *уладили* и съ Бернадотомъ и Журданомъ; съ прочими же, которыхъ онъ не боялся, поступалъ онъ гордо, какъ деспотъ. Барассу и Дюбуа-Крансе запрещено *показываться ему на глаза.* Съ гражданскими чиновниками и Парижскими банкирами обошелся онъ отмѣнно ласково. У него оставалось еще много денегъ, собранныхъ въ контрибуцію или награбленныхъ въ Ита-

ліи. Онъ одарилъ своихъ соумышленниковъ, а особливо генерала Лефевра, которому, какъ говорятъ, досталось сто тысячь франковъ, сумма слишкомъ великая для такого времяни, въ которое деньги были отмѣнно рѣдки.

Бонапарте дѣлая великіе приготовленія къ обратному завоеванію Италіи, старался между тѣмъ обольщать Парижанъ надеждою на скорый миръ. Онъ писалъ къ Англинскому королю такъже какъ прежде къ ерцгерцогу Карлу. Ежели бы въ обоихъ сихъ важныхъ случаяхъ, вмѣсто отвѣта получилъ онъ глубочайшее презрѣніе, то погибъ бы невозвратно; но честь, оказанная ему сими двумя державами, которыя уважили писмомъ атамана разбойниковъ и цареубійцъ, отмѣнно льстила его самолюбію и увеличила власть его. Трактаты Кампо-Формійскій и Амьенскій составляютъ причину теперишней Бонапартовой наглости и всего несчастія Европы. Страшный урокъ для правительствъ, чтобы они впередъ ни когда не вступали въ переговоры съ вѣроломными хищниками!

Онъ занялся утушеніемъ безпокойствъ Вандейскихъ; раздавалъ деньги, обѣщалъ почести; объявилъ желаніе свое возстановить религію. Онъ зналъ, что престолъ и церковь должны поддерживать себя взаимно. Запа-

дные департаменты покорились. Начальники разкаялись, но поздо, что повѣрили его обѣщаніямъ. Многіе изъ нихъ погибли сдѣлавшись жертвою своего легковѣрія. Шамбарлакъ разстрѣлялъ Фротте, хотя именемъ консула обѣщалъ ему забвеніе прошедшаго.

Зная великіе дарованія генерала Моро и привязанность къ нему войска, Бонапарте, до отъѣзда Моро въ Рейнскую армію, вздумалъ привязать его къ себѣ узами родства. Когда онъ занимался съ нимъ разсужденіемъ о преднамѣреваемой кампаніи, вошелъ Дюрокъ и положилъ на каминъ нѣсколько журналовъ, между тѣмъ какъ оба генералы разсматривали карты Италіи и Германіи. Согласившись въ томъ, что надобно было дѣлать, Бонапарте взялъ одинъ журналъ, а другій подалъ Моро. Пробѣжавъ его сказалъ онъ Моро съ улыбкою: *какъ любятъ ети Парижане болтать!* — *Что такое?* спросилъ Моро съ нѣкоторымъ любопытствомъ. *Говорятъ*, отвѣчалъ Бонапарте, *будто вы прежде отъѣзда своего въ армію, женитесь на сестрѣ моей Каролинѣ. Я не вижу въ етомъ дурнаго. Что вы объ етомъ думаете?* Моро, догадавшись о хитрости отвѣчалъ: что *боится участи Жубертовой, который бывъ убитъ оставилъ жену свою въ несчастіи; по чему и не хочетъ же-*

ниться во время войны. Бонапарте прекратилъ етотъ разговоръ и заговорилъ о войскахъ. Моро после узналъ наверное, что статья ета напечатана по повеленію правительства. Еслибы Моро принялъ предложеніе, котораго желалъ и ожидалъ Бонапарте, то онъ велѣлъ бы провозгласить себя императоромъ по возвращеніи изъ Маренго. Уже Жераръ Лакюе, одинъ изъ его адьютантовъ, сказалъ одному генералу, хотѣвшему войти къ Бонапарту, который запискою назначилъ ему время прихода: *вы хотите говорить съ Бонапартомъ, первымъ. . . Кончите же,* отвѣчалъ ему генералъ, *отъ чего вы не договариваете, первымъ консуломъ! — Для чего не императоромъ*, сказалъ Лакюе съ живостію? — Бонапарте по многому стоитъ етого! *Хотя бы мы и захотѣли сдѣлать его императоромъ*, отвѣчалъ генералъ, *но онъ слишкомъ хорошій республиканецъ, чтобы согласился на ето.* — Лакюе пошелъ доложить о немъ, и вѣрно пересказалъ слова его. Бонапарте продержавъ его два часа не принялъ; наконецъ, изъ консульскаго кабинета вышелъ Іосифъ и сказалъ ему, что братъ его такъ занятъ, что ни какъ не можетъ видѣть его. За мѣсяцъ до того, возвратясь изъ Египта, онъ обнималъ сего же самаго гене-

рала, какъ лучшаго своего друга. Онъ употребленъ былъ въ Тюллери 18 и 19 брюмера и вдругъ лишился его милости сказавъ, что онъ *считаетъ его хорошимъ республиканцемъ*. Честь раждаетъ спесь.

Очень много хвалили Италіянскую его кампанію 1800 г., по тому что она ему удалась. Болье сдѣлалъ важную ошибку разположась на лѣвомъ берегѣ Тесина. а Меласъ еще большую не занявъ этой позиціи со всею своею арміею. 14 Юля въ три часа по полудни, Бонапарте вѣрнобъ велѣлъ бить ретираду. Положивъ, что атака Дезе не удалась бы, что былобы точно, ежели бы генералъ Цахъ умѣлъ употребить съ пользоюсвою колонну, состоявшую изъ шести тысячь гренадиръ, что бы тогда сдѣлалось съ Бонапартомъ? Онъ принужденъ бы былъ перейти опять за рѣку По въ Піаченцѣ. Меласъ, завладѣвъ Александріею и Валанскимъ мостомъ, могъ бы съ побѣдоносною своею арміею пресѣчь ему всякое сообщеніе съ Франціею. Очевидные свидѣтели увѣряли меня, что въ день Маренжскаго сраженія Бонапарте былъ въ величайшей опасности. Съ двенадцати до трехъ часовъ по полудни, онъ оставался съ 44мъ полкомъ, который отъ положенія своего подверженъ былъ жесточайшему пушечному огню:

Ему сказали, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ, но онъ отвѣчалъ однимъ только страшнымъ взоромъ, показывавшимъ его отчаяніе. Онъ весь посинѣлъ, у рта била пѣна и каждую минуту смотрѣлъ на свои часы. Говорили что онъ рѣшился умереть, если бы былъ разбитъ, по тому что отважностію своею подвергалъ опасности всю армію. Побѣда, одержанная имъ 14 Юля, доставила ему выгодное сраженіе, данное имъ Болье у Лодійскаго моста.

Послѣ столь удивительныхъ успѣховъ, приемъ сдѣланный ему въ Миланѣ и во Франціи, уподоблялся тріумфальному шествію. У Бонапарта въ ето время было нѣсколько друзей, коихъ число увеличилось служителями полиціи, имѣвшими повелѣніе, какъ можно болѣе собирать народа во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которые онъ проходилъ. Въ Парижѣ замѣтили, что во время разговоровъ онъ хмурилъ брови, ежели кто заводилъ рѣчь о Дезѣ. Ему очень досадно было, что разнесли слухъ, будто онъ выигралъ Маренжское сраженіе, и всѣ его окружающіе получили приказаніе опровергать истину, уничтожавшую его самолюбіе, для котораго ничего не было пріятнѣе какъ считаться *величайшимъ полководцемъ своего времени.*

Не смотря на всѣ усилія его заставить Французовъ любить себя, приверженность націи къ законнымъ ея государямъ была врѣзана во всѣ сердца, и ежели всѣ приставали къ его колесницѣ, то въ полномъ только увѣреніи, что истребивъ гнусные остатки революціи, онъ удовольствуется чиномъ *коннетабля* и возведетъ опять Бурбоновъ на престолъ ихъ предковъ.

(Заговоръ убить Бонапарта зажегши оперный домъ).

Притворясь что для него безпокойно пребываніе въ Парижѣ, гдѣ, выключая намѣренія сжечь оперный домъ, которое приписывали якобинцамъ, ожидали чего нибудь важнаго отъ ройялистовъ, Бонапарте переѣхалъ въ замокъ Мальмезонъ. Онъ велѣлъ привесть изъ Амьена десять тысячь гренадировъ и волтижеровъ, стоявшихъ тамъ въ лагерѣ, и разставилъ ихъ по окрестностямъ Версальскимъ. Пѣхотные и конные патрули разъѣзжали днемъ и ночью во кругъ замка, а особливо по Парижской дорогѣ. Однимъ вечеромъ, Бонапарте вошедъ въ свою комнату, увидѣлъ лестницу приставленную къ окну спальной его комнаты. Боясь, чтобы уже не спрятался кто въ ней, онъ что есть духу прибѣжалъ въ залъ, гдѣ были еще нѣкоторые офицеры;

Онъ что-то бормоталъ не имѣя силы говорить; но опамятовавшись разсказалъ въ чемъ было дѣло. Все встревожилось: нѣсколько разъ перерывали весь домъ; г жа Бонапарте дрожала отъ страха, также какъ и дочь ея Гортензія Богарне. Одинъ адъютантъ поскакалъ въ Версалію, гдѣ ударили тревогу и я съ шестью баталіонами гренадировъ пошелъ на помощь Мальмезону. Ни кто не рѣшался ложиться спать, не смотря, что ничего не нашли и не смотря на приходъ войска. На другій только день около шести часовъ утра узнали настоящую причину такого большаго страха. Призвавъ каменьщика, который чинилъ окно въ Бонапартовой комнатѣ, спросили у него, отъ чего ета лестница оставалась приставленною къ стѣнѣ. *Отъ того,* отвѣчалъ онъ просто, *чтобы не ставить ее въ другій разъ. Она такъ тяжела, что поднимать ее надобно двоимъ.* Надобно было посмотрѣть на всѣхъ, чтобы имѣть настоящее понятіе о смущеніи. Анекдотъ етотъ разнесся и долго служилъ шуткою во всѣхъ обществахъ. Страхъ, наведенный на Наполеона етимъ вздоромъ, *по тому что былъ невыдуманный*, довольно обьяснитъ причины, заставившія его 3 нивоза поѣхать въ оперу.

(Подробности о адской машинѣ 3 нивоз-

за, и о мирѣ съ Австріею, Англіею и Турціею. Сень-Доминжская експедиція. Заточеніе и смерть генерала Туссеня Л' Увертюра. Бонапарте назначается президентомъ Чизальпинской республики. Безсмѣнное консульство).

Владѣя Франціею и Италіею, Бонапарте недоволенъ еще етимъ; онъ завидуетъ торговлѣ и богатству Англіи; сожалѣетъ, что пользуясь миромъ, не послалъ на сей островъ арміи, которая безъ всякой пользы погибала въ Сень-Домингѣ. Узнавъ о неудовольствіи Гибральтарскаго гарнизона, онъ отправляетъ изъ Тулона експедицію, которая нѣсколько дней лавировала передъ етою крѣпостію, хотя вѣтеръ былъ попутный для перехода чрезъ проливъ и продолженія пути въ Сень-Домингъ, куда по видимому назначены были составлявшіе ее войски. Не смотря на подущенія морскаго начальника, сухопутный генералъ не хотѣлъ сдѣлать ничего, противнаго чести и мирнымъ договорамъ. Англія хорошо сдѣлала, что объявила войну Бонапарту; ибо, всего должна была опасаться въ мирное время отъ человѣка стольже вѣроломнаго, сколько и предпріимчиваго.

Завладѣвъ Ганноверомъ въ Юнѣ 1803 г., онъ заставилъ Гиспанію уступить себѣ Луизіану и кончилъ тѣмъ, что провинцію ету

продалъ Американцамъ. За то, что Англичане отгадали его намѣреніе, онъ думалъ отмстить имъ объявя плѣнными всѣхъ тѣхъ, которые были во Франціи. Это показалось жестокимъ и дало настоящее понятіе о свирѣпости его нрава. Онъ предвидѣлъ, что надобно будетъ оставить Египетъ, и съ большимъ уваженіемъ принялъ генераловъ, которые имѣли счастіе возвратиться отъ туда: ему хотѣлось заставить ихъ забыть подлый его побѣгъ. На противъ того, очень сердился за потерю Сенъ-Доминга, и очень дурно поступилъ со всѣми, кто могъ спастись изъ этой ссылки.

Бонапарте зналъ все, что дѣлалось въ Лондонѣ. Онъ равно боялся вліянія Бурбоновъ, дарованій Пишегрю, отважности Жоржевой и колкихъ насмѣшекъ генерала Моро, который одинъ разъ за большимъ столомъ, смѣясь надъ почетнымъ легіономъ, недавно установленнымъ Бонапартомъ, далъ повару своему *почетную кастрюльку за хорошо приготовленный обѣдъ. Если ты будешь продолжать также*, сказалъ ему Моро при всѣхъ гостяхъ, которые смѣялись до слезъ, *то я тебя произведу въ первый классъ.* — Макіявелисмъ Бонапартовъ оказывается во всей гнусности онаго. Онъ отправляетъ шпіоновъ въ Англію

и Германію. Они притворяются приверженными къ Бурбонамъ; самъ Моро, который долженъ бы хорошо знать своего противника, заводится въ обманъ пронырливыми людьми, подосланными къ нему отъ Бонапарта; одного Бурбона привлекли къ границамъ Альзаціи, чтобы предать его въ руки его палача, который ужаснѣйшимъ убивствомъ хотѣлъ доказать Франціи и Европѣ, что онъ ни мало не намѣренъ уступать мѣста своего древней царствующей фамиліи. Ежели присутствіе Бурбона считалось нужнымъ, чтобы объявить его главою Французскаго правительства тотчасъ по смерти похитителя, то для чего не вышелъ онъ на берегъ въ Британіи или Нормандіи, или за чѣмъ не оставался на судахъ Английскихъ крейсеровъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства потребовали бы его присутствія и позволили воспользоваться онымъ? Такая предосторожность уничтожила бы дальнѣйшіе Бонапартовы виды; дюкъ Ангіенскій въ двухъ сказанныхъ провинціяхъ былъ бы безопаснѣе, нежели при всякомъ дворѣ Нѣмецкой имперіи, министры которыхъ четыре уже года всѣ подкуплены были Корсиканцемъ. Етотъ молодый принцъ, котораго дарованія равнялись съ его добродѣтелями, безжалостно былъ убитъ во рвахъ Венсенскаго

замка. Онъ пошелъ за генераломъ Гюлленемъ, который сказалъ ему, что для него назначенъ другій покой. Проходя чрезъ рвы и мимо ямы, для него вырытой, дюкъ Ангіенскій догадавшись сказалъ съ гордостію офицеру, его сопровождавшему: „я вижу покой, для меня назначенный; за чѣмъ ходить далѣе." Онъ сталъ на колѣни, чтобы помолиться, послѣ чего вставъ сказалъ, чтобы стрѣляли. Офицеръ подошелъ къ нему; но онъ не допустя его сказалъ, что не позволитъ завязать себѣ глазъ и не станетъ на колѣни. Между тѣмъ, какъ славный сей потомокъ великаго Конде умиралъ съ героическою твердостію, Наполеонъ вынувъ часы говорилъ *съ улыбкою* г-жѣ Бонапарте и Фуше, которые, какъ увѣряютъ, за него просили: „пять минутъ уже, какъ дѣло его рѣшено." Гюлленъ обѣщалъ ему кончить все въ два часа по утру.

Пишегрю не смѣли приводить въ судъ. Надежда получить прощеніе заставила его скрыть въ первомъ допросѣ важныя вещи, которыя открылъ бы онъ, ежелибы увѣренъ былъ въ своей смерти, что и заставило отправить его на тотъ свѣтъ тайнымъ образомъ. Савари исполнилъ сію комиссію съ четырью жандармами консульской гвардіи. Генералъ Моро и Жоржъ сидѣли подъ арестомъ

въ надежныхъ мѣстахъ. Избавясь отъ опасныхъ своихъ противниковъ, Бонапарте перестал притворяться. Въ домѣ Парижскаго коменданта открыли для подписки книгу, въ которой написано было предлинное сочиненіе, кончившееся прошеніемъ къ нему „принять титулъ императора, который армія „предлагаетъ ему въ благодарность за лавры, „доставленные ей его геніемъ, и за великія „услуги, оказанныя отечеству съ того времени, какъ онъ сдѣланъ главою правительства.“ Книга сія вся была исписана подписчиками и мнѣ сказывали, что ее представили сенату, что заставило его утвердить желаніе, изъявленное трибунатомъ, не спрашивая о томъ, Французскаго народа. Еслибы дѣло сіе повели тѣмъ же порядкомъ, какъ и избраніе на безсмѣнное консульство, то увидѣли бы какъ много въ одинъ годъ перемѣнилась публика къ Бонапарту, несмотря на то, что онъ старался вселять ужасъ самовольными заключеніями въ тюрму и убивствами на Турецкій манеръ.

(Наполеона дѣлаютъ императоромъ. Рѣчь Мюратова. Отвѣтъ Бонапартовъ, котораго поздравляютъ также всѣ бывшіе тогда въ Парижѣ генералы, между прочими Ожеро, Бернадоттъ и Макдоналдъ. Судъ надъ Моро, из-

тчаніе его. Прибытіе папы во Францію. Коронованіе Бонапарта императоромъ Французовъ.)

Каждый государственный чиновникъ долженъ былъ дѣлать присягу съ обрядами, которые доказывали какъ много она значила для Бонапарта. Онъ сидѣлъ въ тронной на большихъ креслахъ, возвышенныхъ на четыре ступени. Камбасересъ былъ у него по правую, а Лебрюнъ по лѣвую сторону на обыкновенныхъ креслахъ. Первостепенные чиновники и министры сидѣли на стульяхъ по правую и лѣвую сторону обоихъ *подставковъ* новаго императора. Кандидатовъ вводили одного за другимъ. Одинъ префектъ дворца выкликалъ ихъ громко. Призыванный выходилъ въ сопровожденіи другаго префекта, который представлялъ его Лудовику Бонапарту, коннетаблю имперскому; а если онъ былъ не военный, то представлялся первостепенному чиновнику своего департамента. Онъ долженъ былъ кланяться три раза: одинъ разъ очень низко и почти до земли Бонапарту, потомъ Камбасересу, а потомъ Лебрюню. Послѣ сего Лудовикъ говорилъ громко: „генералъ N. желаетъ присягать „императору." Его величество изъявлялъ согласіе свое наклоненіемъ головы. Статсъ-секретарь Маренъ подавалъ представляющему

ся форму присяги, написанную на лоскуткѣ бумаги. Она состояла въ слѣдующемъ: „кля„нусь быть вѣрнымъ императору и повино„ваться конституціямъ имперіи." Наполеонъ принималъ всѣхъ очень холодно. По окончаніи присяги, онъ развеселялся и новоизбранныхъ отпускалъ наклоненіемъ головы съ легкою улыбкою, доказывая тѣмъ, что смѣялся надъ глупостію Французовъ и презиралъ ими. Отходя дѣлали еще три поклона: коннетабль сдавалъ кандидата на руки префекту дворца, а епопъ передавалъ его своему товарищу, который провожалъ его до дверей тронной. Я выполнялъ епопъ обрядъ въ одинъ день съ трибуномъ Карнотомъ и генералами Лекурбомъ и Беллавеномъ.

Произшествіе сто доверщило уничтоженіе Французовъ и деспотисмъ ихъ тирана. Онъ не наблюдалъ болѣе ни какихъ мѣръ, и поступалъ какъ государь неограниченный. Онъ заставлялъ ждать въ передней своихъ министровъ, маршаловъ и чужестранныхъ пословъ. Въ парадахъ, не снималъ болѣе шляпы генераламъ и знаменамъ, обрядъ, который великимъ Фридрихомъ наблюдался съ точностію до самой его смерти. Въ Булонскомъ лагерѣ, желаніе остаться въ памяти потомства ослѣпило его до того, что онъ позволилъ льстецамъ своимъ

собрать деньги съ морской и сухопутной арміи для сооруженія себѣ колонны, которая будетъ стоить отъ осми до девяти миліоновъ франковъ. Узнавъ, что намѣреніе его остановилось за недостаткомъ потребной суммы, онъ сказалъ маршалу Сульту: „при-„кажите начать дѣлать монументъ, я велю „изъ казны дабавить то, чего доставать не-„будетъ." Желая быть во всемъ первымъ, онъ часто горячо спорилъ съ адмираломъ Брюйсомъ, который только одинъ смѣлъ говорить ему правду. Взбѣсясь отъ того, что Булонскій портъ былъ такъ дуренъ, что флотъ не могъ изъ него выдти, онъ забралъ себѣ въ голову, что етого не хотѣли морскіе офицеры, и въ одинъ день, когда барометръ упалъ очень низко, онъ приказалъ Брюйсу выдти изъ порта. Адмиралъ отвѣчалъ ему: „что очень опасно выходить на „рейду при зюйдвестовомъ вѣтрѣ, который „по видимому очень усилится, что онъ очень „хорошо знаетъ метеорологію Булонскаго „климата, и проситъ его отложить прика-„заніе свое на нѣсколько дней." — Ни на часъ, отвѣчалъ ему Бонапарте, я хочу, чтобы вы немедлѣнно его выполнили. Васъ только етимъ можно отъ сюда вытащить; вы на конецъ съ ума меня сведете диссер-

шаціями своими о вѣтрахъ, приливахъ и отливахъ. Я всегда побѣждалъ однимъ словомъ: *впередъ*, и хочу чтобы тоже дѣлалось и во флотѣ. Такое упрямство огорчило Брюйса. Онъ велѣлъ выдти флоту около двухъ часовъ по полудни и стать на рейдѣ; не прошло трехъ часовъ, какъ поднялась прежестокая буря; многіе корабли разбились о берега, а другіе погибли и съ людьми; адмиралъ Лакроссь съ величайшею опасностію успѣлъ добраться до Етапльскаго порта. Бонапарте съ Брюйсомъ вышелъ на берегъ помогать утопающимъ, гдѣ и пробылъ почти до двухъ часовъ утра. Не одинъ разъ входилъ онъ въ воду по поясъ хватая людей, несомыхъ волнами. Несчастное это произшествіе стоило жизни 900 человѣкамъ, потерею которыхъ Бонапарте узналъ что море со всѣмъ не походитъ на землю и далъ полную волю Брюйсу.

Говорятъ, будто сей адмирамъ совѣтовалъ Бонапарту собрать всѣ свои корабли для очищенія Ламаншскаго пролива и перевоза въ Англію ста тысячь человѣкъ, стоявшихъ лагеремъ въ Булонѣ. Брестская армія должна была сѣсть на флотъ адмирала Гантома. Военные люди, которые очень хорошо знають Бонапарта, увѣрены, что онъ никогда

вправду не думалъ о высадкѣ въ Англію. Урокъ, заданный ему въ Египтѣ, а особливо въ Сиріи, научилъ его помышлять о будущемъ. Можно быть увѣрену, что не токмо онъ не сдѣлаетъ ни какой експедиціи въ Шотландію и Англію, но я ручаюсь даже, что онъ имѣетъ такіе *свѣденія* объ Ирландіи, что будетъ только довольствоваться отправленіемъ туда нѣсколькихъ агентовъ, чтобы *водить за носъ* недовольныхъ и заставить Англинское правительство держать тамъ многочисленное войско.

Какъ скоро Бонапарте узналъ, что адмиралъ Калдеръ разбилъ Виллънёва, а Гантомъ, хотя превосходавшій силою Корнваллиса, побѣжалъ безъ сраженія, то велѣлъ выступить войскамъ, которые назначены были противу Русскихъ и Австрійцевъ, и которыхъ образованіе, *какъ говорятъ* во Франціи, было опредѣлено съ прибытіемъ Макка въ Парижъ, гдѣ бывшій главнокомандующій Неаполитанскою арміею далъ священнѣйшую клятву въ измѣнѣ. Здѣсь повторяю я только слова офицеровъ штаба генерала Еллахича, который съ своею колонною взятъ былъ въ Форалсбергѣ. Во время пьянства, которому всѣ предались въ Ульмѣ послѣ постыдной Макковой капитуляціи, очень неосторожно говорили, что

маневрировали по пятамъ Макка съ дозволенія его головы... Разумѣя подъ симъ переходъ Французской арміи черезъ Дунай въ нѣсколькихъ миляхъ позади его арміи, между тѣмъ какъ сильные отряды дѣлали разъѣзды по дорогамъ, ведущимъ къ Ульму. Не льзя лучше етого генерала писать и говорить о войнѣ; перо его столь же прелестно, какъ и разговоры. Думаютъ, что побѣгъ его изъ Парижа въ то время, когда увѣрены были въ размѣнѣ его на человѣка, *вѣрно извѣстнаго*, есть одна изъ тонкихъ политическихъ Наполеоновыхъ уловокъ, чтобы заставить Вѣнскій дворъ положиться во всемъ на Макка. Въ етомъ можно узнать Италіянскую хитрость, которая пользуется обстоятельствами по видимому противными, что бы лучше успѣть въ коварныхъ своихъ разсчетахъ. Говорятъ также, что ежелибы генералъ Маккъ не подкупленъ былъ Бонапартомъ, то узнавъ о походѣ Французской арміи и ея превозходствѣ, онъ оставилъ бы позицію свою на Иллерѣ, велѣлъ бы изломать всѣ мосты по Дунаю и маневрировалъ бы для защищенія перехода чрезъ сію рѣку; положивъ даже, что онъ сдѣлалъ непростительную ошибку не собравъ вѣрныхъ извѣстій, и что непріятель чрезъ Дунай перешелъ въ Нейбургѣ прежде

нежели онъ успѣлъ бы придти туда для сопротивленія, не льзя однакожъ простить ему того, что онъ остался въ Ульмѣ почти съ 40 т. человѣкъ; что, ежели не имѣлъ онъ твердаго намѣренія отдать ихъ въ руки Бонапарту, то пошелъ бы къ Тирольскимъ дефилеямъ, которые представляли ему не токмо вѣрное убѣжище, но и мѣстоположеніемъ своимъ давали ему средство сильно противиться Французской арміи. Какимъ образомъ Маккъ, дѣйствительно имѣющій военные познанія, могъ принять намѣреніе запереться съ отборною своею арміею въ такой крѣпости, какъ Ульмъ, которая по мѣстоположенію своему не можетъ противиться регулярной атпакѣ? Тироль былъ крѣпостію, которую представляли ему честь и долгъ.

Вѣнскій мостъ на Дунаѣ также отданъ былъ Французамъ, не знаю только отъ нераденія ли или отъ снизхожденія. Слухъ носился, что такая учтивость была также слѣдствіемъ *золотой звѣзды* Бонапартовой. Тутъ кампанія рѣшилась въ его пользу. Пруссію обласкали и она обѣщалась продолжать неутралитетъ, и послѣ Аустерлицкаго сраженія заключили миръ. Война между Франціею и Пруссіею возгорѣлась. Въ посланіи своемъ сенату отъ 7 Октября 1806 изъ Бам-

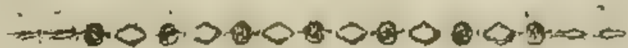
берга, Бонапарте всю вину разрыва возлагаетъ на Пруссію, между тѣмъ какъ приверженные къ нему въ Берлинѣ были первыми виновниками онаго. Въ прокламаціи своей къ войску говоритъ онъ, будто далъ уже повелѣніе возвратиться оному во Францію, между тѣмъ какъ три мѣсяца уже предувѣдомилъ генераловъ и корпусныхъ начальниковъ быть готовыми для нанесенія страшнаго удара, долженствовавшаго разрушить Прусскую монархію, между тѣмъ какъ брали изъ пѣхотныхъ и конныхъ депо и самыхъ молодыхъ конскриптовъ для укомплектованія полковъ, а корпусы, бывшіе внутри государства, шли форсированными маршами для усиленія дивизій большой арміи.

Енское сраженіе есть не иное что какъ западня, въ которую легковѣрный Фридрихъ Вилгелмъ былъ заманенъ хитростію вѣроломныхъ агентовъ своего врага. Прусская армія состояла почти изъ 120 т. человѣкъ, а у Французовъ было около 200 т. Не смотря однакоже на его превозходство, Пруссія все выигрывала, ежелибы удержала Елбскую линію до прихода Русскихъ. Успѣхи, которые одержали бы сіи сильные вспомогательные войски, принудили бы Австрію пристать къ нимъ противу Франціи. Трафальгарская побѣ-

да произвела многіе неудовольствія внутри сего государства; Англичане могли бы провести кого-либо изъ Бурбоновъ въ Парижъ, Бонапарте ушелъ бы въ Италію или Корсику и Европа сдѣлалась бы свободною. Если король Прусскій спасся изъ Ены, то етто угодно было Бонапарту. Доказано, что его можно бы было захватить въ полонъ. Онъ затруднилъ бы своего побѣдителя, который по етому и позволилъ ему уйти съ его конными полкомъ. Ету притворную умѣренность сочли за совершенную побѣду, между тѣмъ, какъ конечное разрушеніе, открылобы виновниковъ измѣны. Когда корпусъ Ожеро проходилъ чрезъ Франкфуртъ въ Вюрцбургъ, тогда утверждали, что Бонапарте будетъ въ Берлинѣ въ изходѣ Октября; также носился слухъ, что прежде выѣзда изъ Парижа, Бонапарте разсматривая карты, вскричалъ съ восторгомъ: *Бертье! они всѣ у меня въ рукахъ*, говоря о Пруссакахъ, которыхъ онъ изчислялъ движенія. Анекдотъ етотъ узнала вся армія въ изходѣ Сентября. За чѣмъ такое явное противорѣчіе? За чѣмъ насмѣшками увеличивать несчастіе своихъ жертвъ и уничиженіе своихъ рабовъ?

(Кампанія 1806 и 1807 г. противу Русскихъ, взятіе Данцига, Тильзитскій миръ,

похищеніе Гишпаніи, неудача Французской арміи, съѣздъ въ Ерфуртѣ, Гишпанская кампанія 1808 и 1809, война съ Австріею 1809, Знаимское перемиріе, Вѣнскій миръ, бракосочетаніе съ Австрійскою ерцгерцогинею и другіе не такъ важные происшествія).

Ч. 1я — N. 116.

КЛЕБЕРЪ.

Princeps in praelium ibat, ubi quid fortiter ac strenue agendum esset, neque milites alio duce plus confidere aut audere. —

Титъ Ливій Кн. XXI. 4.

Генералъ етотъ умерщвленъ былъ въ Египтѣ 14 Юня 1800 г. Ростомъ онъ былъ около 6 футовъ. Сила въ немъ была чрезвычайная, лице строгое, взоръ пламенный и гордый, видъ величественный и обращеніе очень холодное. Умъ и храбрость равнялась въ немъ съ честностію и любовію къ дисциплинѣ. Онъ одѣвался очень просто и совершенно по военному; иногда обходился онъ грубо съ дурными офицерами и поставщиками; но вообще очень вѣжливо. Онъ умеръ почти пятидесяти лѣтъ.

Отецъ его былъ архитекторъ въ Бефорѣ въ Альзаціи. Онъ не старался о воспитаніи своего сына и принудилъ его въ молодости соединить практику съ теоріею его науки, которою хотѣлъ чтобы онъ занимался. Клеберъ, бывъ почтительнымъ сыномъ, повино-

вался всему. Отецъ его возхищался хорошими расположеніями своего ученика и послалъ его въ Минхенъ для усовершенія въ архитектурѣ. Успѣхи его были быстры. Князь Кауницъ осматривая нечаянно училище, въ которомъ былъ Клеберъ, пораженъ былъ счастливою физіогноміею и хорошимъ видомъ сего Француза; но скрылъ это узнавъ, что онъ былъ не Нѣмецъ. Огорчась такимъ по видимому равнодушіемъ, Клеберъ вышелъ впередъ и поднесъ князю довольно правильные рисунки. Поступокъ его, хотя вольный, извинили за его дарованія, и онъ опредѣленъ подпоручикомъ въ Кауницъ въ полкъ.

Восемъ лѣтъ пробылъ онъ въ Австрійской службѣ, послѣ чего вышелъ въ отставку. Медлѣнносшь производства его огорчила; онъ чувствовалъ, что будучи иностранцемъ, долго останется въ нижнихъ чинахъ; по чему, счелъ лучше возвратиться въ Бефоръ и заниматься тамъ архитектурою. Онъ жилъ спокойно въ етомъ городѣ будучи любимъ всѣми, когда началась революція. Королевскій Лиштихскій полкъ, преданный двору, ненавидя новые правила, хотѣлъ принудить жителей и чиновниковъ Бефорскихъ пристать къ нему. Офицеры сего полка подъ предводительствомъ своего полковника пришли въ

ратушу, между тѣмъ какъ солдаты бѣгали по улицамъ. Клеберъ съ нѣкоторыми своими друзьями прибѣжалъ на помощь городскихъ начальниковъ, бывъ вооруженъ топоромъ. Продравшись въ присутственную комнату, вскакиваетъ онъ на столъ и объявляетъ, что всѣ Бефорскіе жители готовы погибнуть, ежели черезъ часъ полкъ не выдетъ изъ города, и вызывая полковника на сраженіе съ собою, онъ принуждаетъ ихъ выдти изъ ратуши. Грозный голосъ и страшный взоръ Клеберовъ навели страхъ на начальниковъ; полкъ вышелъ тотчасъ и спокойствіе возстановилось.

Такая твердость духа и прежнія его услуги принудили жителей выбрать его начальникомъ національной гвардіи; но онъ отъ сего отказался подъ предлогомъ, что занятія его недозволятъ ему выполнить сей должности какъ бы ему хотѣлось. Онъ записался рядовымъ гренадиромъ. Бефорская національная гвардія принуждена была часто выходить въ окружные селенія для соблюденія порядка и истребленія разбойниковъ; Клеберъ не пропускалъ своей очереди; онъ жилъ и служилъ съ своими товарищами.

Въ одномъ изъ таковыхъ походовъ, продолжавшемся восемь дней, капитанъ его непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ обѣдалъ съ нимъ;

Клеберъ отказывался говоря что солдатская пища не портитъ желудка и придаетъ силы. Всѣ сограждане его любили, и скоро скромность его должна была преклониться на усильныя ихъ просьбы. Составляли изъ волонтеровъ батальоны, которые должны были идти въ армію; Пильницкій трактатъ былъ извѣстенъ; война была неизбѣжна. Клеберъ сдѣланъ старшимъ адъютантомъ. Бывъ на сраженіяхъ, предшествовавшихъ осадѣ Маинца, батальонъ его назначенъ былъ въ число гарнизона сей крѣпости. Въ вылазкѣ 10 Апрѣля, въ которой побѣда сначала улыбнулась было Дюбайету, но наконецъ оставила его совершенно, Клеберъ успѣлъ собрать разбѣжавшихся и сильно прикрывалъ ретираду. Онъ произведенъ въ генералъ-адъютанты и получилъ начальство надъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Главнокомандующій, въ донесеніи своемъ о сдачѣ Маинца, отлично отзывается о военныхъ Клеберовыхъ способностяхъ. Онъ назначенъ бригаднымъ генераломъ и посланъ противъ Вандейскихъ ройялистовъ.

Послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ, онъ былъ разбитъ въ Торфу 19 Сентября 1793 г. Шаретъ и Боншамъ съ 30 т. Вандейцевъ, напали на Клебера, у котораго было только шесть тысячь человѣкъ, называвщихся Ма-

ницскою арміею, по тому что они составляли часть гарнизона сей крѣпости, когда отдали ее союзникамъ. Обѣ стороны дрались съ остервененіемъ; побѣда долго оставалась нерѣшеною; наконецъ склонилась на сторону ройялистовъ знатнымъ подкрѣпленіемъ, которое принудило Клебера ретироваться. Хотя онъ былъ тяжело раненъ въ плечо, но нехотѣлъ оставить своего арьергарда, чувствуя что присутствіе его было нужно для содержанія порядка. Всѣ движенія заставлялъ онъ дѣлать точно какъ ексерцицію. Зная, что одинъ мостъ былъ отмѣнно для него важенъ, онъ отправляетъ туда одного гренадирскаго капитана съ ротою, состоявшею почти изо ста человѣкъ, сказавъ ему: *займите первый мостъ по Клиссонской дорогѣ, защищайтесь тамъ до послѣдняго человѣка; хотя васъ всѣхъ перебьютъ, но вы спасете армію.* Капитанъ отвѣчалъ ему: *будте увѣрены, генералъ, что мы выполнимъ приказаніе ваше въ точности.* Капитанъ етотъ назывался Шаурдянъ; онъ исполнилъ свое слово; удержалъ мостъ и погибъ со всѣми людьми.

Не смотря на ету осторожность, колонна Клеберова погибла бы, ежели бы солдаты, ее составлявшіе, не увѣрены были въ своемъ начальникѣ. Вандейскіе генералы оказали

стольже много отважности, какъ и искусства; но не знали своего превосходства, и не умѣли воспользоваться своимъ успѣхомъ. Клеберъ отмстилъ имъ на Шоллетскомъ сраженіи. Здѣсь познакомился онъ съ генераломъ Марсо, который послѣ сдѣлался его другомъ: они соединились неразрывными узами взаимнаго почтенія и удивленія. За Шоллетскую побѣду обязаны генію Клебера, неустрашимости Марсо и усердію Бопюи.

Клеберъ былъ разбитъ Ларошъ-Жакленомъ между Лавалемъ и Шатогонтьеромъ; но здѣсь главнокомандующимъ былъ Лешелль. Признаюсь, что одержавшіе Шоллетское сраженіе, на которомъ Лешелль начальствовалъ такжe *для вида*, должны бы были дѣлать все сами не слушаясь повелѣній глупаго человѣка, и Майнцская армія не претерпѣла бы втораго пораженія, которое было кровопролитнѣе Торфускаго. Послѣ упорнаго сраженія у Антреня по Дольской дорогѣ и вспомоществованія Вестермановой атаки Манса, Марсо приказалъ Клеберу отнять Савене, послѣднее мѣсто, представлявшее ройялистамъ нѣкоторую надежду на сопротивленіе. Ни кто недумалъ, чтобы Вандейцы сдѣлали на разсвѣтѣ атаку. Они нечаянно напали на Клеберовы войска, которые побѣжали. Клеберъ,

оставшись одинъ съ ротою гренадиръ, подвергался опасности быть окруженнымъ. Онъ беретъ ружье прикладомъ вверхъ, приказываетъ гренадирамъ сдѣлать тоже, но не стрѣлять, и бросается на правый флангъ колонны Вандейцевъ съ ужаснымъ крикомъ. Это навело страхъ на ройялистовъ; они отступили, разбѣжавшіеся собрались, и когда подоспѣли другія дивизіи, то аттака сдѣлалась общею и кровопролитіе было страшное.

Клеберъ, по человѣколюбію своему вымышливалъ средства спасать несчастныхъ, которыхъ по приказанію *народныхъ представителей* рѣзали безъ жалости, и я не увеличу сказавъ, что онъ помогъ уйти слишкомъ 600 человѣкамъ Вандейцевъ. Великодушный этотъ поступокъ, дѣланный имъ вмѣстѣ съ Марсо, узнали Пріёръ и Каррьеръ, два кровожадные тигра. Они донесли на обоихъ генераловъ, и покорители Манса и Савене три мѣсяца были безъ должности. Клеберъ, уѣхавъ въ Шатобріанъ, предался ученію, а Марсо старался поправить свое здоровье.

Какъ Клебера считали учителемъ Марсо, то и старались всячески его безпокоить. Къ нему прислали одного бригаднаго генерала, по имени Гюшета, чтобы вывести его изъ терпѣнія. Онъ слишкомъ извѣстенъ былъ за

скромнаго человѣка, по чему и не думали, чтобы онъ явно сказалъ свое политическое мнѣніе въ такое время, въ которое противное системѣ тогдашняго правительства немедлѣнно наказывалось смертію. Гюшетъ етотъ, одинъ изъ Сентябрскихъ мясниковъ, вошелъ къ Клеберу съ красною шапкою и подавъ ему другую просилъ надѣть ее. Онъ безпрестанно его тыкалъ. Не смотря на безмолвное наше прошеніе чистосердечный Клеберъ не принялъ шапки и не отвѣчалъ отвратительному гостю своему тыканьемъ. *Къ симъ двумъ важнымъ винамъ присоединилось еще и то, что онъ забылъ пригласить къ обѣду Робеспьерова шпіона.* Въ тотъ же вечеръ, клубъ *братьевъ и друзей* Шатобріанскихъ, по предложенію Гюшета, единогласно объявляетъ Клебера аристократомъ, опредѣляетъ призвать его къ суду для отдачи отчета въ поведеніи, а въ случаѣ упорства, привести его подъ карауломъ. Клеберъ, небоявшійся внѣшнихъ неприятелей, страшится нападеній злоумышленниковъ. Онъ боится, что его убьютъ, зная бѣшенство своихъ враговъ и то, что генералъ Гюшетъ, управлявшій ими, есть настоящій палачь. Онъ отправляетъ въ клубъ одного изъ своихъ офицеровъ сказать, что за болѣзнію не можетъ придти въ собраніе.

Едва посланный высказалъ свое порученіе, какъ во всей комнатѣ раздалось: *аристократъ! на гильотину!* Сдѣлано предложеніе начать это съ офицера, который съ величайшимъ трудомъ выпросилъ позволеніе говорить. Сказавъ въ короткихъ словахъ о Клеберовыхъ сраженіяхъ, о его ранѣ, полученной въ Торфу, дѣлахъ его въ Майнцѣ и Савенѣ, онъ обращается къ Гюшету, котораго осыпаетъ учтивостями и говоритъ ему: „что онъ первый будетъ „оплакивать смерть человѣка, котораго храб„рость и дарованія спасли республику и сво„боду." Разбойникъ этотъ дался въ обманъ; онъ сказалъ, что беретъ назадъ свое предложеніе, и заставляетъ сдѣлать опредѣленіе благодарить Клебера *тѣхъ же самыхъ людей*, которые можетъ быть его убили бы, ежели бы онъ согласился придти на ихъ позывъ.

Комитетъ общественной безопасности обидѣлъ Клебера; по чему и старался успокоить его сдѣлавъ его дивизіоннымъ генераломъ. Онъ получилъ повелѣніе отправиться въ сѣверную армію. Всѣ сраженія его были полезны, даже и тѣ, которые онъ проигралъ. Онъ приучалъ войски свои къ войнѣ. При ретирадахъ дѣлалъ онъ манёвры, какъ будто на ученьѣ. 6 Юля 1794 г., когда Журданъ былъ разбитъ, Клеберъ перешелъ назадъ за Самбру съ вели-

чайшимъ порядкомъ, между тѣмъ какъ другія дивизіи переходили въ совершенномъ разстройствѣ. На Флерусскомъ сраженіи онъ коммандовалъ лѣвымъ крыломъ, составленнымъ изъ трехъ дивизій, и успѣлъ совершенно. При осадѣ Маестрихта, онъ самъ управлялъ всѣми операціями. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ Фекьера и сочиненій, относящихся до нападеній на крѣпости. Каждый день по нѣскольку часовъ проводилъ онъ на баттереяхъ и въ траншеи, чтобы присутствіемъ своимъ ободрять канонеровъ и работниковъ.

По сдачѣ Маестрихта, Клеберъ пришелъ въ Маинцу; но вскорѣ отозвали его опять къ Самбро-Маасской арміи, въ которой онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ. Онъ безпрестанно занимался обученіемъ своихъ дивизій. Онъ приуготовлялъ переходъ за Рейнъ. Для него тяжко было употребить обманъ въ такомъ дѣлѣ, которое, начиная съ Цезаря до насъ, дѣлалось явною силою: сдѣлали открытые приуготовленія передъ пунктами, противупоставленными дивизіямъ Греньеровой и Шампіоннетовой, между тѣмъ какъ тайно приготовляли средства отправить дивизіи генераловъ Лефевра и Тилли на Австрійскую косу, называемую *Ейкелскампъ*, вдавшуюся

въ Прусскіе владѣнія и отстоящую на милю отъ Австрійскихъ постовъ. Генералъ графъ фонъ Ербахъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобы непріятель имѣлъ виды на эту часть владѣнія его государя; по чему и не учредилъ тамъ постовъ, даже не посылалъ патрулей. Мнѣ жаль для Клеберовой славы, что онъ послушался Журдана, предписавшаго ему употребить столь безполезное и унизительное средство. Въ самую ночь перехода за Рейнъ, роздали 30 т. франковъ Прусскимъ войскамъ, чтобы они позволили пройти и помогли притянуть вверхъ барки *купленныя въ ихъ владѣніи*, для перевоза Клеберова авангарда на *Ейкелскампъ*, который объявленъ былъ неутральнымъ отъ Прусскаго генерала Висбурга. *Вотъ великія причины сихъ великихъ слѣдствій.*

Разница въ операціяхъ Италіянской и Самбро-Маасской арміи состояла только въ томъ, что Журданъ поступалъ безъ всякаго ухищренія и открывалъ свои дѣла, между тѣмъ какъ Бонапарте, употребляющій еще гнуснѣйшіе средства, отклоняетъ отъ себя мерзость оныхъ тѣмъ, что агенты его имѣютъ искуство пронырства свои сокрывать совершенно. Таковые безчестные поступки противны были чистосердечному Клеберу, который и слышать о нихъ не хотѣлъ. Онъ не пропускалъ случая разувѣрять всѣхъ, счи-

тавшихъ его виновникомъ вышесказаннаго дѣла, и отсылалъ къ Лефевру всѣ предписанія Журдановы, относившіеся до дѣла, которое онъ неодобрялъ явно, какъ скоро оно предложено было *по повелѣнію представителей.* 6 го Сентября въ десять часовъ вечера, Клеберъ съ Журданомъ и народнымъ представителемъ Жилетомъ пришли на мѣсто, назначенное для переправы. Онъ нашелъ здѣсь только легкую пѣхоту подъ начальствомъ генерала Жакопеня; Дамасова гренадирская колонна сбилась съ дороги по ошибкѣ вожатаго. Генералъ Лефевръ, теперешній дюкъ Данцижскій, разположилъ главную свою квартиру въ кабакѣ, въ которомъ обыкновенно собирались матросы. Здѣсь онъ со всѣмъ своимъ штабомъ занимался *подкрѣпленіемъ себя. Если мы должны погибнуть въ эту ночь*, говорилъ Лефевръ своимъ офицерамъ, *то затопимъ напередъ грусть нашу етимъ прекраснымъ рейнскимъ виномъ.* При сихъ послѣднихъ словахъ, Клеберъ, очень разсердившійся не нашедъ его при войскахъ, отворилъ дверь кабака и сказалъ Журдану: „какъ же хотите вы успѣть „въ такомъ дѣлѣ, которое поручено генера„ламъ, не выходящимъ изъ кабаковъ?" И оборотясь къ Лефевру:" вы никогда не обманыва„ли меня въ первомъ о васъ мнѣніи. Я все-

„гда говорилъ, что вы записный пьяница, и „хороши только быть артельщикомъ, какъ „нѣкогда были во Французской гвардіи." Лефевръ въ смущеніи пробормоталъ, хотя и въ полпьяна, нѣсколько словъ въ извиненіе, и бросясь въ первую лодку переѣхалъ на правый берегъ съ пятидесятью карабинерами. Всѣ войски переправились безъ малѣйшаго препятствія. По переправѣ четырехъ дивизій, бывшихъ подъ начальствомъ Клебера, центръ и правый флангъ арміи послѣдовали за ними. Клеберу ни кто не помогалъ: переправа его, для которой нарушили военную честь, была только театральнымъ зрѣлищемъ.

Кампанія 1796 г. открыла во всемъ блескѣ отличные дарованія сего генерала. Журданъ былъ отбитъ; армія ретировалась; колонны приходятъ въ Нейвидскую долину. Въ ту самую минуту, когда приказано переходить Рейнъ, мосты были разорваны пловучими бревнами, пущенными комендантомъ Еренбрейтштейнской крѣпости. Марсо приписываетъ непредусмотрительности своей это помѣшательство; храбрый сей человѣкъ впадаетъ въ отчаяніе и хватается уже за пистолеты, какъ Клеберъ, примѣчавшій за нимъ, говоритъ своему другу:" ты дурно „дѣлаешь, любезный Марсо; ты можешь уме-

„реть съ пользою. Истинная слава та, ког-
„да погибаешь съ оружіемъ въ рукахъ отъ
„ударовъ непріятельскихъ." Устыдясь своей слабости, Марсо благодаритъ Клебера, кидается съ конницею и отбиваетъ Австрійцевъ. Клеберъ поддерживаетъ его всею пѣхотою, которая контрмаршемъ и въ величайшемъ порядкѣ перемѣнила фрунтъ. Послѣ сего, онъ призываетъ инженернаго начальника и при всѣхъ спрашиваетъ его громко, сколько ему надобно времени для поправленія мостовъ? Десять часовъ, отвѣчалъ ему инженеръ. *Я вамъ даю двадцать*, отвѣчалъ Клеберъ съ горячностію; *но ежели вы не сдержите своего слова, то я васъ велю разстрѣлять*. „Вы видите, сказалъ онъ солдатамъ,
„что мы не можемъ переправиться за Рейнъ
„отъ того, что мосты разорваны. Мѣсто,
„на которомъ мы стоимъ, очень мокро. Я
„рѣшился занять на нынѣшнюю ночь пози-
„цію, въ которой теперь Австрійцы. Я на-
„дѣюсь на васъ также, какъ вы должны надѣ-
„яться не меня." Слова сіи, произнесенные съ силою души, каковою одаренъ былъ Клеберъ, у котораго сверхъ того былъ голосъ, подобный Стенторову, произвели удивительное дѣйствіе. Солдаты, которые за минуту до сего были печальны и унылы, вдругъ обо-

дрались и неотступно просили вести ихъ на сраженіе крича: *да здравствуетъ Клеберъ! да здравствуетъ храбрый нашъ генералъ?* Онъ воспользовался етимъ жаромъ и принудилъ Австрійцевъ уступить имъ Нейвидскую долину и ретироваться на возвышенія, недалеко отъ нее отстоящіе. Всѣ единогласно признавались, что Клеберово мужество и присутствіе духа спасли армію. Мосты изправлены въ ночь, а на другій день войска переправились за Рейнъ такъ, что неприятель не смѣлъ ихъ тревожить.

Говорили, будто Клеберъ оставался въ аррьергардѣ для того только, чтобы солдаты кричали ему *виватъ*. Но онъ былъ выше такого хвастовства. Онъ всегда награду свою полагалъ въ совѣсти и презиралъ тѣмъ шарлатанствомъ, которое старается замѣнять настоящее достоинство глупымъ притворствомъ, привлекающимъ смѣшные похвалы невежества и лести. Предмостіе охраняли два батальона, чтобы возпрепятствовать Австрійцамъ прорвавшись на етомъ пунктѣ съ силою напасть на дивизіи, отступавшія къ Кельну.

Переправа чрезъ Рейнъ произведенная въ Юлѣ 1796 г., встрѣтила мало затрудненій. Клеберу мѣшали Журданъ, который бывъ все-

гда игрушкою своего ничтожества и самолюбія, ласкалъ или грубо обходился съ симъ генераломъ. Одинъ разъ Журданъ сказался больнымъ и Клеберъ сдѣлался начальникомъ арміи. Аттака его передъ Бамбергомъ была мастерская. Французы вошли въ Нюренбергъ. Журданъ поспѣшилъ пріѣхать къ арміи, и перемѣнилъ Клеберовъ планъ, который хотѣлъ идти на Дунай въ соединеніе съ Моро. Журданъ выдавалъ что имѣетъ отъ директіи повелѣніе преслѣдовать Вартенслебена къ границамъ Богемскимъ. Клеберъ, огорчась такимъ упрямствомъ и сожалѣя что не можетъ сдѣлать хорошаго дѣла, оставилъ армію и уѣхалъ въ Вюрцбургъ; но узнавъ, что Журданъ былъ разбитъ и армія находится въ опасности, онъ забылъ всѣ оскорбленія, сдѣланные ему главнокомандующимъ, а видѣлъ только товарищей, имѣвшихъ нужду въ его дарованіяхъ. Онъ поскакалъ на почтѣ, пріѣхалъ въ Амбергъ, принялъ опять начальство, началъ дѣлать смѣлые и искусные маневры и вывелъ армію изъ отмѣнно критическаго положенія.

Не обинуясь скажу, что безъ Клебера Самбро-Маасская армія принуждена бы была положить оружіе. Ерцгерцогу удалось отдѣлить Лефеврову и Колодову дивизіи, состо-

явшія изъ 18 т. человѣкъ, отъ Греньеровой и Шампіонетовой, въ которыхъ было почти столькоже. Онъ могъ отдѣленно атаковать каждый изъ сихъ двухъ корпусовъ съ 40 т. слишкомъ человѣкъ отмѣнныхъ войскъ, гордившихся успѣхами, полученными ими въ Амбергѣ, Тейнингенѣ и Неймаркѣ, между тѣмъ какъ у Французовъ духъ упалъ отъ сихъ же несчастныхъ для нихъ произшествій. Какъ Клеберу должно было быть пріятно, когда проходя черезъ ряды слышалъ онъ, что его называли *спасителемъ арміи*, *генераломъ по превосходству*, а особливо тѣмъ, что слова сіи дѣлались еще краснорѣчивѣйшими отъ слезъ благодарности!

Онъ очень огорчился увидѣвъ, что Бёрнонвиль получилъ главное начальство надъ арміею, которая по справедливости считала его своимъ отцемъ, потому что ровно три года онъ приводилъ ее къ побѣдамъ. Онъ скрылъ свое огорченіе, сказался больнымъ и уѣхалъ во Францію; но нравъ его не долго дозволилъ ему скрывать свое неудовольствіе. Онъ громко началъ говорить противъ директоровъ; объявилъ себя, какъ говорятъ, пристравшимъ къ монархіи, и отказался отъ многихъ, предлагаемыхъ ему мѣстъ. Онъ жилъ уединенно въ Шальё вмѣстѣ съ генераломъ Моро.

Одинъ разъ пріѣхавъ навѣстить его, нашелъ я его съ Моро и нѣсколькими офицерами. Разговоръ былъ о несправедливости директоріи къ двумъ, столь отличнымъ генераламъ. Офицеры, по горячности своей, только и говорили, чтобы прогнать директоровъ и мѣста ихъ отдать людямъ, которые дарованіями заслужили любовь арміи, а за добродѣтель отъ всѣхъ уважаются. Клеберъ заставилъ ихъ молчать сказавъ: „военные люди должны повиноваться и молчать. Если „бы меня избрали въ законодатели, я „употребилъ бы всѣ силы къ прекращенію „злоупотребленій; но до тѣхъ поръ, пока я „останусь генераломъ, грудь свою опредѣляю „для защиты правительства, а тылъ для „правителей, которые, подобно нынѣшнимъ, „будутъ недостойны общественной довѣренности."

Клебера не хвалили за то, что онъ былъ нѣсколько воленъ въ выраженіи своихъ мыслей. Соглашаясь въ этомъ, я долженъ сказать, что это происходило отъ того, что онъ не хорошо зналъ Французскій языкъ. Онъ писалъ и говорилъ на немъ дурно. Нѣмецкій языкъ его былъ любимый; онъ говорилъ и писалъ на немъ очень хорошо. Въ обществѣ, а особливо съ женщинами, никогда не употреблялъ

онъ слова, которое какъ нибудь могло бы подать поводъ къ двусмыслію. Я часто отъ него слыхалъ, что „онъ не любилъ тщеславныхъ, сожалѣлъ о глупыхъ, гнушался подлыми и имѣлъ отвращеніе отъ обманщиковъ и „лжецовъ." Я не могъ собрать послѣднихъ мыслей сего великаго человѣка о лукавствѣ и злодѣйствахъ Бонапартовыхъ. Одинъ изъ его адьютантовъ, возвратившійся изъ Египта, разсказывалъ мнѣ о ужасной ненависти Клебера къ своему противнику.

Спокойствіе, а особливо неизвѣстная жизнь не долго могла нравиться Клеберу. Услышавъ объ експедиціи въ отдаленныя страны, онъ пожелалъ въ ней участвовать. Два мѣсяца не рѣшался онъ отнестись прямо къ Бонапарту, чтобы получить ету *милость*. Всѣ старанія, которые онъ заставилъ дѣлать друзей своихъ, оставались тщетными. Моро употреблялъ всѣ возможные средства удержать его отъ сего намѣренія заставляя его надѣяться впередъ лучшаго.

Любовь къ славѣ принудила его забыть права дружества и отклонила отъ совѣтовъ здраваго разсудка. Онъ рѣшился самъ идти къ Бонапарту. Послѣдній завтракалъ когда доложили ему о Клеберѣ. Бонапарте никогда его не видывалъ, а слышалъ о немъ такъ

различно, что до сего времени не заботился узнать его. Подумавъ нѣсколько, онъ сказалъ: *чего хочетъ отъ меня етотъ человѣкъ?* Гжа Бонапарте сказала ему, что *Клеберъ достойный человѣкъ и что она видавъ его въ нѣкоторыхъ обществахъ, не можетъ довольно нахвалиться его вѣжливостію. Ну-такъ впустите его*, сказалъ Бонапарте, *посмотримъ чего онъ хочетъ.* Клеберъ взошелъ и вѣрно очень удивился надменному приему. Бонапарте не приподнялся съ мѣста, также какъ и всѣ гости, а приказалъ подать стулъ Клеберу, который смутясь не много съ замѣшательствомъ проговорилъ первые слова, составлявшіе обыкновенные комплименты. Оправясь же сказалъ онъ Бонапарту: *я пришелъ просить васъ, генералъ, сдѣлать мнѣ честь взять къ себѣ въ адьютанты. Я почту за счастіе ежели доверщу подъ вашимъ руководствомъ нѣкоторыя приобрѣтенные мною познанія о военномъ искуствѣ.* Бонапарте, котораго всѣ физическіе и моральные основанія потрясаются только онъ похвалъ, перемѣнился такъ, что его узнать было не льзя. Лице его разцвѣло радостію, и онъ отвѣчалъ Клеберу: *я знаю дарованія и заслуги ваши; вы будете первымъ по мнѣ генераломъ.* Позавтракавши они разговаривали на единѣ часа два.

Клеберъ рѣшился ѣхать. Онъ прибылъ въ Тулонъ. Дивизія его первая вышла на Александрійскій берегъ. Крѣпость эта была взята штурмомъ, на которомъ Клеберъ былъ раненъ пулею. Это заставило Бонапарта оставить его начальникомъ въ Александріи, а дивизію его поручить генералу Дютѣ.

Утверждаютъ, что съ сего времени началось несогласіе между Клеберомъ и Бонапартомъ, отъ того что послѣдній отказалъ ему оставить съ нимъ въ гарнизонѣ тѣ полки, которые онъ просилъ. Не смотря однакожъ на это, Клеберъ принялъ всѣ нужныя мѣры для отраженія нападенія. Онъ ввелъ въ свои войски строжайшую дисциплину, и справедливостію и человѣколюбіемъ своимъ успѣлъ привести у жителей въ забвеніе буйства, причиненныя арміею при ея прибытіи. Они считали Клебера своимъ спасителемъ, и очень огорчились узнавъ, что ему приказано было идти въ Сирію. Мѣсто его занялъ генералъ Мармонъ, который Бонапарту нуженъ былъ здѣсь для переписки съ Франціею и приуготовленія всего нужнаго къ его побѣгу.

16 Февраля 1799 г. Клеберова дивизія пришла къ Ель Аричу который сдался 21 го. Нѣсколько уже дней Ренье осаждалъ эту крѣпость. 23 го, Клеберъ съ своею дивизіею,

подкрѣпленною конницею изъ армiи, пошелъ изъ Ель-Арича въ Капжунецъ, первое селенiе, лежащее на Газской дорогѣ по выходѣ изъ пустыни. Колонна ета заблудилась въ пустынѣ ошибкою вожатыхъ. Бонапарте, считавшiй ее впереди, прибылъ съ своими вожатыми и штабомъ до самыхъ аванпостовъ Мамелуковъ; но увидѣвъ свою ошибку, тотчасъ отступилъ къ Санпону, гдѣ встрѣтился съ Клеберовою конницею.

Въ походѣ на Газу, Клеберу приказано было аттаковать правый флангъ Абдалы. Сшибъ смялъ его и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Излуча начальство надъ авангардомъ армiи, пришелъ онъ къ Яффѣ, отбилъ неприятеля, принудилъ его войти въ крѣпость и маневрировалъ для прикрытiя осады сего города. По завладѣнiи онымъ, Клеберъ согналъ съ Корсумскихъ высотъ Абдалинъ корпусъ, состоявшiй изъ 12 т. человѣкъ, послѣ чего пошелъ на Каифу, который немедленно оставленъ былъ неприятелемъ. Черезъ два дни послѣ сего отправился онъ на Акру, который городъ по рекогносцированiи былъ обложенъ. Траншея передъ етою крѣпостiю была открыта 21 го Марта. Клеберъ, который очень искусенъ былъ въ нападенiяхъ на крѣпость, замѣтилъ что аттака производилась противъ всѣхъ правилъ. Онъ

ручался *головою своею* завладѣть етою крѣпостію въ мѣсяцъ, если согласятся поручить ему управленіе всѣми операціями. Бонапарте съ презрѣніемъ отбросилъ предложеніе, которое долженъ бы былъ принять съ радостію, сказавъ ему, чтобы онъ занимался своею дивизіею. Принятый планъ продолжали производить въ дѣйство, хотя Клеберъ доказалъ, что онъ никуда не годился.

Какъ Жюно былъ разбитъ въ Луби Арабами и Наплузцами, то Клеберъ получилъ приказаніе идти ему на помощь, и отправился съ своею дивизіею 10 го Апрѣля. Онъ пошелъ на Луби, опрокидывалъ все, что ему встрѣчалось, завладѣлъ Леджарскимъ лагеремъ и принудилъ непріятеля въ безпорядкѣ отступить къ Іордану. 15 го, Клеберъ пошелъ на Фули, чтобы напасть на непріятельскій корпусъ, состоявшій почти изъ 20 т. человѣкъ, и догналъ его только 17 го. Составя два пѣхотныхъ карея изъ двухъ тысячь храбрыхъ человѣкъ, составлявшихъ его армію, онъ дозволилъ аттаковать себя въ етомъ порядкѣ. Восемь часовъ съ ряду противился онъ силамъ, въ десять разъ его превосходившимъ. Когда Бонапарте показался въ два часа по полудни, то побѣда была уже на сторонѣ Клебера. Непріятель

ретировался потерявъ отборныхъ своихъ людей. Клеберово героическое сопротивленіе рѣшило въ пользу его успѣхъ сего славнаго дня. Всѣ войски провозгласили его *побѣдителемъ горы Фавора*, и осыпали насмѣшками Бонапарта за то, что онъ такимъ образомъ оставилъ двѣ тысячи человѣкъ на явную смерть, если бы не начальствовалъ надъ ними генералъ, котораго дарованія и опытность умѣли привести въ безсиліе число и отважность непріятеля.

Здѣсь Клеберъ оказалъ силу души своей по слѣдствію того праводушія, котораго онъ никогда не оставлялъ. Бонапарте приказалъ сжечь всѣ селенія въ сихъ мѣстахъ и перерѣзать жителей. Мюратъ, Рампонъ, Жюно и пр. повиновались отъ чистаго сердца; но Клеберъ формально отказался отъ исполненія сего варварскаго приказанія сказавъ Бонапарту, что *онъ не разбойникъ и не палачь.* Клеберово мужество заставило его отмѣнить свое приказаніе. Бертье старается выхвалять Бонапарта за принужденную ему отмѣну. Вотъ собственные слова изъ рапорта сего начальника штаба. „Наплузцы Нурес„скіе, Дженинскіе и Фулискіе, съ самаго нача„ла осады не преставали нападать на кон„вои Французской арміи, пересылаться съ

„Джезаромъ и помагать ему. Сіи столь опа-
„сныя непріязненности заслуживали примѣр-
„ное наказаніе. Бонапарте отдаетъ приказъ
„жечь сіи селенія и предавать мечу все въ
„нихъ находящееся. . . Но наконецъ онъ пре-
„клоняется къ милосердію, удерживаетъ мще-
„ніе и обѣщаетъ имъ *покровительство*, если
„они останутся спокойными въ своихъ го-
„рахъ.“ Одинъ офицеръ 14 го драгунскаго
полка, бывшій въ штабѣ у Клебера, слышалъ
споръ его съ Бонапартомъ и жители обяза-
ны были сохраненіемъ собственности и жи-
зни человѣколюбію сего генерала.

Послѣ етой експедиціи, Клеберова дивизія
заняла Назаретъ и многіе другіе выгодные
мѣста для прикрытія осады. Бонапарте
вздумалъ избавить себя отъ присутствія сего
строгаго цензора, который говорилъ всяко-
му, кто только хотѣлъ слушать, что Бона-
парте не возметъ никогда Акры, по тому
что атпаковалъ *ее по турецки*. Послѣ мно-
гихъ кровопролитныхъ и безполезныхъ при-
ступовъ, сказанное Клеберомъ сбылось: 21 го
Мая въ девять часовъ вечера, осада снята
и армія пошла обратно въ Каиръ. Клеберъ
составлялъ аррьергардъ съ своею дивизіею и
конницею арміи. Изъ сего видно, что онъ
для Бонапарта былъ въ Египтѣ и Сиріи то

же, что был для него Сульт въ Моравіи, Пруссіи, Польшѣ и Гиспаніи.

Сколько долженъ былъ терзаться добрый Клеберъ смотря на ужасы, произведенные по приказанію Бонапарта начиная отъ Акры до вступленія въ пустыню! Онъ всегда отказывался участвовать въ оныхъ. Выступя изъ Яффы 30 Мая, онъ продолжалъ составлять аррьергардъ. Когда надобно было проходить пустынею, Наполеонъ приказалъ, чтобы Клеберова дивизія несла раненыхъ, которыхъ не льзя было отправить моремъ или везти иначе. Очень ясно, что Бонапарте хотѣлъ раздражить Клеберовыхъ солдатъ и уменьшить ту привязанность, которую наперерывъ всѣ ему оказывали и которая для него была столь же лестна, сколь уничижительна и тяжка для главнокомандующаго.

Наскуча жалобами корпусныхъ начальниковъ, онъ рѣшился идти къ Бонапарту и сказать ему прямо, чтобы приказано было каждой дивизіи по очереди быть въ аррьергардѣ и носить раненыхъ. Пришедъ къ палаткѣ главнокомандующаго, онъ повстрѣчался съ Дюрокомъ, обошелся съ нимъ грубо и хотѣлъ войти; но его не впустили. Дюрокъ вызвался доложить о немъ; онъ замѣтилъ, что Клеберъ былъ не въ спокойномъ духѣ; пере-

сказалъ ето Бонапарту, который приказалъ ему сказать, что онъ спитъ, но скоро проснется. Клеберъ ходилъ въ задъ и впередъ ворча сквозь зубы нѣкоторые слова, означавшіе его неудовольствіе. Подождавъ около часа, Бонапарте показался въ дверяхъ палатки зѣвая и потягивая руками, какъ будто только проснулся. *А! вы здѣсь,* сказалъ онъ Клеберу, *что новинькаго? Я пришелъ именемъ всей моей дивизіи просить, чтобы перестали ее употреблять вмѣсто вьючной лошади. Я всегда былъ въ аррьергардѣ и въ два дни мы выбились изъ силъ неся раненыхъ. Я требую, чтобъ прочія дивизіи намъ помогали, и ежели вы етого неприкажите, то напередъ говорю вамъ, что такая несправедливость произведетъ возмущеніе.* — *И отъ Клебера,* сказалъ съ живостію Бонапарте, *слышу я слова, столь противные военной дисциплинѣ! Я стыжусь за васъ, генералъ, за васъ, которые до сихъ поръ заслуживали мое уваженіе. Ступайте назадъ въ вашъ лагерь, и помните, что ежели приказанія мои не выполнятся въ точности, то я прикажу васъ разстрѣлять передъ вашею же дивизіею.* Сказавъ ето, онъ обернулся и вошелъ въ свою палатку. Послѣдніе слова произнесъ онъ съ бѣшенствомъ. Клеберъ, *человѣкъ безстрашный и* безукоризненный, устрашился

говорять, оныхъ. Меня увѣряли, что онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ не говоря слова, пришелъ опять въ свой лагерь, и приказаніе Бонапартово исполнено было въ точности.

(Бонапарте при отъѣздѣ своемъ изъ Египта, сдаетъ Клеберу главное начальство надъ возточною арміею. Замѣшательство Клеберово. Жалобы, принесенныя имъ директоріи. Ель-Аричское условіе между адмираломъ сиромъ Сиднеемъ Смитомъ и генераломъ Дезе. Клеберъ исполняетъ оное въ точности. Англичане не утверждаютъ онаго. Геліополисское сраженіе. Возмущеніе Каирское. Осада и сдача сего города. Клеберъ управленіемъ своимъ пріобрѣтаетъ любовь жителей и арміи. Умерщвленіе его однимъ Туркомъ. Похороны).

Многіе офицеры, возвратившіеся изъ Египта увѣряли, что Клеберъ убитъ по приказанію Бонапарта. Одинъ генералъ осмѣлился сказать это генералу Мюрату увѣря его, что ни съ кѣмъ не будетъ болѣе говорить объ этомъ. Старшій Клеберовъ адьютантъ утверждалъ тоже. Генералъ Мену, располагавшій этимъ гнуснымъ дѣломъ, старался дать общественному мнѣнію направленіе, противное истинѣ. Турка Сулеймана, искуснымъ образомъ свели въ большой Каирской мечети для переговора съ четырью толкователями Алко-

рана, дабы умножить число жертвъ и поскорѣе утушить негодованіе солдатъ, происходившее отъ потери единственнаго ихъ защитника, отца любезнѣйшаго. . .

Абдалла-Мену въ рапортѣ своемъ говоритъ, „что умерщвленіе Клеберово лишь только „умножило болѣе отважность и храбрость „солдатъ, и что, хотя бы собрался весь востокъ, они въ крови его отмстятъ кровь „своего генерала." Мену услужилъ бы лучше своему начальнику, ежели бы не писалъ такого веліколѣпнаго вздора; а особливо замѣшательство его выказывается въ письмѣ къ адмиралу сиру Сиднею Смиту отъ 20 Юня 1800 г. „Союзники ваши Турки, говоритъ Мену, не „могши побѣдить Французовъ, для отмщенія „употребили кинжалъ, орудіе трусовъ и подлыхъ людей. Для сего ужаснаго злодѣянія „отправили они изъ Газы одного янычара „сорокъ два дни тому назадъ. Французы хотятъ вѣрить, что одни только Турки винoвны въ етомъ. Убивство ето надобно возвѣстить всѣмъ народамъ, которые всѣ должны „принять участіе въ отмщеніи за оное, и пр." Англинскій адмиралъ тотчасъ отвѣчалъ ему слѣдующими словами. „Въ ту минуту, въ которую ожидалъ я видѣть генерала Клебера въ счастливѣйшемъ положеніи, съ вели-

„чайшимъ прискорбіемъ узнаю плачевную кон„чину его. Я тотчасъ далъ о томъ знать „великому визирю и Оттоманскимъ мини„страмъ. . . . Великій визирь объявилъ мнѣ „оффиціяльно, что онъ ни мало не знаетъ „людей, сдѣлавшихъ его убивство, и я очень „увѣренъ, что объявленіе его истинно и чи„стосердечно, и пр.“

Разсматривая запутанный слогъ Французскаго генерала и чистосердечный отвѣтъ Англинскаго адмирала, не трудно узнать настоящихъ виновниковъ. Отъ чего Мену говоритъ, что *Французы хотятъ вѣрить, что одни только Турки виновны въ етомъ?* Онъ не смѣлъ далѣе простирать своего обвиненія по тому что сиръ Сидней повѣривъ бы тогда дѣла дошелъ до первыхъ причинъ мерзкаго заговора, виновникомъ котораго ни кто не могъ быть, кромѣ Бонапарта, а изполнителемъ, кромѣ подлаго богоотступника Абдаллы-Мену.

Если бы Турки хотѣли кинжаломъ избавиться отъ начальника Французской арміи, то вѣрно не стали бы ждать, чтобы она уменьшилась до половины. Отъ чего не зарѣзать имъ Бонапарта, который такъ много стоилъ етого предавъ мечу Яффскій гарнизонъ, сожегши Акру и сдѣлавъ пустыню или

лучше огромную могилу изъ плодоносныхъ Сирскихъ долинъ? Нѣтъ, не Турки убили Клебера. Виновники сего злодѣянія извѣстны и признаны всѣми. Прахъ великодушнаго Клебера вопіетъ о мщеніи на Бонапарта, настоящаго виновника его смерти, и на Мену, который имѣлъ подлость сдѣлаться исполнителемъ сего ужаснаго заговора. Провидѣніе покарало Мену-Абдаллу: онъ умеръ и память его проклинается всею арміею. Гренадирамъ Французскимъ предоставлена слава отмстить за Клебера, ихъ друга, товарища, предводителя ихъ въ сраженіяхъ, искуснѣйшаго полководца своего времени. Смерть Бонапартова нужна для отмщенія Клебера и слишкомъ 600 т. храбрыхъ Французовъ, умерщвленыхъ имъ для наложенія оковъ на всю твердую землю и для пагубы всѣхъ четырехъ частей свѣта.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Выписка изъ Монитёра 26 Декабря.

Первый военный непремѣнный совѣтъ 16й военной дивизіи, находящійся въ Лиллѣ, учрежденный въ силу закона 13 брюмера 5го года, собрался 15го Ноября 1810 г. въ обыкновенномъ своемъ мѣстѣ для производства суда надъ неявившимся по позыву Сарразяномъ (Иваномъ), родившимся въ Сень-Силвестрѣ Лотъ-и-Гароннь, 15 Августа 1778 г., бригаднымъ генераломъ, коммандоромъ почетнаго легіона, обвиненномъ въ побѣгѣ къ непріятелю.

Военный совѣтъ единогласно объявилъ Сарразяна (Ивана), бригаднаго генерала, виновнымъ въ побѣгѣ къ непріятелю, и въ слѣдствіе того приговорилъ его къ смерти, въ силу 1 и 2 статей закона, изданнаго 21 брюмера 5го года.

3200 = [illegible] большая редкость!

